

ISSN 0130-3600

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

საბჭოთაო
ზოგადი ინფორმაცია

3

1984

10.335 /
1984/3

СМТ1355-1
803-010133

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АНДРОПОВ

10.335 /
1984 / 3

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

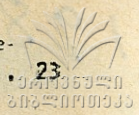
Обращение Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР к Коммунистической партии, к советскому народу	3
Информационное сообщение о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза	6
Речь товарища К. У. Черненко	8
Речь товарища Н. А. Тихонова	18
Константин Устинович Черненко	21

ПОЭЗИЯ

М. МРЕВЛИШВИЛИ, Т. АВАЛИАНИ, М. БАРАТАШВИЛИ, А. КАЛАНДАДЗЕ, М. КАХИДЗЕ, И. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Т. ДЖАВАХИШВИЛИ, А. БЕРИДЗЕ, К. КОРИНТЭЛИ, И. СЕРГЕЕВА, М. ХЕТАГУРИ, Д. БЕДИАНИДЗЕ, Н. КУТАТЕЛАДЗЕ, П. УРУШАДЗЕ, М. ГОНАШВИЛИ, Д. ЦААВА, Э. ТАТАРАИДЗЕ, Н. СОПРОМАДЗЕ. Переводы Г. Павловской, М. Акчурина, В. Еременко, Т. Брыксиной, Н. Гениной, Н. Дардыкиной,

3

1984

ПРОЗА

ГУРАМ ГЕГЕШИДЗЕ. Глас вопиющего. Роман. Окончание. Перевод Андрея Вязни- кова	36
ВЛАДИМИР ОСИНСКИЙ. Стоянка. Городская сказ- ка.	79
НАТЕЛА КАРАШВИЛИ. Эта таинственная Анна. Рассказ	115
ИРИНА ЛЕЖАВА. Два рассказа	127
ВЛАДИСЛАВ ПЕТЕРС. Непутевый. Рассказ	144

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ТАМАЗ ЧХЕНКЕЛИ. Жизнь в науке. К 90-летию А. Ф. Лосева	146
✓ РЕВАЗ СИРАДЗЕ. О возрожденческой эстетике	149
✓ ЭЛГУДЖА ХИНТИБИДЗЕ. Восточный Ренессанс и Руставели	166
ЛЕРИ АЛИМОНАКИ. Солнце, солнце, солнце....	174

РЕЦЕНЗИИ

АЛЕКСАНДР КАМЕНСКИЙ. Что и как видел Ни- ко Пиросмани!	185
РОКСАНА АХВЕРДЯН. Памятник дружбы	192

ПАМЯТИ М. А. ШОЛОХОВА

СЕРГО КЛДИАШВИЛИ. Гордость нашей литературы	194
ЗОЯ ТУХАРЕЛИ. Книга о творце донской Илиады .	195

К 170-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Т. ШЕВЧЕНКО

ОТАР ДЖАНЕЛИДЗЕ. «Мы едины духом...»	197
---	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

САРГИС ЦАИШВИЛИ. Влекут человека горы	206
--	-----

ИСКУССТВО

ВЛАДИМИР ХАРИТОНОВ. Образные доминанты современного искусства	213
ХРОНИКА	223

О Б Р А Щ Е Н И Е

ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС,
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР,
СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
К КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ,
К СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

Дорогие товарищи!

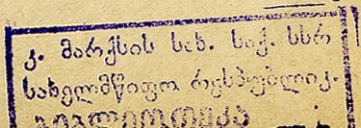
Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Оборвалась жизнь выдающегося деятеля ленинской партии и Советского государства, пламенного патриота социалистической Родины, неутомимого борца за мир и коммунизм Юрия Владимировича Андропова.

Его жизнь — образец беззаветного служения интересам партии и народа, великому делу Ленина. На всех постах, где по воле партии трудился Юрий Владимирович Андропов, он отдавал свои силы, знания, огромный жизненный опыт неуклонному осуществлению политики партии, борьбе за торжество коммунистических идей. Качества крупного политического руководителя ярко проявились во всей многогранной деятельности Ю. В. Андропова — на комсомольской работе и в организации партизанского движения в Карелии в годы Великой Отечественной войны, на ответственных участках партийной и дипломатической деятельности. Много труда вложил он в укрепление безопасности нашего государства.

Со всей силой выдающиеся способности и организаторский талант товарища Андропова — руководителя ленинского типа — раскрылись в его работе на постах Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Короткий срок довелось Ю. В. Андропову возглавлять Центральный Комитет КПСС. Но за это время

126283

партия, следуя курсом XXVI съезда, творчески обогащая его, обеспечила уверенное продвижение страны на всех направлениях экономического и социального прогресса.

Важными вехами в жизни партии и народа, в укреплении их нерушимого единства стали ноябрьский (1982 г.), июньский и декабрьский (1983 г.) Пленумы ЦК КПСС. В решениях Пленумов, в выступлениях Ю. В. Андропова была развита и конкретизирована современная стратегия партии — стратегия совершенствования зрелого социализма.

В этот период усилия партии и народа были сконцентрированы на ускорении развития экономики, на улучшении управления народным хозяйством, укреплении партийной, государственной и трудовой дисциплины, повышении ответственности кадров, на развитии творческой активности масс.

Принятые партией меры подчинены одной цели — росту благосостояния советских людей, усилению могущества Советского государства. Во всем этом велики заслуги Юрия Владимировича Андропова.

Значителен вклад Ю. В. Андропова в развитие всестороннего сотрудничества стран социалистического содружества, в укрепление единства и сплоченности международного коммунистического и рабочего движения, в поддержку борьбы народов за свободу и независимость.

Под его руководством ЦК КПСС и Советское государство последовательно и настойчиво осуществляли на международной арене ленинский внешнеполитический курс — курс на устранение угрозы термоядерной войны, на твердый отпор агрессивным проискам империализма, на упрочение мира и безопасности народов.

В эти скорбные дни коммунисты, весь советский народ еще теснее сплывают свои ряды вокруг ленинского Центрального Комитета партии, Политбюро ЦК КПСС. Трудящиеся Советского Союза видят в Коммунистической партии своего испытанного, коллективного вождя, полны решимости беззаветно бороться за претворение в жизнь ее внутренней и внешней политики, выражающей коренные интересы народа. Ленинский курс партии непоколебим. Партия вооружена ясной и

четкой программой действий, выработанной XXVI съездом КПСС, последующими Пленумами ее Центрального Комитета.

КПСС будет и впредь настойчиво и целеустремленно проводить линию на всемерную интенсификацию производства, ускорение научно-технического прогресса, усиление организованности и дисциплины, на неуклонный рост материального и духовного уровня жизни народа. Она будет крепить нерушимый союз рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, братскую дружбу народов СССР, развивать социалистическую демократию, воспитывать людей в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма, преданности великим идеалам коммунизма.

В нынешней сложной, опасно обострившейся международной обстановке КПСС, Советское государство считают своим первейшим долгом последовательно отстаивать дело мира, проявлять выдержку и бдительность, решительно срывать авантюристические замыслы империализма, укреплять оборонную мощь страны.

Советский народ — убежденный противник решения спорных международных вопросов силой. Мир без войн — наш идеал. В борьбе за прочный мир вместе с нами — братские страны социализма, коммунистические и рабочие партии, борцы за национальное и социальное освобождение, широкие народные массы, выступающие за предотвращение термоядерной катастрофы.

Наша партия и государство будут и впредь твердо и неуклонно проводить в жизнь принципы мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Мы желаем жить в мире со всеми странами, активно сотрудничать с теми правительствами и организациями, кто готов честно и конструктивно работать во имя мира.

Советский народ твердо знает: партия, Центральный Комитет, его руководящее ядро непоколебимо верны ленинскому знамени, делу Великого Октября. Партия свято дорожит доверием народа и считает высшей целью своей деятельности заботу о благе и счастье советских людей. Единство партии и народа было, есть и будет источником нашей силы.

В памяти коммунистов, всех советских людей Юрий Владимирович Андропов навсегда останется как человек беспредельно преданный учению Маркса — Энгельса — Ленина, принципиальный и скромный, близкий к людям труда, чуткий к их нуждам и заботам, умеющий подчинить все интересам социалистической Отчизны.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР выражают глубокую уверенность в том, что коммунисты, все советские люди с новой силой проявят свою классовую сознательность и организованность, свои высокие коллективистские качества, целеустремленным самоотверженным трудом обеспечат выполнение народнохозяйственных планов и социалистических обязательств, дальнейший расцвет нашей великой Родины.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

О ПЛЕНУМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

13 февраля 1984 года состоялся внеочередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

По поручению Политбюро ЦК Пленум открыл член Политбюро, секретарь ЦК КПСС тов. К. У. Черненко.

В связи с кончиной Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова участники Пленума ЦК почтили память Юрия Владимировича Андропова минутой скорбного молчания.

Пленум ЦК отметил, что Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государ-

ства, пламенный патриот, ленинец, неутомимый борец за мир и коммунизм.

Находясь по воле партии на важнейших постах партийной и государственной работы, Юрий Владимирович Андропов отдавал все свои силы, знания и огромный жизненный опыт осуществлению политики партии, упрочению ее связей с массами, укреплению экономического и оборонного могущества Советского Союза.

Много внимания уделял Ю. В. Андропов проведению в жизнь выработанной XXVI съездом КПСС и последующими Пленумами ЦК КПСС линии на всемерную интенсификацию производства, ускорение научно-технического прогресса, совершенствование управления народным хозяйством, усиление ответственности кадров, организованности и дисциплины, на неуклонный рост материального и духовного уровня жизни народа.

Большой вклад внес Ю. В. Андропов в развитие всестороннего сотрудничества стран социалистического содружества, в укрепление единства и сплоченности международного коммунистического и рабочего движения, в поддержку справедливой борьбы народов за свою свободу и независимость. Под его руководством последовательно и настойчиво осуществлялся на международной арене ленинский внешнеполитический курс нашей партии и государства — курс на устранение угрозы термоядерной войны, на твердый отпор агрессивным проискам империализма, на упрочение мира и безопасности народов.

Пленум подчеркнул, что в эти скорбные дни коммунисты, весь советский народ еще теснее сплачивают свои ряды вокруг ленинского Центрального Комитета партии, Политбюро ЦК КПСС, полны решимости беззаветно бороться за претворение в жизнь ленинской внутренней и внешней политики партии.

Участники Пленума ЦК выразили глубокое соболезнование родным и близким покойного.

Пленум ЦК рассмотрел вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС.

По поручению Политбюро ЦК с речью по этому вопросу выступил член Политбюро ЦК КПСС. Председатель Совета Министров СССР тов. Н. А. Тихонов.

Он внес предложение избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. К. У. Черненко.

Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС Пленум единогласно избрал тов. Черненко Константина Устиновича.

Затем на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. К. У. Черненко. Он выразил сердечную благодарность за высокое доверие, оказанное ему Центральным Комитетом партии.

Тов. К. У. Черненко заверил Центральный Комитет КПСС, Коммунистическую партию, что приложит все свои силы, знания и жизненный опыт для успешного выполнения задач коммунистического строительства в нашей стране, обеспечения преемственности в решении поставленных XXVI съездом КПСС задач дальнейшего укрепления экономического и оборонного могущества СССР, повышения благосостояния советского народа, упрочения мира, в осуществлении ленинской внутренней и внешней политики, которую проводят Коммунистическая партия и Советское государство.

На этом Пленум ЦК закончил свою работу.

РЕЧЬ ТОВАРИЩА К. У. ЧЕРНЕНКО

Дорогие товарищи!

Сердечно благодарю членов Центрального Комитета за оказанную мне высокую честь — избрание Генеральным секретарем ЦК. Я полностью сознаю громадную ответственность, которая ложится на меня. Понимаю, какая важная, какая исключительно сложная предстоит работа. Заверяю Центральный Комитет, партию, что приложу все свои силы, знания, весь свой опыт, чтобы оправдать доверие, чтобы вместе с вами продолжить ту принципиальную линию нашей партии, которую последовательно и настойчиво проводил в жизнь Юрий Владимирович Андропов.

Организаторский талант, ясный творческий ум, верность ленинизму в теории и политике, острое чувство нового и способность аккумулировать живой опыт масс, неприми-

римость ко всему, что чуждо нашему мировоззрению и образу жизни, нашей морали, личное обаяние и скромность — все это снискало Юрию Владимировичу огромный авторитет и уважение в партии и народе.

Партия поручала ему сложные и ответственные участки работы. Особенно ярко раскрылись лучшие политические и человеческие качества Юрия Владимировича Андропова на постах Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Он не щадил себя, стремясь всегда быть на высоте стоящих перед ним задач.

Юрий Владимирович внес весомый личный вклад в коллективную деятельность Центрального Комитета, Политбюро ЦК по разработке всесторонне взвешенного и реалистичного курса партии на современном этапе — курса на совершенствование развитого социализма. Под его руководством прошли ноябрьский (1982 года), июньский и декабрьский (1983 года) Пленумы ЦК КПСС, которые стали важными вехами в жизни партии и народа. В решениях Пленумов получила дальнейшее творческое развитие и конкретизацию политическая линия XXVI съезда КПСС.

Много сил и энергии отдавал Ю. В. Андропов борьбе за обеспечение мирных условий созидательного труда советских людей, за упрочение позиций социализма на международной арене.

Юрий Владимирович хорошо понимал: источник авторитета партии в том, что свое руководящее положение, свою почетную авангардную роль она завоевала и подкрепляет самоотверженным служением народу, умением точно выразить интересы трудящихся, вооружить их верной марксистско-ленинской программой действий.

Убедительным свидетельством правильности внутренней и внешней политики КПСС, ее соответствия требованиям и духу времени является горячая всенародная поддержка этой политики. Партия твердо идет избранным путем — путем коммунистического созидания и мира.

Так было раньше. Так будет всегда!

Но все мы понимаем, товарищи, что одного желания идти этим путем мало. Нужно уметь не только поставить правильные цели, но и упорно добиваться их, преодолевая любые трудности. Нужно реалистически оценивать достигнутое, не преувеличивая, но и не преуменьшая его. Только такой подход предохраняет от ошибок в политике, от соблазна принять желаемое за действительное, позволяет отчетли-

во видсть, как говорил Ленин, «что именно мы «доделали» и чего не доделали».

Недолгий, до обидного недолгий, товарищи, срок, суждено было Юрию Владимировичу Андропову трудиться во главе нашей партии и государства. Всем нам будет не хватать его. Он ушел из жизни в самый разгар большой и напряженной работы, направленной на то, чтобы придать мощное ускорение развитию народного хозяйства, преодолеть трудности, с которыми столкнулась страна на рубеже 70—80-х годов. Но все мы знаем, как много удалось сделать партии за это короткое время, как много нового, плодотворного получило права гражданства и утвердилось на практике. Продолжать и коллективными усилиями двигать дальше начатую под руководством Юрия Владимировича работу — лучший способ воздать должное его памяти, обеспечить преемственность в политике.

Преемственность — не отвлеченное понятие, а живое, реальное дело. И суть ее прежде всего в том, чтобы, не останавливаясь, идти вперед. Идти, опираясь на все достигнутое раньше, творчески обогащая его, концентрируя коллективную мысль, энергию коммунистов, рабочего класса, всего народа на нерешенных задачах, на ключевых проблемах настоящего и будущего. И это всех нас ко многому обязывает.

Сила нашей партии — в ее единстве, верности марксизму-ленинизму, в способности развивать и направлять творческую активность масс, сплачивать их идейно и организационно, руководствуясь испытанными ленинскими принципами и методами. Вы знаете, товарищи, какое огромное внимание уделяли в последнее время наш Центральный Комитет, Политбюро ЦК, Юрий Владимирович Андропов вопросам совершенствования работы государственного аппарата, улучшения стиля партийного руководства. Один из них — четкое разграничение функций партийных комитетов с задачами государственных и хозяйственных органов, устранение дублирования в их работе. Это крупный вопрос политического значения. И не все, говоря откровенно, отлажено тут как следует. Бывает, что работники Советов, министерств, предприятий не проявляют необходимой самостоятельности, перекладывают на партийные органы вопросы, которые должны решаться ими самими. Практика подмены хозяйственных руководителей расхолаживает кадры. Более того, она таит в себе опасность ослабления роли партийного комитета как орга-

на политического руководства. Для партийных комитетов заниматься хозяйством — значит прежде всего заниматься людьми, ведущими хозяйство. Это надо помнить всегда.

Товарищи! Полтора месяца назад, на декабрьском Пленуме ЦК, мы дали всестороннюю оценку положения дел в области социально-экономического развития страны. В принятом постановлении особо подчеркнуто, что сейчас важно сохранить набранный темп, общий настрой на практическое решение задач, неуклонно повышать уровень партийного и государственного руководства экономикой, активнее развивать позитивные тенденции, придать им устойчивый характер. Последовательно выполнять эти установки Пленума — наша прямая обязанность.

Весь наш опыт подтверждает: важнейшим источником силы партии всегда была, есть и будет ее связь с массами, гражданская активность миллионов трудящихся, их хозяйский подход к делам на производстве, к проблемам общественной жизни.

Долг партии коммунистов — постоянно сверять свой курс, свои решения, действия прежде всего с мыслями рабочего класса, с его громадным социально-политическим и классовым чутьем. Владимир Ильич Ленин всегда высоко ценил прямоту, жизненную обоснованность и ясность суждений рабочего человека, чутко прислушивался к его мнению, оценкам событий и людей, искал и находил в них ответы на самые злободневные вопросы.

Прислушиваться к слову, идущему из рабочей среды, с переднего края социалистического строительства, держать совет с людьми труда — это и сегодня должно быть первой обязанностью, глубокой внутренней потребностью каждого коммуниста-руководителя.

Уметь вовремя увидеть и поддержать народную инициативу, причем, в самом широком смысле — от хозяйского, творческого отношения к делу на рабочем месте до активного участия в управлении государством, обществом, — в этом величайший, можно сказать, неисчерпаемый резерв нашего прогресса. Каждым крупным своим достижением наша экономика в той или иной мере обязана творческим починам трудовых коллективов, их собственным, как принято говорить, встречным планам.

Глубокое удовлетворение вызывает широкий отклик трудовых коллективов страны на призыв декабрьского Пленума — добиться сверхпланового повышения производительности

сти труда на 1 процент и дополнительного снижения себестоимости продукции на 0,5 процента. Патриотический подъем, энергия и деловитость, с которыми трудящиеся, партийные, профсоюзные, комсомольские организации взялись за решение этой задачи, вселяют уверенность, что успех будет обеспечен.

Думаю, что следует рассмотреть вопрос о том, чтобы все средства и ресурсы, которые будут получены за счет этого, а они немалые — направить на улучшение условий труда и быта советских людей, медицинское обслуживание, строительство жилья. Это полностью отвечало бы высшей цели политики партии — всемерной заботе о благе человека.

Вообще, товарищи, нам, видимо, следует подумать о том, чтобы творческие начинания, новаторство трудящихся лучше стимулировались материально и морально.

В самой основе советского строя заложена социальная справедливость. И в этом его огромная сила. Потому столь важно, чтобы она неукоснительно соблюдалась в повседневных делах, идет ли речь о заработной плате и премиях, распределении квартир или путевок, о награждениях — словом, чтобы все делалось по справедливости, в соответствии с трудовым вкладом каждого человека в наше общее дело.

Здесь есть над чем поработать партийным, профсоюзным, комсомольским организациям, хозяйственным руководителям. Многое зависит от самих трудовых коллективов. У них сейчас — большие, закрепленные в законодательном порядке права. Дело за тем, чтобы полнее их использовать.

За последнее время партия обогатилась новым опытом руководства социалистическим обществом. Мы стали лучше использовать преимущества, возможности нашего строя. К их числу, безусловно, относятся организованность и сознательность масс. Отсюда наше внимание к укреплению порядка, дисциплины.

Вопрос об организованности, о порядке — для нас ключевой, принципиальный. Насчет этого двух мнений быть не может. Всякая разболтанность, безответственность обращаются для общества не только материальными издержками. Они причиняют серьезный социальный, нравственный ущерб. Это хорошо понимаем мы, коммунисты, понимают миллионы советских людей. И вполне закономерно, что поистине всенародное одобрение получили меры, принятые партией в целях повышения трудовой, производственной, плано-

вой, государственной дисциплины, по укреплению социалистической законности.

В этой области удалось уже кое-что сделать. И все знают, как это благотворно подействовало на производственные дела, на нашу общественную жизнь, да и просто на настроение людей. Но неверно было бы полагать, что сделано уже все. Нет, товарищи, жизнь учит, что тут расслабляться никак нельзя.

Что касается основных направлений развития нашей экономики, они четко определены партией. Интенсификация, ускоренное внедрение в производство достижений науки и техники, осуществление крупных комплексных программ — все это в конечном счете должно поднять на качественно новый уровень производительные силы нашего общества.

В серьезной перестройке нуждаются система управления экономикой, весь наш хозяйственный механизм. Работа в этом плане только началась. Она включает в себя широко-масштабный экономический эксперимент по расширению прав и повышению ответственности предприятий. Идут **поиски новых форм и методов хозяйствования** в сфере услуг. Несомненно, они дадут много полезного, помогут нам решить стратегически важную проблему — поднять эффективность всего народного хозяйства.

Давайте, однако, спросим себя: а не получается ли так, что для иных хозяйственных руководителей ожидание результатов экспериментов служит прикрытием их пассивности, стремления работать по старинке? Конечно, обновление экономических структур — дело ответственное. Здесь не мешает соблюдать и старое мудрое правило: семь раз отмерь, один отрежь. Но это вовсе не оправдывает тех, кто вообще не желает считаться с изменившимися условиями, с новыми требованиями жизни.

Проявлять на всех уровнях больше самостоятельности, смело вести поиски, идти, если надо, на оправданный риск во имя повышения эффективности экономики, роста благосостояния народа — вот чего мы ждем от наших хозяйственных кадров.

Вы знаете, что в минувшем году ЦК КПСС и правительство разработали и приняли ряд постановлений по принципиальным вопросам развития экономики. Эти решения дали в руки партийных и хозяйственных органов определенные рычаги повышения эффективности производства, ускорения экономического развития страны.

Намеченные меры, а они имеют не только хозяйственное, но и большое политическое значение, будут претворены в жизнь лишь в том случае, если их выполнение станет главным содержанием повседневной работы каждой партийной организации, каждого работника.

Решая задачи сегодняшнего дня, мы создаем предпосылки для достижения гораздо более высоких рубежей в будущем. Может быть, о нашем завтрашнем дне, о двенадцатой пятилетке, еще рано говорить в деталях, но главные проблемы, главные направления предстоящей работы видны уже сейчас.

Новая пятилетка прежде всего должна стать началом глубоких качественных изменений в производстве, пятилетней решающего перелома в деле интенсификации всех отраслей нашего народного хозяйства. Современная материально-техническая база и система управления должны обрести новые, более высокие качества.

Не менее важно сейчас обеспечить все более тесную взаимосвязь экономического, социального и духовного прогресса советского общества. Невозможно поднимать экономику на качественно новый уровень, не создавая необходимые для этого социальные и идеологические предпосылки. Равным образом невозможно решать назревшие проблемы развития социалистического сознания, не опираясь на прочный фундамент экономической и социальной политики.

Строить новый мир — это значит неустанно заботиться о формировании человека нового мира, о его идейно-нравственном росте. Именно под этим углом зрения, как известно, рассмотрел вопросы идеологической, массово-политической работы июньский Пленум ЦК. В соответствии с его установками партия будет добиваться, чтобы эта работа полностью отвечала характеру больших и сложных задач совершенствования развитого социализма.

Осмыслить эти задачи в их комплексе, наметить четкую долгосрочную стратегию их решения, показать связь наших текущих дел с коммунистической перспективой — вот что должна нам дать новая редакция партийной программы. Ее подготовке Центральный Комитет придает огромное значение.

Товарищи! Разрабатывая планы дальнейшего развития нашей страны, мы не можем не учитывать положения, складывающегося в мире. А оно сейчас, как вы знаете, сложное и напряженное. Тем большее значение приобретает в этих

044935340
01101333

условиях верный курс партии и Советского государства в области внешней политики.

Борьба за дело прочного мира, свободы и независимости народов всегда была в центре внимания Юрия Владимировича Андропова. Под его руководством Политбюро ЦК и высшие органы нашей государственной власти формировали активную внешнюю политику, отвечающую этим благородным принципам. Политику, направленную на избавление человечества от угрозы мировой ядерной войны. Эта ленинская политика мира, основные черты которой на современном историческом этапе определены решениями последних съездов КПСС, отвечает коренным интересам советского народа, да в сущности и других народов мира. И мы решительно заявляем: от этой политики мы не отступим ни на шаг.

Совершенно ясно, товарищи, что успех дела сохранения и укрепления мира в значительной мере зависит от того, насколько велико будет влияние на мировой арене социалистических стран, насколько активны, целеустремленны и согласованны будут их действия. Наши страны кровно заинтересованы в мире. Во имя этой цели мы будем стремиться к расширению сотрудничества со всеми странами социализма. Всемерно развивая и углубляя сплоченность и сотрудничество со странами социалистического содружества — во всех сферах, включая, конечно, и такую важную сферу, как экономическая, — мы тем самым вносим большой вклад в дело мира, прогресса и безопасности народов.

Обращаясь к братским странам, мы говорим: в лице Советского Союза вы и впредь будете иметь надежного друга и верного союзника.

Одной из основ внешней политики нашей партии и Советского государства была и будет солидарность с народами, сбросившими ярмо колониальной зависимости и вступившими на путь самостоятельного развития. И особенно, конечно, с народами, которым приходится отражать атаки агрессивных сил империализма, создающего то в одном, то в другом районе мира опаснейшие очаги кровавого насилия и военных пожаров. Быть на стороне правого дела народов, выступать за устранение таких очагов — это сегодня тоже необходимое и важное направление борьбы за прочный мир на земле. Принципиальная позиция нашей партии в этих вопросах ясна, чиста и благородна, и ее мы будем придерживаться неуклонно.

Теперь об отношениях с капиталистическими странами.

Великий Ленин завещал нам принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Мы этому принципу неизменно верны. Сейчас, в век ядерного оружия и сверхточных ракет, он необходим народам, как никогда ранее. К сожалению, некоторые руководители капиталистических стран, судя по всему, не отдадут себе в этом ясного отчета. Или не хотят отдавать.

Мы хорошо видим угрозу, которую создают сегодня для человечества безрассудные, авантюристические действия агрессивных сил империализма, — и говорим об этом в полный голос, обращая на эту опасность внимание народов всей земли. Нам не требуется военное превосходство, мы не намерены диктовать другим свою волю, но сломать достигнутое военное равновесие мы не позволим. И пусть ни у кого не остается ни малейших сомнений: мы и впредь будем заботиться о том, чтобы крепить обороноспособность нашей страны, чтобы у нас было достаточно средств, с помощью которых можно охладить горячие головы воинствующих авантюристов. Это, товарищи, очень существенная предпосылка сохранения мира.

Советский Союз как великая социалистическая держава полностью сознает свою ответственность перед народами за сохранение и укрепление мира. Мы открыты для мирного взаимовыгодного сотрудничества с государствами всех континентов. Мы за мирное решение всех спорных международных проблем путем серьезных, равноправных, конструктивных переговоров. СССР будет в полной мере взаимодействовать со всеми государствами, которые готовы практическими делами помогать уменьшению международной напряженности, создавать в мире атмосферу доверия. Иными словами — с теми, кто действительно будет вести дело не к подготовке войны, а к укреплению устоев мира. И мы считаем, что в этих же целях должны быть в полной мере использованы все имеющиеся рычаги, включая, конечно, и такой, как Организация Объединенных Наций, которая и создана была для сохранения и укрепления мира.

Товарищи, нас, советских коммунистов, искренне радуется, что в борьбе за мирное будущее и прогресс человечества мы идем рука об руку с миллионами братьев по классу, с многочисленными отрядами мирового коммунистического и рабочего движения. Неизменно верные принципу пролетарского интернационализма, мы с горячей симпатией и глубоким уважением относимся к борьбе наших зарубеж-

ных товарищей за интересы и права трудящихся и видим своей долг в том, чтобы всемерно крепить связывающие нас узы.

Вот что хотелось бы сказать сегодня о линии нашей партии в международных делах. И мы уверены, что ее всей душой горячо поддерживает советский народ.

Товарищи!

Все свои достижения советские люди неразрывно связывают с деятельностью партии. Беззаветно преданная массам, партия пользуется полным доверием масс.

Только что в партийных организациях завершилась отчетно-выборная кампания. Она вновь показала высокий уровень сознательности и активности коммунистов. На руководящие посты избраны авторитетные, опытные, знающие люди.

В работе Пленума участвуют первые секретари крайкомов и обкомов партии. К вам, товарищи, хотелось бы обратиться сособо. Центральный Комитет хорошо знает, как широк круг ваших обязанностей, ваших забот. Знает, как много от вас зависит в решении и наших текущих, ближайших и стратегических задач. Политбюро ЦК уверено, что вы сделаете все необходимое для обеспечения устойчивых темпов роста промышленного производства, успешного выполнения Продовольственной программы, развития трудовой активности масс, для реализации мер, направленных на подъем народного благосостояния. И тем самым — для повышения авангардной роли партии.

Любой выборный пост в нашей партии — пост ответственный. Избрание в партийный комитет надо рассматривать как своего рода кредит доверия, выданный членами партии своим товарищам. И это доверие должно быть оправдано самоотверженным трудом. Таков наказ участников прошедших собраний и конференций. Сейчас, на пороге выборов в Верховный Совет СССР, этот требовательный наказ партия передает и тем коммунистам, которые выдвинуты кандидатами в депутаты, войдут в высший орган государственной власти.

Неисчерпаемая сила советских коммунистов — в сплоченности их рядов. В полной мере эта сила раскрывается, когда, говоря словами Ленина, «Мы все, члены партии, действуем как один человек». Именно так дружно, сплоченно действует ленинский Центральный Комитет КПСС, его руководящее ядро — Политбюро ЦК. Это позволяет принимать выверенные, всесторонне взвешенные решения, ведущие

კ. მარქსის სტ. სტ. სტ.
საბჭოთაო. მ. რ. ს. მ. მ.

к упрочению союза рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, братской дружбы народов Союза ССР.

Подлинно партийная, деловая и творческая атмосфера, в создание которой так много сил вложил Юрий Владимирович Андропов, была и будет обязательным условием работы Центрального Комитета партии. Это — залог дальнейшего роста авторитета КПСС, успешного решения стоящих перед нами больших и сложных задач коммунистического созидания.

РЕЧЬ ТОВАРИЩА Н. А. ТИХОНОВА

Дорогие товарищи!

Коммунистическая партия, наш народ, мировое коммунистическое и рабочее движение понесли тяжелую утрату. Оборвалась жизнь Юрия Владимировича Андропова — выдающегося деятеля нашей партии и Советского государства, пламенного патриота социалистической Родины, неутомимого борца за мир и коммунизм.

Короткий срок, год с небольшим, возглавлял Юрий Владимирович Центральный Комитет. Но как много за это время сделано. Следуя курсом XXVI съезда, творчески обогащая его, партия под руководством ЦК КПСС добила уверенного продвижения страны на всех направлениях экономического и социального прогресса.

Многогранной была деятельность Юрия Владимировича, и на ответственных постах, которые доверяла ему партия, он отдавал все свои силы и знания служению интересам народа.

У каждого из нас свежи в памяти глубокие выступления Юрия Владимировича на ноябрьском (1982 г.) и последующих Пленумах ЦК, в которых дана четкая программа реализации преимуществ социализма, решения актуальных проблем коммунистического строительства.

Он умело и энергично направлял деятельность Центрального Комитета, Политбюро по мобилизации коммунистов, всех трудящихся на ускоренное развитие экономики, совершенствование управления народным хозяйством, укрепление организованности и дисциплины.

Опираясь на коллективный опыт, чутко улавливая потребности общественного развития, Юрий Владимирович внес большой личный вклад в работу партии по усилению могущества Советского государства, повышению благосостояния советских людей.

Он настойчиво боролся за последовательную реализацию миролюбивого внешнеполитического курса партии, курса на устранение угрозы термоядерной войны, на решительный отпор агрессивным проискам империализма.

Мы все глубоко переживаем большое горе, которое постигло нашу партию, весь советский народ, но долг коммунистов-ленинцев состоит в том, чтобы еще теснее сплотить свои ряды, крепить единство партии и народа.

Политбюро ЦК выражает твердую убежденность в том, что Пленум Центрального Комитета продемонстрирует перед всей страной, перед всем миром непреклонную волю партии твердо и последовательно идти и дальше верным ленинским курсом.

Настойчиво и целеустремленно будет проводиться линия, выработанная историческим XXVI съездом КПСС и последующими Пленумами ЦК, на интенсификацию производства, повышение эффективности экономики, ускорение научно-технического прогресса, реализацию Продовольственной программы, на все более полное удовлетворение материальных и духовных потребностей советских людей.

Партия и впредь будет крепить нерушимый союз рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, братскую дружбу народов нашей Родины.

КПСС и Советское государство всегда будут верны идеалам мира, дружбы и сотрудничества между народами всех стран, идеалам социального прогресса.

Дорогие товарищи!

Политбюро обсудило вопрос о Генеральном секретаре ЦК КПСС и единодушно поручило мне предложить Пленуму избрать Генеральным секретарем Центрального Комитета нашей партии товарища Черненко Константина Устиновича.

Константин Устинович прошел богатую жизненную школу. Знает он и нелегкий крестьянский труд, и солдатскую службу, и будни сельского райкома.

Многие годы он возглавлял ответственные участки партийной работы в Красноярской, Пензенской, Молдавской партийных организациях, в аппарате ЦК КПСС.

Где бы ни трудился Константин Устинович, он всегда

проявлял себя как талантливый организатор масс, пламенный пропагандист марксистско-ленинских идей, непоколебимый боец за претворение в жизнь политики нашей великой партии.

Коммунистам, советским людям Константин Устинович хорошо известен как выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства, верный соратник таких руководителей ленинского типа, какими были Леонид Ильич Брежнев и Юрий Владимирович Андропов.

Работая в Политбюро и секретариате ЦК, Константин Устинович многое сделал для развития и утверждения ленинского стиля партийного и государственного руководства, для которого характерны глубокое понимание ключевых вопросов общественного развития, реалистический подход к оценке достигнутого и нерешенных проблем, высокая требовательность к кадрам и в то же время доброжелательное отношение к ним, опора на инициативу и опыт трудящихся.

Константина Устиновича отличает умение зажечь людей своей энергией, новаторским отношением к любому делу, сплотить товарищей на дружную коллективную работу.

Хотелось бы особо подчеркнуть его постоянную потребность в общении с массами, его внимание к каждой человеческой судьбе — будь то талантливый ученый или знатный металлург, солдатская мать или молодой писатель.

Константину Устиновичу принадлежит видная роль в разработке крупных теоретических проблем совершенствования развитого социалистического общества, в создании целостной концепции идеологической деятельности КПСС на длительную перспективу.

Константин Устинович принимает самое активное участие в формировании стратегических направлений нашей миролюбивой внешней политики, в деятельности КПСС по укреплению единства и сплоченности международного коммунистического и рабочего движения.

Наши военные работники знают, как много занимается Константин Устинович вопросами укрепления обороноспособности страны, оснащением Вооруженных Сил современной техникой, идейной закалкой личного состава армии и флота.

Политбюро уверено, что Константин Устинович Черненко на посту Генерального секретаря ЦК КПСС будет достойно возглавлять боевой штаб нашей партии.

Тесно сплотившись вокруг ленинского Центрального Комитета и его руководящего ядра, вооруженные ясной и четкой программой действий, выработанной XXVI съездом пар-

тии, последующими Пленумами ее Центрального Комитета, коммунисты, все советские люди с оптимизмом смотрят в будущее и полны решимости своим самоотверженным трудом обеспечить дальнейший расцвет нашей великой Родины.

КОНСТАНТИН УСТИНОВИЧ ЧЕРНЕНКО

Константин Устинович Черненко родился 24 сентября 1911 года в деревне Большая Тесь Новоселовского района Красноярского края, русский.

Член КПСС с 1931 года. Образование высшее — окончил педагогический институт и Высшую школу парторганизаторов при ЦК ВКП(б).

Трудовую жизнь К. У. Черненко начал с ранних лет, работая по найму у кулаков. Вся его дальнейшая трудовая деятельность связана с руководящей работой в комсомольских, а затем в партийных органах. В 1929—1930 годах К. У. Черненко заведовал отделом пропаганды и агитации Новоселовского райкома ВЛКСМ Красноярского края. В 1930 году он пошел добровольцем в Красную Армию. До 1933 года служил в пограничных войсках, был секретарем партийной организации пограничной заставы.

После окончания службы в армии К. У. Черненко работал в Красноярском крае: заведующим отделом пропаганды и агитации Новоселовского и Уярского райкомов партии, директором Красноярского краевого дома партийного просвещения, заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации, секретарем Красноярского крайкома партии.

С 1943 года К. У. Черненко учится в Высшей школе парторганизаторов при ЦК ВКП(б). По окончании учебы с 1945 года работает секретарем Пензенского обкома партии. В 1948 году был направлен в Молдавскую ССР и утвержден заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии Молдавии. Работая в этой должности, он много сил и знаний отдал экономическому и культурному строительству в республике, коммунистическому воспитанию трудящихся.

В 1956 году К. У. Черненко выдвигается на работу в аппарат ЦК КПСС, где он возглавил сектор в Отделе пропаганды и од-

новременно был утвержден членом редакционной коллегии журнала «Агитатор». С 1960 года он работает начальником секретариата Президиума Верховного Совета СССР. В 1965 году К. У. Черненко утверждается заведующим Общим отделом ЦК КПСС. В 1966—1971 годах он — кандидат в члены ЦК КПСС. На XXIV съезде партии (март 1971 г.) избирается членом Центрального Комитета КПСС, а в марте 1976 года на Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся после XXV съезда партии, — секретарем ЦК КПСС.

С 1977 года он — кандидат в члены Политбюро, а с 1978 года — член Политбюро ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР 7—10-го созывов. Депутат Верховного Совета РСФСР 10-го созыва. К. У. Черненко был членом советской делегации на международном Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 год), участвовал в переговорах в Вене по вопросам разоружения (1979 год).

Константин Устинович Черненко — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. На всех постах, которые поручала ему партия, он проявил высокие организаторские способности, партийную принципиальность, преданность великому делу Ленина, идеалам коммунизма. К. У. Черненко — автор ряда научных трудов по актуальным вопросам повышения руководящей роли партии в жизни советского общества, совершенствования стиля и методов партийной и государственной работы, развития социалистической демократии. На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС К. У. Черненко выступил с докладом, в котором определены главные направления улучшения идеологической деятельности КПСС в современных условиях.

За большие заслуги перед Родиной Константин Устинович Черненко дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда и награжден тремя орденами Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени, многими медалями Советского Союза. Он является лауреатом Ленинской премии.

К. У. Черненко награжден высшими наградами социалистических стран.

РАЗУКРАСИЛА МИР ВЕСНА
ГДЕ ЛИСТВОЙ, ГДЕ ЦВЕТАМИ НЕЖНЫМИ.

ВАЖА ПШАВЕЛА

МЫ ПРЕКРАСНЕЙШИМ ТОЛЬКО ТО ЗОВЕМ,
ЧТО СОЗРЕВШЕЙ СИЛОЙ ОТМЕЧЕНО:
ВИНОГРАД СТЕНОЙ, ИЛЬ РЕКА ВЕСНОЙ,
ИЛИ НИВ НАЛИВ, ИЛИ ЖЕНЩИНА.

ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДZE

Маквала МРЕВЛИШВИЛИ

ВОДОВОРОТ ЛЮБВИ

Река меня кружила и хлестала.
Был миг, когда меня настигла тьма.
Но, обрета размах пловцов бывалых,
Я вдруг всплыла — и выбралась сама.

Я шла до дну. Борясь, изнемогая,
Захлебываясь, камнем шла ко дну.
Я потеряла голову. Не знаю,
Как удалось мне одолеть волну!

Друзья уже спешили мне на помощь,
Меня за безрассудство осудив.
Сгущалась мгла... Но вдруг — я ясно помню —
Зеленый берег вырос впереди.

Да, безрассудна! Да, неосторожна!
Что в оправданье я сказать могу?
Тревога, к счастью, оказалась ложной —
Я спасена, я вновь на берегу!

Перевод Галины ПАВЛОВСКОЙ

ЯЗЫК ГРУЗИНСКИЙ

Гортанный, словно клич победы над врагами,
И нежный, как луна в любовном вздохе,
В кольчугах золотых согласные рядами
Идут на приступ в пламенном сполохе.

А гласные плетут в нарядах дерзко-алых
Узор приветствий, сладостных для слуха,
Сливаются в аккорд созвучий небывалых —
В них трепет мысли и величье духа.

Марика БАРАТАШВИЛИ

ТЕАТР

На сцене — жизнь.
Комедия иль драма?
Доверен выбор маски и судьбы
Актеру, что не замечал упрямо
Ружья, стены и будущей пальбы.

Он точным быть хотел
В своем искусстве:
От жанра — до движения руки,
Чтоб зрители едины были в чувстве,
Воззрениям несходным вопреки.

Да, роль одна.
И не дано сфальшивить.
Ты сам и драматург, и режиссер.
А если угол зрения расширить,
То ты еще и зритель,
Мой актер!

Перевод Марата АКЧУРИНА

●

Дом на вершине, дом на вершине,
Мрачные кручи, черные скалы.
Кто же строитель? Ливень ли? Ветер?
Нету ответа, нету ответа...

Медея КАХИДЗЕ

ГОЛУБЬ

Белоснежное чудо,
Земной красоты торжество,
Пусть крыло твое
Сон обретет у плеча моего.
Я хочу, чтобы ты
Засыпал у меня под рукой.
Мне не хватит дыханья
Воспеть драгоценный покой.
О, прими этот сон,
Но не станет он сладок и мил,
Прежде чем не насытишь
Полетом сияющих крыл.
Если б стала крылатой —
Взлетела и рядом плыла...
Даже этому небу
Тебя б уступить не смогла.

Иза ОРДЖОНИКИДЗЕ

●

Подружка юная приснится,
Давно забытые ворота.

Как лучик, юная сестрица
И близких шумная забота.
А дух акаций бредит сладко.
И время руки распростерло:
Мелькает тайная тетрадка,
Любовь охватывает горло...
Внезапен сон о мире юном.
Смешно наивное соседство.
Весенний дождь кривым буруном
Сбегаёт мостовыми детства.
А память мучает немножко...
И полны синевой одною
В чернилах влажная ладошка
И небо светлое, родное...

Тамар ДЖАВАХИШВИЛИ

●

Каждый шаг этим чувством помечен,
Если рядом Арагва струится...
Вон деревья, как белые свечи,
За рекою обитель царицы...
Вешним вечером плачут отроги —
В них апрельского пламени мета.
Пали тени, темно на дороге,
Над горами смеркается. Где-то
Тьма настигла дома арагвинцев
И рассыпалась пятнами света.
Я нагнала его на пороге
Омраченного тучей провала.
Затерялась бечевка дороги.
Чувство страха обоих объяло.
Он спросил, не скрывая тревоги,
Сквозь шаги, различимые еле:
«Этой ночью, по этой дороге,
Одинокая — вы бы посмели?»

Я подумала: «Ради ребенка.
Да и многого, если на деле».
Это было во Мцхета нетленном...
Различающий суть разговора
Плющ вечерний взбирался по стенам
И охватывал горло собора.
В отголосках затихшего клира
День растаял. Почудилось: «Внемлю...
Отогревший дыханием Землю,
Не лишай ее благодати мира...»

Перевод Владимира ЕРЕМЕНКО

Алла БЕРИДЗЕ

СКРИПИЧНЫЙ КЛЮЧ

Сегодня нотная тетрадь,
А «завтра» так туманно...
Изменчивая благодать —
Слепая с неба манна!

Смыкая веки в теплоте
Сиреневых рассветов,
Она до ногтя в наготе,
Психея у поэтов...

И я, на ноте замерев —
Как жить... Судите сами! —
Осуждена на перегрев
Тревожными басами,

Пока не прянет дерзкий луч —
И в качестве находки
Не отольет скрипичный ключ
На линиях решетки.

●

Один за другим
Родились три сына.
Три сына — три мира,
Три тайною полных
Глубоких кувшина.
Что в них,
Какое вино?
Несут они радость
Иль горе одно?
(Ведь всяко бывает...)
Но плод созревает
Строго
        во время
                        свое.

Три сына — три мира.
И каждый — лишь глина.
Так где ты?
Гряди же, творец!

Ирэна СЕРГЕЕВА

Я ВСПОМИНАЮ...

(Отрывок из поэмы)

...И еще вспоминаю. За круглым столом
вечера. И любимый писательский дом.
Как вчера это было. А было давно.
Были яркими лица, стихи... И при том —
круглый стол... Время вспять.
И наплыв, как в кино.
И опять
тот же стол. Тот же край.
Но у края стола
твой, Тбилиси, поэт, —
в нем любовь — через край —

клонит в рукопись
мрамор крутого чела...

Нет, не он это пишет! Лавиной стиха
сокрушается жизнь, в ней он славы не ждет.
Настоящая слава вслед смерти идет,
по местам расставляет...

А за круглым столом все равны, все равны,
даже сам тамада — все равно, кто ты есть.
Собирались поэты за ним всей страны:
Пастернак и Есенин, и Тихонов здесь
говорили о дружбе — большая семья...
Я сюда устремляюсь сквозь дождь и сквозь ночь,
где хозяйкой — любимая Нита моя,
Тициана Табидзе достойная дочь...

Мзия ХЕТАГУРИ

ИЗМЕНЯЕМ...

Дождю изменяем,
Таясь под нелепым зонтом,
Высокому солнцу —
Под колко-зеленым кустом,
Под кровлю спешим
И дверями ветра отгоняем,
Греха не стыдимся
И чести порой изменяем.
От гневного моря
Сады заслоняем горой,
Горè изменяем
На встретиеньи моря с жарой,
Фамилией мужа
Отцу изменяем и детству,
Молчанием — слову,
Семейным забором — соседству.

Рабы предрассудков —
Мы душим в зачатые порыв,
Любви изменяем,
Уста принародно открыв...

Перевод Татьяны БРЫКСИНОЙ

Далила БЕДИАНИДЗЕ

Я вас прошу, не прячьтесь от меня
все, кто передо мною виноваты:
не будет вам расплаты,
не будет вам покоя —
я вас прощаю,
я забывчивости вас лишаю —
вот мое возмездие.
Не больше и не меньше, чем другим, завидовали мне.
Я тоже зависть знала.
Но пусть судьбу свою не раз я проклинала,
я счастлива была.
Я счастлива была, когда
фиалок было у меня в избытке или в недостатке.
Мне так хотелось с вами быть всегда,
что я вам все прощала без оглядки.
Я счастлива — и буду впредь счастливой!
Любовь и ненависть мне не страшны,
измена не страшна. Я стала терпеливой.
Вошло в привычку изумленье,
и нет ничьей вины.
Я вас прошу, не прячьтесь от меня
все, кто передо мною виноваты:
не будет вам расплаты,
я вам не дам покоя.

Перевод Натальи ГЕНИНОЙ

ДОН КИХОТ

Пусть здравствует
невоплощенное счастье,
что в каждом из нас
безголосо кричит...
Это последней машины,
в ненастье
к нам позабывшей приехать,
лучи.

И пусть же сияют
и светятся окна —
в них детство гляделось
и спряталось там.

Так было когда-то.
А нынче лишь стекла
встают перед взором
в сечении рам.
Кто нас про совесть
докучливо спросит? —
если машины
промчавшейся луч
и, погашенный,
по-прежнему жгуч,
взгляд наш
его сохраняет и носит.

А улица ныне
глядит опустело —
так в межсезонье
не ждешь перемен,
опустошенно
сжимается тело,
и каплет вода
поцарапанных вен.
И белый ягненок
твоих сновидений
на сучья сухие
прилег на ночлег...
Преодоление!..

Не бог и не гений —
является к нам
человек,
который заполнит
безликую раму
образом детства —
стоит человек!
Он луч ускользнувший
настигнет упрямо
и сделает солнцем —
стоит человек!
И мы прикоснемся —
и кровь в наших жилах
станет живой,
и прольется река
от человека — к другим,
чтобы счастливо жили
и оставались
людьми
на века.

Перевод Натальи ДАРДЫКИНОЙ

Паола УРУШАДЗЕ

Мой двойник, ты всегда там, где зыбко и шатко,
Там, где ветер и зной, там, где вражеский лагерь...
Не в ладах с высотой, неумелый, нехваткий,
Так откуда в тебе столько сил и отваги.
Сколько раз над тобой замыкалась трясина,
Из-под ног уходили зыбучие дюны,
Сколько раз, замерзая до мертвенной сини,
В дверь чужую стучал ты упорно и втуне.
Сколько раз ты тонул или шел по тоннелю,
А навстречу тебе так отчаянно дуло,
Сколько раз на войне кто-то в черной шинели
Наводил на тебя огнеметное дуло.
И теперь вот уходишь в гудящую пустошь,

Над которой и птицы уже не летают,
Знаю, глаз не сомкнешь, головы не опустишь
И пройдешь всю ее от начала до края
Той черты, за которой не смерть, не забвенье,
А всего лишь напарник твой — тихий, дотошный,
Он твой путь усечет на одно лишь мгновенье,
И спасенье свое снова в нем обретешь ты.
И еще не успев потянуться к уюту,
И еще не успев отойти и согреться,
Ты его одаришь на одну лишь минуту
Частотой твоего неумемного сердца.

Маквала ГОНАШВИЛИ

С ВЫДУМАННЫМ СЧАСТЬЕМ

Ты — потому что выглядела лучше —
Не расставалась с зеркалом кривым,
И ревности колючей злые сучья
Напрасно скрыть пыталась перед ним.

Как ты страшилась встретить безразличие —
И оглушала криком чуткий слух.
И разрасталось мнимое величие,
И узел одиночества разбух.

Свет в комнату прокрадывался свыше,
И очевидней истина была:
Вся жизнь твоя — как сон летучей мыши,
Ты с выдуманным счастьем прожила.

Перевод Даниила ЧКОНИЯ

●

Вертится, вертится, вертится
огромный сад расставаний,
а у меня подол
полон засохших цветов.
Хожу, молчаливый гость
этих земных расстояний,
нащупываю порог —
в пространство других садов.

Перевод Ольги ТАТАРИНОВОЙ

◆

Этери ТАТАРАИДЗЕ

●

Плакать навзрыд и причитать в голос
Павшие меня научили.
Узелки на моем платке —
По числу очагов,
Возле которых я спала на овчине.
Дорога других —
Покрыта розами и лепестками.
На моем же подъеме —
Лишь сухие стволы.
Когда стада покинули
Наши пастбища,
То в чужих обносках
Я на чужие смотрела столы.
Утоляла я голод пищей простой,
Пастушьей,
Дом отца моего был забит
И рухнул потом.

Оттолкнул меня милый,
Оттолкнул любимый,
И другую он ввел в свой дом.
Вот и плачу теперь, и плачу.
Бедность, тяжкий быт,
Измена — всё было.
О судьба! Где же ты, удача?
Или ты меня позабыла?

Перевод Арсентия СТРУКА

Наргиз СОПРОМАДЗЕ

●
Так ты не знал...
А я, припомнив твой последний взгляд,
Как будто отсвет позднего заката,
Навек с тобой хотела попрощаться,
Как тотчас боль свою превозмогла;
Я упустила скорбную минуту
И вот сегодня было не до слез.
Я чувствую вину за эти слезы,
Как мать за нерожденное дитя,
И этот взгляд преследует меня...
Затем ты не дал тяготе зайти;
Все изменилось; кто бы нас расслышал,
Когда мы объясняясь — промолчим?..
А вслед за тем забудем все, что было, —
Так день за днем я прихожу к тебе,
Исполненная благодарным светом,
Но плакать я не в силах и сегодня:
Прости за не рожденный сердцем плач!..

Перевод Виктора ПЕЛЕНЯГРЭ

Гурам ГЕГЕШИДЗЕ

ГЛАС ВОПИЮЩЕГО

Р о м а н

ПОСТЕПЕННО стем-
нело. Пир во
дворце продолжался.
Были песни и пляски.
Пировавшие возле кух-
ни Нигуриани порядком
захмелели. Тандила
встал, вышел из-за сто-
ла и направился к кухне.
Машо у очага меняла
угли на сложенных друг
на друга раскаленных
кеци. Тандила присло-
нился плечом к одному
из столбов.

— Говорил я тебе,
женщина, забери ты от
меня свою паршивую
козу!

Машо искоса, снизу
вверх, посмотрела на
Тандилу.

— Говорила я тебе,
Тандила, оставь ее се-
бе, мне она не нужна.

Тандила криво улыб-
нулся:

— Да зашла бы хоть
просто так! — эти его
слова, сказанные как
бы между прочим, в
шутку, прозвучали со-
кровенной мольбой.

Машо, почувствовав
превосходство, лукаво
блеснула черными оча-
ми и насмешливо улыб-
нулась:

---

* Окончание. Начало см.
«Литературную Грузию»
№№ 1, 2 за 1984 год.

Перевод Андрея ВЯЗНИКОВА

— Ты же видишь, Тандила, что мне не до тебя. Дела у меня!

— Да кому ты нужна? Пропади ты пропадом! прорычал Тандила и снова вернулся за стол к своим.

Было уже очень темно, когда пир во дворце кончился. Гости поднялись из-за стола. И мужчины, и женщины в своих чихти-копи с вуалями сели на лошадей. Слуги с факелами в руках, взяв лошадей под уздцы, проводили до ворот наездниц. Подгулявшие мужчины пустили вскачь своих скакунов по княжескому двору. Зазвучало лошадиное ржание, свист нагаек, кто-то пальнул в воздух из пистолета, потом шум постепенно стал затихать.

Нигуриани стояли у дворцовой лестницы и ждали Беглара. Наконец Беглар вышел на балкон.

— Беглар, сынок, домой не изволишь пожаловать? — спросил Окропир.

— Сю минуту, отец, — ответил Беглар и снова вошел в комнату.

Немного погодя слуги вынесли вещи Беглара и вручили их родственникам. Те быстро разобрались, кому что нести, спустившийся с лестницы Беглар присоединился к своим, и все вместе тронулись в путь. Осмелевшие от выпитого вина Нигуриани уже не так стеснялись своего родича.

— Ну как ты, Беглар?

— Где тебя носило, парень?

— Что ты видел? Чему выучился? — наперебой спрашивали они.

— Учился водить корабли. Весь свет объездил, — отвечал Беглар.

— Говорил же я вам, он оттуда человеком вернется! — потирал руки обрадованный Саба.

Неторопливо беседуя, шли они по темному проулку, и Беглар не узнавал родных мест, — там, на далекой чужбине, собственное село представлялось иным, сейчас же ему казалось, что он снова очутился на чужой стороне. Когда они проходили мимо церкви, он словно что-то вспомнил, что-то шевельнулось в дымке памяти, а когда подошли к усадьбе Окропира и он ступил ногой на мостик через канаву, когда-то давно приснившимся, а потом позабытым видением всплыл перед ним окутанный тьмой домик под осоковой кры-

шей, из открытой двери которого тускло мерцал свет коптилки, но он не ощутил радости, ибо все вокруг, как виденное когда-то во сне, стало ему чужим, не принадлежало ему и не манило. И как с чужой он встретился и с матерью. Бабале была сварливой женщиной и никогда не баловала детей лаской. Теперь же «светик мой ясный!»—приголубила она его, но не привыкшему к материнской приветливости Беглару и эта нежность показалась фальшивой и деланной. Положив вещи, Нигуриани сели вокруг очага. Беглар открыл один из сундуков и каждому из присутствующих раздал подарки — кому шапку, кому сапоги, кому нож, кому трубку. Матери он накинул на плечи кашемировую шаль.

— Так, говоришь, весь мир объехал? — снова спросили Беглара.

— Да, объехал, объехал!

Потом все поднялись и не остались ужинать, хотя Бабале и приглашала родственников к столу. Однако было уже поздно, все были под хмельком и, пообещав зайти завтра, разошлись по домам. Бабале, Окропир и Бесия проводили гостей до ворот. Беглара, оставшегося в полной тишине в хижине с земляным полом, вдруг охватила тоска. Он отвык от этой жизни, и родительский очаг показался ему холодным и убогим. А потом, когда мать постелила ему на тахте возле окна пропахшую сыростью постель, он разделся, лег и печально взглянул на стоявшую в небелуну. Он вспомнил ночь в начале своей морской службы, когда он стоял на палубе корабля, вышедшего из Марсея в Средиземное море. В ту ночь, когда луна пробилась сквозь пелену облаков, заливая серебристым светом тяжелые волны лилового моря, его охватила тоска по родному дому, перед его глазами возникла росшая за домом большая шелковица, в ветвях которой на ночь устраивались куры. А сейчас, вернувшись через много лет под родной кров, он мечтал о дальних странах и чувствовал, что здесь он жить не сможет, что ему снова нужно слиться с необозримым океаном, затеряться в чужих краях.

Море впервые он увидел в Потти, когда его вместе с Нестором отправили в Россию. Маленькое суденышко, отплывшее из Орпири, всю ночь плавно пока-

чивалось на тугих волнах Риони, стиснутого с двух сторон непроходимыми лесами, и на рассвете стоявший на палубе Беглар увидел за полоской земли бесцветное пустое пространство, которое по мере приближения кораблика становилось густо-синим. Это было море, и в течение двух дней, пока они ждали отправления в Одессу военного корабля, Беглар не уходил с песчаного морского берега, настолько захватила его незнакомая стихия. А потом, когда корабль, взяв курс на Одессу, вышел в открытое море, стоявший на палубе Беглар, как замороженный, смотрел на огромный синий круг, в середине которого он очутился.

В Одессе они немного задержались. Нестор должен был повидать своих знакомых. Беглар в одиночестве прогуливался по оживленным улицам этого красивого города. Тут все было для него ново — высокие дома, чистые мостовые, множество людей, их облик, речь, но он не выказывал никакого удивления, так как его действительно ничего не удивляло, кроме громадного количества стоявших в порту кораблей. Откуда они пришли? Куда направлялись? Что они привезли сюда и что собирались увезти отсюда?

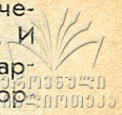
Из Одессы они отправились в Петербург. По дороге они повстречали уйму чудес. Но более всего в Петербурге Беглара удивило, что летом здесь почти не темнело — стояли долгие белесые дни. Но в конце концов он привык и к долгим светлым дням, а потом и к нескончаемым темным ночам. Он скоро выучился русскому языку. Читать и писать по-грузински он научился еще дома, у Сабы. С помощью Нестора он одолел русскую азбуку. Осенью Нестора зачислили в университет на естественное отделение. Он старательно учился, а в свободное время занимался с Бегларом, обучал его латыни, географии, естествознанию, арифметике, алгебре, и чем больше способностей и усердия замечал в своем ученике, тем более охотно просвещал его и тем скорее стиралось различие между ними.

Все думы и мысли грузинских студентов в российской столице были устремлены к родине. Они часто собирались, обсуждая судьбу и будущее своей страны.

Гурам Гегешидзе. Глас вопиющего.

Они стремились овладеть знаниями лишь только для того, чтобы принести наибольшую пользу своему народу. На устах у всех была родина. Они мечтали о том дне, когда, вернувшись домой, они станут работать во имя ее блага. Они много говорили и о положении крестьянства, о возрождении страны. Эти беседы часто доводилось слыживать и Беглару, когда друзья Нестора собирались у них дома. Но Беглара не тянуло на родину, он не спешил домой, что его там ждало, что он там оставил? Князей и дворян ожидали имения и широкое поле деятельности, большинство студентов происходило из знатных семей. Беглару же хотелось еще что-то увидеть, выучить, понять. Он бродил по петербургским улицам, любил ходить на взморье, туда, где широкая и полноводная Нева впадает в залив. Море здесь было серое, и корабли в серой дали походили на повисшие в воздухе предметы. Беглар стоял у берега и смотрел вдаль. Он уже был знаком с географией и жаждал увидеть находящиеся за морем, подернутые дымкой далекие страны. Когда Нестор за оскорбление грузинского языка убил жандармского офицера, Беглар поехал за князем в ссылку, хотя мог свободно вернуться домой. Пока Нестор два месяца сидел в иркутской тюрьме, Беглар с любопытством присматривался к тамошнему народу. Потом Нестору предписали жить в небольшой деревеньке близ Иркутска. Они не прожили там и двух дней, тут же бежали. С огромными трудностями выбрались из Сибири, после долгих скитаний и мытарств добрались до железной дороги, взяли билеты до Одессы и, поднявшись в вагон второго класса, в купе наткнулись на жандармского ротмистра, ехавшего вместе с женой в Москву. Нестор выдал себя за коммерсанта, оказалось, что жена жандарма свободно владеет французским, и весь долгий путь до Ростова они провели в оживленной беседе. Нестор так очаровал эту чету, что те горячо приглашали его к себе в гости, но им было не до визитов. В Одессе им пришлось долго скрываться, пока друзья и благодетели не раздобыли Нестору заграничный паспорт. Беглар поехал с ним и за границу. Новые впечатления и приключения манили его. Когда они сели на корабль и отправились во Францию, новые чудеса предстали глазам Беглара: Стамбул, Босфор, Мраморное море, Дарда-

неллы, Эгейское море, разбросанные по морю греческие острова, Средиземное море и древние страны. И к тому времени, когда их корабль бросил якорь в марсельском порту, где на каждом шагу встречались игорные дома, таверны, гостиницы и бордели, Беглар уже принял твердое решение наняться матросом на какое-нибудь судно и снова отправиться в скитания по миру. Об этом своем желании он уже в Марселе объявил Нестору. Тот улыбнулся, ободрил его: «Да поможет тебе бог, настанет время, нашей стране и мореходы будут нужны», — и сам повел его в порт, где после долгих поисков и переговоров сдал его на попечение добродушному капитану французского судна. Это был немолодой человек, он слышал о Колхиде, о Кавказе, об аргонавтах. Он обещал Нестору, что научит этого колха всему, чему нужно. Судно через две недели должно было покинуть Марсель. Нестор, оставив Беглару немного денег, уехал в Париж, а Беглар в ту же ночь, обойдя бордели, игорные дома, таверны, с пустым кошельком поднялся на борт судна, носившего имя «Луара».

10.

Море обняло корабль и повлекло его, плавно покачивая. В то время как беспокойное течение волн подхватило и унесло к далеким и неизведанным просторам Беглара, охваченного желанием увидеть мир, Нестор поехал в Париж и поселился там в недорогой гостинице. В этом величавом городе он никого не знал, но владение французским языком помогало ему общаться с людьми, и для человека, покинувшего родину, он чувствовал себя не так уж плохо. Он гулял, наблюдал, удивлялся, восхищался.

У Нестора имелось рекомендательное письмо к князю Гиви Амилахвари. Это был богатый помещик и отставной генерал, каждое лето проводивший на европейских курортах и подолгу бывавший в Париже. Он приходился дядей другу Нестора, Отару Амилахвари. Младший брат князя Гиви, Иванэ, был известным ученым, профессором химии в Петербургском универси-

---

Гурам Гегешидзе. Глас вопиющего.

тете. В то время он был приглашен в Париж читать лекции в Сорбонне. Лекции Иванэ Амилахвари посещало множество народу и благодаря ему в этой просвещенной стране некоторые впервые узнавали о существовании забытой Грузии.

В один прекрасный день и Нестор получил возможность познакомиться со своим знаменитым соотечественником. Это случилось тогда, когда он с письмом, врученным ему в Одессе, пришел к князю Гиви Амилахвари. Письмо это было от одной пожилой грузинской княгини, которая приходилась отставному генералу двоюродной сестрой, а Отару Амилахвари, верному другу Нестора, — теткой. Эта княгиня, госпожа Эфемия, уже более тридцати лет безвыездно жила в Одессе. Несмотря на это, она не забыла родной язык, и в ней не остыла горячая любовь к Грузии и грузинам. Некогда ее, известную красавицу, в двадцать лет выдали замуж за служившего на Кавказе русского генерала, одессита. Говорили, что она любила какого-то молодого грузинского князя, но родители и родственники предпочли тому богатого старого генерала и насильно выдали ее замуж. Может быть, это было правдой, а может быть — вымыслом. Некоторое время новобрачные жили в Тбилиси, но потом генерал вышел в отставку и вместе с женой вернулся в Одессу. Он владел там громадным имуществом, движимым и недвижимым. Генерал носил немецкую фамилию и имел княжеский титул. Он жил размеренной и спокойной жизнью, часто вместе с женой ездил за границу, до тех пор пока в один прекрасный или печальный день тяжелая болезнь печени не заставила его покинуть эту грешную землю. Наследников у него не было. Все его состояние перешло к единственной наследнице — жене, которую он боготворил и почитал до конца своих дней. Благодаря богатству и, разумеется, личному обаянию княгиня Эфемия пользовалась большим уважением в высших кругах. Грузинская княжна и вдова русского князя немецкого происхождения, она всей душой ненавидела царское правительство, его жандармерию и полицию, которые, кстати, охраняли и ее огромное состояние, и право быть на дружеской ноге со всеми властью имущими, начиная с окружного прокурора и кончая самим губернатором. Вся эта пуб-

лика часто собиралась по вечерам в ее доме, где устраивались званые чаепития, играли в карты, велись беседы на разнообразнейшие темы. Когда бежавший из ссылки Нестор дал знать Отару Амилахвари, чтобы тот встретил его в Одессе, приехавший из Петербурга Отар обратился к своей тетке, княгине Эфемии, или Пепо, с просьбой приютить его беглого друга.

— Беглого друга?

— Да, он бежал из ссылки.

— ?

Отар рассказал княгине всю историю Нестора с жандармским полковником. Та пришла в восторг:

— Вот это я понимаю, молодец! — воскликнула она. — Немедленно веди его сюда!

И княгиня с радостью открыла перед Нестором двери своего дома. Она приютила его, пригрела и так полюбила, что даже не хотела отпускать за границу. Но оставаться в России ему было опасно, рано или поздно правосудие напало бы на его след, и поэтому княгиня Пепо через губернатора довольно легко достала для Нестора заграничный паспорт, устроив его на отплывавший во Францию корабль, снабдила деньгами и рекомендательным письмом в Париж, к князю Гиви Амилахвари.

Нестор отправился к князю Гиви. Тот жил в одном из фешенебельных кварталов Парижа. Нестор подошел к парадному подъезду красивого особняка, по обеим сторонам подъезда стояли каменные великаны, согбенные под тяжестью лежавшей на их плечах высокой арки, и потянул ручку звонка. Ливрейный лакей открыл ему дверь и по мраморной лестнице проводил гостя на второй этаж. Он провел его в небольшую комнату, куда через некоторое время вошел господин низенького роста, с надменным лицом, облаченный в черный фрак. Этот господин и был князь Гиви. Нестора тоже нельзя было назвать великаном, но князь в длинном фраке рядом с ним казался совсем тщедушным. Он был смугл, с вьющимися с проседью волосами, лицо обрамляли густые бакенбарды, у него был нос с горбинкой и ястребиный взгляд, холодный и суровый, невольно вызывавший у людей

Гурам Гегешидзе. Глас вопиющего.

робость. Этот угрюмый человек, дочитав до конца присланное из Одессы письмо, довольно резко сказал Нестору:

— Никак не отвыкнут грузины махать кинжалами?

Эти слова не понравились Нестору, но он предпочел не возражать и промолчал. Гиви Амилахвари пригласил его в соседнюю комнату, и Нестор, решивший было откланяться и уйти, повиновался хозяину, не желая обнаружить свою обиду. Они вошли в просторную и высокую комнату, заполненную курившими гостями. Это были французские ученые, коллеги Иванэ Амилахвари, и разговор шел о химии. Князь Гиви позвал младшего брата, чтобы представить ему только что прибывшего Нестора. Князь Иванэ поднялся, он был высок, широкоплеч, красив, с черными как смоль усами и бородой, с длинными, до плеч, густыми волосами, высоким лбом и живыми умными глазами.

— Этот молодой человек убил в Петербурге жандармского полковника за оскорбление своего народа. Он сбежал из ссылки и теперь в Европе собирается завершить образование, — сказал по-русски князь Гиви своему брату. Письмо из Одессы от княгини Пепо он все еще держал в руках.

— Что вы желаете изучать? — также по-русски спросил Иванэ у Нестора.

— Военное дело! — отвечал Нестор.

— Если вы выберете химию, я к вашим услугам, — коротко отрезал князь Иванэ, внимательно оглядел Нестора и, даже не поинтересовавшись его приключениями, снова вернулся к своим гостям.

Нестор подумал, что, вероятно, этого человека ничего, кроме химии, не интересует, словно химия его родина, а коллеги-химики — его соотечественники. В этом была известная доля истины. Но, отвечая князю Иванэ, что ему хочется изучать военное дело, он бросил выжидательный взгляд на князя Гиви, рассчитывая на его поддержку. Князь Гиви не проронил ни слова, и Нестор догадался, что он не должен надеяться на его покровительство. Прохладно же они меня встретили, подумал Нестор, попрощался с братьями Амилахвари и, выйдя на улицу, облегченно вздохнул,

словно с этим визитом у него с плеч свалилась тяжелая ноша.

Для человека с подложным паспортом в чужой стране получить военное образование оказалось делом совершенно невозможным. Раньше у Нестора и не возникало такого желания; как уже было сказано, он был студентом Петербургского университета, но уже после того, как княгиня Пепо отправила его во Францию, находясь на корабле, Нестор многое передумал и переоценил для себя и твердо решил в будущем овладеть военным искусством во благо своей родины. Но это решение так и осталось неосуществимым. Когда он, живя в Париже уже около месяца и перепробовав все пути, ведущие к получению военного образования, обнаружил, что все приемлемые пути к этому отрезаны, он понял причину молчания генерала Гиви Амилахвари. Ясно было, что и тот не смог бы ему помочь, и у Нестора прошла обида. Нестор поселился в Латинском квартале и начал посещать университет. Химия его не заинтересовала, хотя князь Иванэ и обещал ему свою помощь, если он займется этой наукой. Нестора увлекли экономика и право, и он стал изучать эти науки. Иногда он слушал и лекции по истории, тем более что посещение этих лекций было бесплатным.

В то время в Европе училось много выходцев из России. Достаточно было их и в Париже, но Нестор держался в стороне от них, не имея никакого желания сблизиться с кем-нибудь. Его общение с однокурсниками ограничивалось вежливыми приветствиями. Так продолжалось некоторое время. Однажды, когда Нестор после лекции выходил из здания университета, к нему подошел незнакомый молодой человек приятной наружности и заговорил с ним по-русски.

— Прошу прощения, милостивый государь, я князь Александр Арбенин. Если не ошибаюсь, вы родом с Кавказа?

— Да, я грузин.

— Так или иначе, выходит, что мы с вами соотечественники...

— Да. Так или иначе...

Гурам Гегешидзе. Глас вопиющего.

— Мне давно хотелось познакомиться с вами, так как мне очень по душе Кавказ и кавказцы.

— А вы там бывали?

— Да, несколько лет тому назад я три месяца провел в Грузии.

Нестору понравился Арбенин. Светлые волосы и русые усы и борода оттеняли его худое тонкое лицо, голубые глаза светились благородством. Был он выше среднего роста, худощавый, изящный человек. С того дня они сблизились. Александр был сыном богатого помещика. Его отец занимал пост губернатора. Он часто возил сына за границу. Арбенин еще в детстве объездил всю Европу, свободно владел французским, английским, немецким и итальянским языками. Больше всего его увлекали история, литература и искусство. Он преклонялся перед поэзией Пушкина и Лермонтова, боготворил Тургенева и Льва Толстого. Он многое слышал о Кавказе и о Грузии, не одобрял политику царизма по отношению к кавказским горцам. Воспитанному в европейских традициях Арбенину многое не нравилось в жизни современной России. Грузин он считал носителями рыцарского духа и объяснял это обстоятельство тем, что феодальная Грузия пережила эпоху рыцарства, поэтому этика и мораль этой эпохи пустили глубокие корни в недра национальной психики. Проникнутый искренней симпатией к Грузии Арбенин настолько очаровал Нестора, что тот даже открыл ему свою тайну. Тоскуя по родине, он много рассказывал Александру о Грузии, о ее прошлом и настоящем, а когда разговор заходил о ее будущем, Нестор так откровенно делился с ним своими самыми сокровенными мечтами об освобождении родины, словно Арбенин был его соотечественником.

Это было время, когда приобщившейся к европейской культуре русской молодежи не нравилась российская действительность, ее традиционная отсталость и темнота. Об этом много говорили, и, конечно, эти разговоры доходили до властей. И обеспокоенное тем, что за этими разговорами могут последовать смуты и волнения, царское правительство отозвало назад своих подданных, уехавших учиться за границу. Многие молодые люди вынуждены были оставить

учебу и вернуться на родину. Нестора, жившего во Франции с фальшивым паспортом, французские власти могли в любой момент выдать русским властям, и тогда ему бы не миновать каторги. Чтобы избежать этого, Нестор решил покинуть Францию и переехать в Бельгию, но в это время жившие на Балканском полуострове славяне восстали против турок, Сербия и Черногория объявили войну султану...

Эта война была справедливой, направленной против поработителей. Поэтому у сербов и черногорцев в России нашлось много сочувствующих. Русские всячески помогали восставшим. Генерал Черняев поступил на службу к сербам, русские офицеры и гражданские лица добровольно отправлялись воевать с турками. Правда, некоторыми из них руководила идея объединения всех славян и стремление овладеть Константинополем. Но были и такие, кто душой сочувствовал восставшему против поработителей народу. В числе их был и Александр Арбенин. Он решил отправиться в Сербию на войну и в один прекрасный день пришел к Нестору проститься. «Турки были заклятыми врагами моей родины и борьбу с ними, где бы она ни велась, я считаю своим долгом», — сказал Нестор, выслушав Арбенина. Он оставил Сорбонну и вместо того чтобы уехать в Бельгию для продолжения образования, отправился воевать на Балканы. Свое нехитрое имущество — купленные в Париже книги и кое-что из вещей — он сдал на хранение квартирному хозяину и, расплатившись с ним, вместе с Арбениным сел в поезд, отправлявшийся в Швейцарию.

На следующий вечер они прибыли в Женеву.

11.

У Александра Арбенина в Женеве было много друзей и знакомых. Нестор же там никого не знал. Однако Нестор покинул Париж в таком настроении, когда человек всюду чувствует себя привольно, радостно, гордо, потому что цель его настолько светла и достойна, что не оставляет ему и тени сомнения. Испытания, к которым он стремился, его ничуть не пу-

---

Гурам Гегешидзе. Глас вопиющего.

гали, он не мог себе и представить разрушения, пожары, кровь, муки и страдания, которые несет война. Война ему представлялась только в ореоле победы, не потому, что он был молод, доверчив и полон надежд, но еще и оттого, что в его сердце еще не зародились противоречия, которые столь безжалостно разобщают собственную веру с пределами возможного. Конечно, Нестор знал, что война полна опасностей и риска, но ему не верилось, что именно с ним что-то может случиться. Его настроение, уверенность в себе отражались и на всем его облике, а на лице словно отпечаталась вожденная цель — стремление сражаться с извечным врагом отчизны и, пусть даже на чужбине, где-то на Балканах, отомстить за кровь, тысячекратно пролитую на родной земле.

Итак, они прибыли в Женеву, и Александр познакомил его с некоторыми из своих приятелей. Это были русские, приехавшие сюда учиться или путешествовать. Один молодой офицер, граф Сергей Собинов, лечился здесь от раны, полученной год назад на полевых маневрах. Он был ранен в ногу и прихрамывал, но хромота даже шла ему. Он был высок, плечист, несколько бледен, волевое лицо его выражало любезность. Он жил в богатой гостинице на берегу Женевского озера. Сюда и привел Арбенин Нестора и познакомил его с Собиновым. По дороге он рассказал ему историю этого человека. Собинов происходил из богатой семьи петербургского сенатора. Он был страстно влюблен в некую Раису Раевскую, женщину своенравную и богатую, приходившуюся Арбенину двоюродной сестрой. Разойдясь с мужем, она годами жила в Европе. Досужие языки поговаривали, будто бы Собинов не лечиться сюда приехал, а примчался в Швейцарию вслед за нею. Он был, вероятно, немного постарше Нестора и Арбенина. Когда Собинов увидел Арбенина, лицо его осветилось сердечной улыбкой, с Нестором он тоже тепло поздоровался. Арбенин сказал Собинову, что его адрес он узнал еще в Париже от одного общего знакомого, который недавно видел его в Женевском оперном театре, в ложе Раевской, и так как завтра утром он покидает Женеву, ему хотелось бы повидаться со своей кузиной и проститься с ней перед отъездом.

— Простите, Сергей, что я свалился к вам, как снег на голову.

— Что вы, Саша, уезжающему на войну все простительно, — улыбнулся Собинов и добавил: — Мы найдем ее на берегу озера, она там часто гуляет.

Они вышли из гостиницы и пошли по аллее. Был теплый осенний день. Голубую зеркальную гладь озера пересекали плывшие в разных направлениях лодки и яхты. Вдруг Собинов, обернувшись к Нестору, спросил по-грузински:

— Вы из каких краев Грузии, молодой человек? Удивленный Нестор приостановился.

— Я имеретин.

— Бабушка, воспитавшая меня, была урожденной Вачнадзе, — сообщил Собинов.

Он довольно сносно говорил по-грузински, и это, судя по всему, доставляло ему удовольствие. В детстве он, оказывается, часто бывал в Грузии, но несмотря на безграничную любовь и уважение к воспитавшей его бабушке, грузины в глубине души раздражали Собинова, так как он был истым сыном самодержавной империи и желание грузин обособиться и отделиться, их сопротивление ассимиляции вселяли в его душу неприязнь к этому народу.

— Вы прекрасно говорите по-грузински, — сказал ему Нестор.

— В моих жилах течет капля грузинской крови, — улыбнулся Собинов.

Но главное, как видно, была не только кровь — огромное значение имел и язык. В детстве, когда мать увозила его на родину своей матери, в Грузию, он чувствовал себя чужим и ущемленным в обществе своих родственников, так как все они говорили по-грузински, а он тогда еще не знал этого языка. Мать и бабушка, говорившие на этом языке, казались ему предательницами, их любовь к Грузии была ему непонятна, и чувство отчуждения к этим самым дорогим ему людям проходило у него только тогда, когда они снова возвращались в Россию и он снова слышал родную русскую речь. Здесь, в России, его не так раздражали разговоры матери и бабушки

Гурам Гегешидзе. Глас вопиющего.

на грузинском языке, а речь родственников, приехавших из Грузии, его даже развлекала. Когда он замечал скрытое сопротивление своих грузинских родственников, то относил это на счет их отсталости и неразвитости. От этой угнетенной нации он требовал слепой преданности романовской империи, а желание сохранить свою самобытность считал признаком двоедушия и коварства, свойственным этому народу вообще. Впоследствии он выучил грузинский язык, но это ничего не изменило, потому что только обрусевшие грузины были ему близки и понятны.

Собинов сразу же заметил, что Нестор считает себя грузином, а не подданным великой империи. Это вызвало у него обычное раздражение, хотя он ничем не обнаружил его. Гуляя по берегу Женевского озера в тот облитый золотом осенний день, они беседовали о возможной русско-турецкой войне. Собинов и Арбенин, безусловно, сочувствовали балканским славянам, Нестор же, взглянув в лица собеседников, точно ожидая от них поддержки, твердо проговорил:

— Все угнетенные заслуживают сочувствия, будь то сербы, черногорцы или грузины.

Собинов натянуто улыбнулся:

— Вы и русских считаете поработителями, а разве не Россия более всех вступилась за сербов в нынешней ситуации? Разве не лучшие сыны России сражаются на Балканах?

— К сожалению, даже они только тогда сочувствуют свободолюбивым народам, когда эти народы требуют освобождения не от романовского гнета, а от какого-нибудь другого.

Собинов холодно посмотрел на Нестора.

— Мы никогда не пойдем друг друга.

— Да, и мне так кажется.

Раису Раевскую в тот день они нашли в одном из кафе. Это была довольно красивая, довольно умная, довольно богатая и смелая молодая дама. Ее сопровождал какой-то пожилой австрийский граф. Она страшно обрадовалась, увидав своего кузена. Арбенин поцеловал кузине руку и представил ей Нестора. Раевская протянула ему руку, пристально посмотрела прямо в глаза, словно желая с первого взгляда угадать суть молодого человека. Нестор выдержал упор-

ный взгляд аквамариновых лучистых глаз, глядя так же пристально и выжидающе, Раевская улыбнулась и взяла кузена под руку. Ее стройности могли позавидовать кипарисы, стоявшие на берегу озера. Одетая она была богато. Бриллианты сверкали на ее нежной шее, на пальцах руки, с которой она стянула перчатку. Они прогуливались по берегу, беседовали. Наступал вечер. Они зашли в ресторан и заняли столик у окна. Справа от Раевской сел Собинов, а слева граф-австриец, Арбенин и Нестор сели напротив, и Нестор, посмотрев на кроны кедров и сосен, которые шумели рядом, закрывая окно колышущимся зеленым занавесом, снова почувствовал какую-то внутреннюю мощь, прилив сил, делавших его довольным собой и сегодняшним днем. Беседа вновь зашла о балканских событиях, о политике европейских государств, о русских добровольцах и, конечно, об отъезде в Сербию Арбенина и Нестора. Раевская прекрасно разбиралась в международной обстановке, свободно полемизировала с Собиновым, Арбениным и австрийцем. Нестор большей частью сидел молча. За окнами незаметно темнело, постепенно пустели бокалы с шампанским, разговор шел по-французски, и звуки французской речи, словно дивная музыка, одурманивали Нестора.

Он заметил, что Собинов и австрийский граф очень старались понравиться госпоже Раевской, но та подчас одаривала скромно сидевшего Нестора такими взглядами, что он чувствовал — увлеченная разговором с другими мужчинами, она, тем не менее, не забывала о его существовании. Польщенный ее вниманием, Нестор отвечал на каждый ее взгляд улыбкой. И вдруг она, подняв бокал с шампанским, обратилась к нему:

— Князь, просим, скажите нам что-нибудь!

— Ваше здоровье, мадам! Пусть ваша жизнь всегда будет такой же прекрасной, как вы сами! — и Нестор, не переводя дыхания, осушил бокал.

Все единодушно одобрили и поддержали тост, и пока пили за здоровье дамы, Раиса не сводила с Нестора сияющих глаз. Потом она встала, обошла стол и приблизилась к нему, и когда он поднялся ей навст-

---

Гурам Гегешидзе. Глас вопиющего.

речу, она сняла с шеи висевший на золотой цепочке медальон и раскрыла его. Синий сапфир засверкал в золотой оправе. Раевская повесила медальон на шею Нестору.

— Князь, я рождена под знаком водолея. Мой амулет — сапфир. Я хочу, чтобы он уберег вас в боях с турками, — в ее глазах блеснули слезы.

Нестор прильнул губами к ее руке, потом поцеловал медальон и спрятал его, а Раиса, обеими руками притянув к себе его голову, поцеловала Нестора прямо в губы.

После этого они еще долго говорили, пили вино, но Раиса больше ни разу не взглянула в сторону Нестора. Она с увлечением беседовала с Собиновым и своим графом, и Нестор подумал, что для такой необыкновенной женщины не так уж и много значит этот поцелуй при всех. И все равно Нестор был очень взволнован и время от времени нащупывал на шее медальон.

Было уже темно, когда они покинули ресторан. Газовые фонари освещали улицу. Перед входом в ресторан стояли экипажи. Тут госпожа Раиса вновь вспомнила о существовании Нестора.

— Князь, вы проводите меня?

— Конечно, мадам!

Цокот лошадиных копыт эхом отдавался по пустынным улицам. Нестор не мог поверить, что он остался наедине с этой прелестной женщиной. Оба молчали. На одной из улиц Раевская велела остановить экипаж. «Вот и мой дом!» — сказала она, когда они оказались перед подъездом. Но войти в дом не пожелала, взяла Нестора под руку, и они направились к площади. Несмотря на поздний час, на площади горели фонари, все еще проезжали экипажи, встречались запоздавшие прохожие. Раиса казалась возбужденной и взволнованной, она завела разговор об Арбенине, о своем любимом кузене, об этом необыкновенном, благороднейшем, чистейшей души человеке, для которого она готова пожертвовать жизнью, если это понадобится, отъезд которого в Сербию так сильно тревожил и страшил ее и друзья которого вызывали в ней огромное уважение и доверие, особенно Нестор, потому что, помимо того, что он друг до-

рогого Саши, он еще и грузин, а человек, к которому она испытывала первую и чистейшую любовь, был соотечественник Нестора, князь Орбелиани, ближайший друг ее старшего брата, обладавший блестящей наружностью и благороднейшей душой, отчаянный удалец, корнет драгунского полка. Он равнодушно прошел мимо пылкой полудетской любви Раисы, да и она спустя какое-то время вышла замуж, потом разошлась с мужем, многочисленные поклонники теряли из-за нее головы, но воспоминание о князе Орбелиани и по сей день приводило ее в трепет. Рассказывая об этом Нестору и восторгаясь то Арбениным, то Орбелиани, она сбивчиво перескакивала от одного к другому. Так, за беседой, она несколько раз прошла с Нестором мимо своего дома. Неожиданная исповедь ее была не по душе Нестору, и, если бы это было можно, он распрощался бы с Раисой и вернулся бы к себе в гостиницу. Но она наконец остановилась у подъезда.

— Хотя и поздно, князь, давайте поднимемся и продолжим нашу беседу, — проговорила она неожиданно.

— О, я весьма польщен, сударыня!..

И Раиса позвонила. Дверь открыла служанка. Они молча поднялись по лестнице, вошли в комнату. Служанка зажгла свечи, и Раиса отпустила ее. У одной из стен стоял концертный черный рояль, у другой — набитый книгами шкаф. На окнах висели тяжелые длинные занавеси. Раиса подошла к роялю и зажгла стоявшие на нем в канделябрах свечи. Потом задернула шторы, достала из шкафчика шампанское и фрукты и со словами: «Вы займитесь этим, я сейчас вернусь!» — вышла из комнаты. Нестор откупорил бутылку, налил себе бокал и выпил. Потом подошел к книжному шкафу, осмотрел книги, подсел к роялю. Он был не ахти каким музыкантом, но все-таки, взяв несколько аккордов, заиграл медленную грустную пьесу. Как раз в это время в комнату вернулась Раиса. На ней было теперь белое платье с брюссельскими кружевами. «О, как вы прекрасно играете!» — воскликнула она, подошла к Нестору, обняла его за плечи и при-

---

Гурам Гегешидзе. Глас вопиющего.

гласила к столу. Они еще выпили шампанского. Госпожа Раиса снова вспомнила князя Орбелиани, нисколько не заботясь о том, что Нестору эта тема явно не доставляла удовольствия.

— Как бы вам не опоздать, Нестор! Вы же уезжаете рано утром... — словно спохватившись, сказала вдруг она.

— Не беспокойтесь, мадам.

Незаметно разговор зашел о любви. Причем говорила только Раевская, и было даже удивительно, что эта женщина, всего часа два назад так умно рассуждавшая о европейских проблемах и о возможности новой войны, сейчас стала столь легкомысленной.

— Нестор, а вы когда-нибудь теряли голову?

— Это происходит со мной сейчас!

— О, как это прекрасно! А ведь вы понравились мне с первого же взгляда, как только я вас увидела, потому что... потому что я почувствовала в вас силу!..

Оплывавшие свечи неровным пламенем освещали ее бледное лицо. Нестор, подсев к ней, одной рукой обнял ее за талию, а другой держал ее руку, покрывая поцелуями длинные тонкие пальцы. Вдруг она прошептала ему на ухо: «У меня кружится голова, отнеси меня в спальню».

...Там, в ее спальне, горела единственная свеча. Шторы на широком окне не были задернуты, и он, перехватив ее беспокойный взгляд на окно, поспешил их задернуть. Погасив свечу, он начал лихорадочно раздевать эту женщину, приведшую его в столь необыкновенное возбуждение. Наконец он сорвал одежду и с себя, прильнул к желанному телу...

И вдруг с ним случилось нечто невероятное...

Он не мог поверить в происшедшее, но от действительности некуда было бежать. Некоторое время он лежал неподвижно и чувствовал, как женщина ждет его, но время шло и ничто не менялось. Потрясенный и ошеломленный, Нестор не мог шевельнуться.

Наконец она, поняв, что ждать больше нечего, встала, накинула пеньюар и зажгла свечу. Его одежду, раскиданную по полу, Раиса собрала ногой и брезгливо подтолкнула к постели, где все еще лежал Нестор.

04.10.50
802.01033

— Одевайтесь, молодой человек, и ступайте, иначе вы можете опоздать на войну!

Ему хотелось умереть. Ни родины, ни войны, ни отваги — ничего не осталось, все сразу исчезло. Жизнь утратила смысл и значение. Ему нечего было сказать, и он молчал.

Он начал одеваться, а разъяренная женщина стояла у него над головой с горящей свечой в руке, словно беспощадное обличение, и торопила его:

— Быстрее, быстрее, князь, я ужасно хочу спать!

Никогда не чувствовал он себя столь ничтожным и униженным, как в ту ночь, когда, выйдя из дома госпожи Раевской, брел по безлюдным женевским улицам посрамленный, беспомощный, безутешный, разуверившийся в себе. «Боже! Почему ты дал мне дожить до такого дня?» — бормотал он в полном отчаянии, и если бы у него был при себе пистолет, он без колебаний пустил бы себе пулю в лоб.

12.

На следующий день Нестор вместе с Арбениным покинул Женеву. Это был уже не тот человек, который несколько дней тому назад выехал из Парижа. С его лица бесследно исчезло выражение целеустремленности, взгляд выражал растерянность и смятение. Война с турками его уже совершенно не интересовала. У него было такое чувство, словно его насильно везли на бойню. Он уже и сам не знал, зачем ехал в Сербию. Перед его глазами неотступно маячили картины той страшной женевской ночи, и жизнь его больше не радовала. Подаренный госпожой Раевской сапфировый медальон он оставил в гостинице, возле умывальника... За все время пути в Сербию он не вымолвил ни слова. Чувство собственной ничтожности и неполноценности разрывало ему сердце, но мысль о самоубийстве больше не приходила ему в голову, он постепенно привыкал к новому для себя состоянию бессильного, немощного и несчастного человека, так же как прикованный к постели привыкает к неотвязной глухой боли. Арбенина поражала эта внезапная

Гурам Гегешидзе. Глас вопиющего.

перемена, и у него возникло подозрение — уж не страх ли закрался в сердце друга. Он постепенно разочаровывался в нем, но ни о чем не спрашивал.

В начале октября они приехали в Белград и вскоре присоединились к отряду генерала Черняева, в составе которого сражались русские добровольцы. К этому времени между воюющими сторонами было заключено временное перемирие. Однако турки вскоре возобновили наступление. Завязались кровопролитные бои, и в течение месяца Нестор не выпускал из рук оружия. Весь этот месяц он видел огонь, разрушение, кровь, страдания, в оглушающем грохоте пушек, в дождь и холод, на выжженных холмах и среди изрытых снарядами полей он чувствовал дыхание смерти, но жажды борьбы, которой были охвачены его соратники, он не испытал ни разу, хотя воевал не хуже других. Когда в коротких передышках между боями он, усталый, измученный и изнуренный, обхватив руками свою винтовку, валился на дно окопа, чтобы передохнуть, — в памяти снова всплывали воспоминания о той жуткой ночи, о пережитой в Женеве ночи бесчестья, когда по воле providения он испытал такое унижение. И этот непреодолимый стыд, вызванный, на первый взгляд, малозначительным происшествием, лишал его веры в себя, той самой веры, которая переполняла его до памятной роковой ночи.

Между тем турки непрерывно наступали. К концу месяца упорное сражение разыгралось у небольшого городка Кружевац, где была красивая средневековая церковь. Ничем этот городишко не был примечателен, кроме этой белой церкви, излучавшей таинственный покой на вызолоченные осенью окрестные поля, затихшие перед началом кровопролития. Нестору запомнилось то раннее утро. Сербы вступали на поле боя с севера, неподалеку виднелась эта древняя церковь. Вокруг нее стояли печальные обнаженные деревья, земля была усыпана ржавыми увядшими листьями. Из пожелтевших садов, обступавших побеленные домики, крытые красной черепицей, шел густой аромат спелых фруктов. Уходившие в бой солдаты, глядя на церковь, крестились, но крестное знамение в тот день не помогло христианам, воинское счастье было на стороне мусульман. Еще на рассвете грянули залпы

орудий. Раздались воинственные кличи, ружейная пальба, сабельный звон. Пороховой дым отравил воздух. На левом фланге турки преследовали смятые и в беспорядке отступавшие сербские части. Вопли и стоны раненых тонули в грохоте боя. Покоритель Туркестана генерал Черняев не смог стать освободителем Сербии. К вечеру его армия была разбита. Нестор, раненный в руку, брел по темной и скорбной дороге в глубь чужой страны, где его никто не ждал. Его страдальный путь, начавшийся в Женеве с личного краха, здесь, в Кружеваце, закончился общей катастрофой. Александра Арбенина уже не было с ним — он остался на поле боя с простреленной грудью.

В середине ноября Нестор вернулся в Париж.

Комнату и вещи доовладелец сохранил в неприкосновенности. Когда, оставшись один в комнате, Нестор посмотрел в зеркало, он с трудом узнал себя: щеки ввалились, нос заострился, глаза покраснели. За месяц он постарел на десять лет. Нестор скинул с себя изношенную военную форму и выбросил ее. Принял ванну, попросил хозяина позвать врача, врач как следует перевязал ему рану, потом он лег в постель и пролежал три дня не вставая — отсыпался. Бодрствуя, он, заложив руку под голову, смотрел в потолок и думал. Границы дня и ночи стерлись для него, так же как стерлись дни и недели, прошедшие в боях, от которых в памяти остались лишь обрывки. Ярko и отчетливо помнил он окруженную тополями тихую церковь и бледное лицо умирающего Арбенина. Это было в последний день войны, и видение это неотступно стояло у него перед глазами. Церковь напоминала ему родину, потому что родина обычно всегда представляла в его воображении в образе церкви. Древние храмы, монастыри, увитые плющом стены и башни древних крепостей сохраняли неповторимое лицо его отчизны. Некоторые из них — храм Баграта, монастырь Моцамета, Гелати — он видел сам, когда учился в Кутаиси. По этим величественным сооружениям он представлял историю своей страны. Еще в детстве отец рассказывал ему о подвигах Давида и Константина, о мученичестве Або Тбилели, о вели-

Гурам Гегешидзе. Глас вопиющего.

ком царе Давиде Строителе, о полководце Шалве Ахалцихели, о царе Димитрии Самопожертвователе, о священнике Тэвдоре, о мученике-царе Луарсабе, о великомученицах Шушаник и царице Кетэван, о многих, многих других, — монотонно, как молитву, читал он ему книги о прошлом Грузии, словно мхом, подернутым глухой пеленой завбения, которую прорывали и освещали гордо взнесенные купола лучезарных храмов. Только храмы, церкви, крепости и замки остались свидетелями былого величия, но Нестора угнетало сознание того, что дальше Кутаиси по Грузии он не ездил, не видел своими глазами собственной страны, тогда как побывал в России, в Сибири, в Европе, плывал и по морям, и сражался на Балканах с турками, которые присвоили южные грузинские земли... Да куда уж там южные земли, когда и в остальных частях своей страны ты не хозяин!.. Своим участием в сербской войне он, разумеется, ни сербам ничем не помог, ни своей несчастной стране, только проверил и узнал самого себя; он не испытал там страха и малодушия, он никого не предавал, но к чему отвага, если... и его мысли снова возвращались к Раевской, память о проведенной в Женеве ночи тяжелым камнем лежала у него на сердце, и все хорошее и значительное, что у него было, теряло смысл. Он лежал, уставясь в потолок немигающим взором. Ему доставляли удовольствие и белоснежное белье, и пестрые шпалеры на стенах, и серое дождливое парижское небо, видневшееся в окнах.

Ему было приятно вспоминать о войне, ибо человеку бывает приятно вспоминать и о несчастье, если он в нем проявил себя достойно. Невыносимо только воспоминание о пережитом стыде, и так как на войне ему не было стыдно за себя, он снова и снова возвращался памятью к пережитым опасностям, мучениям, к Александру Арбенину, сраженному вражеской пулей в последний день войны, у мутной реки, на противоположном берегу которой турецкие кавалеристы беспощадно рубили оказавшихся в окружении сербов. Он на своей спине вынес с поля боя тело погибшего друга, едва не поплатившись за это жизнью. Он похоронил его в просторном дворе церкви. Когда могила была засыпана землей, он снова бросился в бой и

1935340
1935340

сражался до тех пор, пока вражеский штык не распорол ему руку. К этому времени сражение было уже проиграно. Смерть Арбенина показала ему всю обреченность самых лучших человеческих стремлений, он понял, что ценности создаются не стремлениями, а обстоятельствами и потребностями.

По приезде в Париж сразу же спали напряжение и тревога, вызванные бессонными ночами и кошмарными днями, постоянным пребыванием между жизнью и смертью. Уставшее тело радовалось сну и полному покою. На четвертый день он встал. И в этот самый день хозяин передал ему письмо от генерала Гиви Амилахвари.

— Когда вы уехали из Парижа, через неделю сюда пришел слуга генерала, а на следующий день пожаловал сам генерал и, узнав, что вы уехали воевать в Сербию, сказал мне, чтоб я дал ему знать, если вы вернетесь. Вчера я ему сообщил о вас, и сегодня он прислал вот это письмо, — сказал хозяин дома.

Нестор прочел письмо. Генерал приглашал его к себе.

Нестор тщательно побрился, оделся, раненую руку заложил за борт сюртука, в другую взял трость и отправился к генералу Амилахвари. На этот раз генерал с улыбкой встретил вернувшегося с войны соотечественника. Он был хорошо осведомлен обо всем, что произошло с Нестором, знал о его ранении, но, не любя длинных речей, предпочитал говорить кратко.

— Вы, господин Нестор, мечтали о военном образовании?

— Да, генерал.

— Я разузнал тут об этом и нашел нужных людей. Если вы не передумали, можете готовиться к экзаменам.

— Я передумал, господин генерал.

Гиви Амилахвари встал, прошелся по комнате, подошел к окну и выглянул на улицу, потом обернулся и испытующим взором уставился на сидевшего в кожаном кресле Нестора, который после неудачи с Равевской решил, что он не может быть воином и что

Гурам Гегешидзе. Глас вопиющего.

самое подходящее для него сейчас занятие—это скорее всего пчеловодство...

— Что поделаешь, милостивый государь. Может быть, вам что-нибудь нужно?

— Ничего, батано Гиви. — Нестор поднялся.

— Неужели вам так уж ничего и не нужно и вы ни о чем не мечтаете?

— Только о возвращении на родину, батано Гиви. Только о родине я тоскую, только...

— Пока это невозможно.

— Да, конечно, — печально произнес Нестор, понурив голову.

В последнее время им часто овладевала тоска по родине. Сколько времени он не говорил по-грузински и боялся, что забудет родной язык. Он устал скитаться по чужим краям. Знакомство с новыми странами и с новыми обычаями сначала увлекало его, но сейчас ему казалось, что нет ничего лучше, чем смотреть с отцовского балкона на белые вершины кавказских гор. Гонимый ностальгией, в один прекрасный день он собрал свои пожитки и, покинув Париж, переехал в Брюссель. В Бельгии даже сбежавший из России человек мог чувствовать себя спокойно. К этому времени только что началась новая русско-турецкая война.

Нестор начал посещать Брюссельский университет. Он изучал экономику, право и сельское хозяйство. Среди преподавателей был один профессор-грузин, переделавший свою фамилию на французский манер. Нестор и не пытался завязать с ним знакомство. Весь год он жил один, все больше и больше становясь похожим на европейца, у него выработались новые привычки, появились новые взгляды, изменились вкусы. Во всех делах он старался руководствоваться здравым смыслом, так, во всяком случае, ему казалось. Улеглись бурные страсти и желание рубить сплеча. Терпение и трезвость стали основными свойствами его характера. Мечтатель постепенно превращался в расчетливого рационалиста. Чем больше он тосковал по Грузии, тем больше привыкал к европейской жизни, так как время шло и Европа становилась для него более реальной и близкой, чем далекая Грузия. Постепенно отчизна превращалась в мечту, несущее

ствующую страну грез. Только присылаемые отцом деньги, источник его существования, свидетельствовали о том, что у него где-то есть родина.

В занятиях и трудах прошел весь год. В один прекрасный день он просматривал парижскую газету и на последней странице прочитал заметку о том, что судно «Луара», обогнув земной шар, бросило якорь в марсельской гавани. Эта новость так взволновала Нестора и ему так захотелось увидеть Беглара Нигуриани, известий о котором он давно не имел, что в тот же вечер он взял билет на поезд и отправился в Марсель. Прибыв туда, он сразу направился в порт. Город амфитеатром спускался к морю. Был вечер. Ведшие к порту узкие улочки кишели пьяными моряками. Из таверн доносилось разноголосое пение и музыка. Фонари тускло горели в порту, где стояло множество судов, больших и маленьких, парусных и паровых, только что пришедших и готовых к отплытию. После долгих поисков Нестор с трудом разыскал на одном из пирсов прочно пришвартованную «Луару». Он поднялся на борт и спросил Беглара. Того позвали. Нестор был поражен, как вытянулся Беглар, он был на целую голову выше него, а ведь когда они покидали родину, Нестор смотрел на Беглара сверху вниз. Стоявший перед ним загорелый обветренный удалец ничем не напоминал того беспомощного парнишку, который с борта уходившего в Потю суденышка затуманенными слезой глазами смотрел на приионские луга, на заросшие камышом и аиром болота.

Они очень обрадовались друг другу. Беглар беголо говорил по-французски. По всему было видно, что и корабельное дело он тоже хорошо освоил. «Я вам вручаю настоящего моряка», — сказал Нестору пожилой капитан. Они сошли на берег, пошли в таверну, пили там бургундское и проговорили до утра. Беглар рассказывал о своих приключениях, о том, что ему пришлось повидать, рассказывал о песчаных берегах Африки, где восседающие на верблюдах арабы в белых бурнусах странствуют по пустыне, об островах Латинской Америки, где перемешались все расы, о зное и лихорадке тропических стран, где лето и зи-

Гурам Гегешидзе. Глас вэтиющего.

ма почти ничем не отличаются друг от друга, о загадочных происшествиях на морях, о том, как в один из портов вошло судно, на борту которого не было ни одного человека, а в капитанской каюте стоял дым от только что выкуренной сигары, о могучей реке Амазонке, которая выносит свои мутно-коричневые волны далеко в океан, меняя цвет его воды, рассказывал об Огненной Земле, о Магеллановом проливе, который считается кладбищем кораблей, о нагих жителях островов Океании, о дикарях, головы которых украшены птичьими перьями, а тела — татуировкой и которые едят человеческое мясо, говорил о Японии, где обитает чистоплотный, вежливый и трудолюбивый народ, где очаровательные женщины щебечут, как птички, где зеленеют покрытые водой рисовые поля, где на дне по два раза случаются землетрясения и поэтому народ живет в бамбуковых и камышовых хижинах. Беглар рассказывал Нестору о Китае, об Индокитае, об Индии, где слоны приручены людьми, как у нас лошади. Об острове Цейлоне, о Мадагаскаре, о Красном море, о Суэцком канале, и во время разговора он иногда переходил на французский, так как изрядно подзабыл грузинский и не мог говорить на нем так складно, как раньше. Нестор тоже рассказал ему о себе. Они всласть наговорились. Они совсем не походили на хозяина и слугу или на князя и крестьянина. И прежде, когда они жили вдвоем, Нестор обращался с ним как с родным, как с товарищем. Уважение и почтение Беглара к Нестору было скорее почитанием младшим старшего, теперь же этого возрастного барьера больше не существовало. Им пришлось столько повидать на свете, столько пережить, что грань неравенства между ними стерлась, исчезла. И так случилось, что, выйдя из таверны, они завернули в публичный дом.

Там было полно пьяных матросов. Разряженные женщины пели, пили. При виде обнаженных женских рук, плеч, груди у Нестора захватило дух, он почувствовал слабость в ногах, на лице выступила испарина. Ему захотелось уйти отсюда, но он пересилил себя и, разуверившись однажды в собственной мужской силе, решил еще раз испытать судьбу. Тем временем Беглар заговорил с каким-то английским матросом, обнаружив порядочное знание английского, они о чем-

то повздорили, и Беглар ударил пьяного англичанина. Их стали разнимать, но Нестор был так одурманен вином и непривычной обстановкой, что, прислонясь к стене, точно посторонний, наблюдал за происходящим. Беглар подошел к Нестору.

— Выбирай женщину!

Нестора снова бросило в пот...

— Не надо, Беглар. Оставим это.

— Что значит оставим?!

Разгоряченный вином и дракой Беглар обвел взглядом зал, увидел только что вошедшую молодую смуглую проститутку в матроске, схватил ее за руку и подвел к Нестору. Оставив их вдвоем, он исчез среди матросов.

Нестор не помнил, как очутился вместе с этой надушенной женщиной в полутемной комнате, пропитанной удушливым запахом духов и гнилой рыбы. «Котик, солнышко, золотко!» — лепетала женщина заученные слова, но Нестор не слышал их. Сердце у него готово было выскочить из груди. Он жадно смотрел на молодое, гибкое тело женщины, на которое ее тяжелая и отвратительная профессия еще не успела наложить свою печать, и чувствовал, как в глубине его существа просыпается самец, до того пристыженно дремавший. Когда женщина скинула матроску, Нестор приблизился к ней, провел рукой по ее обнаженной полной груди, с восторгом ощущая, что к нему вернулась его мужская сила; он так самоабвенно, так яростно пробивался через водоворот захватившей его страсти, точно его ожидала смерть, не достигни он другого берега. Наконец он очнулся и услышал:

— Мальчик мой, а ты, оказывается, настоящий зверь!

В ответ Нестор удовлетворенно засмеялся, так как чувствовал удивительную легкость и свободу. Эти ее грубоватые слова были для него дороже золота. Поэтому на следующий вечер он снова пришел сюда, снова позвал ту же женщину и снова уверился в своей мужской силе. Вернувшись в гостиницу перед рассве-

---

Гурам Гегешидзе. Глас вопиющего.

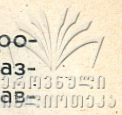
том, он заснул как убитый, но как только stemнело, Нестор снова был там.

— Вам опять ту, что в матроске? — спросили его.

— Да, опять ее.

Так продолжалось целую неделю. Каждый вечер приходил Нестор в публичный дом и наутро возвращался в гостиницу. Днем спал, ночью бодрствовал. Эта женщина, вернувшая ему силу и веру в себя, все больше и больше увлекала его. На третий вечер он спросил, как ее зовут, — ее звали Мадлен. На четвертый вечер он поинтересовался — откуда она? Мадлен оказалась парижанкой. На пятый вечер спросил: сколько ей лет? Ей было двадцать два года. На шестой вечер ему захотелось узнать, как она попала в публичный дом. И Мадлен рассказала ему свою историю.

Она была дочерью видного адвоката. Детство у нее было безоблачным и счастливым до тех пор, пока война, смута и восстание не перевернули всю ее жизнь. Она помнила, как сбрасывали Вандомскую колонну, воздвигнутую в честь императора Наполеона, помнила ликующие толпы народа на парижских площадях, помнила пожары в бурные дни Коммуны и ту ужасную кровавую неделю в мае, когда версальцы и коммунары беспощадно истребляли друг друга на улицах Парижа и около кладбища Пер-Лашез. Отец Мадлен, один из деятелей Коммуны, погиб на баррикадах. Семья осталась без кормильца и без всяких средств к существованию. Победившие версальцы расстреливали оставшихся в живых коммунаров, преследовали их семьи, не щадя ни мужчин, ни женщин, ни детей, ни стариков. Мать Мадлен со своими дочерьми переселилась в Марсель. Тут она содержала семью шитьем, а иногда ей приходилось и стирать. Она была слабого здоровья, ее все время мучил кашель. Очень скоро она скончалась. Мадлен с младшей сестрой остались одни. Сестра заболела и через год тоже умерла. Мадлен было тогда пятнадцать лет. Соседи помогли ей устроиться служанкой в один богатый дом. Она жила там спокойно, училась рукоделию, хозяйка ее любила. Но когда ей исполнилось восемнадцать, старый отец хозяйки, оставшись с ней наедине, изнасиловал ее. Это несчастье надломило ее, и разочаровавшись во всем, она вскоре стала любовни-

цей старшего сына хозяйки, пятнадцатилетнего подростка. Когда хозяйка узнала об этом, она страшно разгневалась, немедленно выгнала ее из дома, и, оставшись без крова и без средств, Мадлен оказалась на улицах Марселя, кишаших разношерстной публикой. В детстве ее учили игре на фортепиано, у нее был и небольшой голос. Нужда и безнадежность толкнули ее к тавернам и кабачкам, пользовавшимся скверной репутацией. Она пела в них, иногда ей удавалось заработать немного денег, иногда нет. Безысходность, страх и голод в конце концов привели ее в бордель, где она имела хотя бы крышу над головой. Ее занятие не было ей в тягость, но мужчин она ненавидела. Однако когда она познакомилась с Нестором и провела с ним несколько ночей подряд, что-то снова шевельнулось в ее душе, словно там что-то оттаяло, просветлело, она испытывала неясную радость, доставив счастье человеку, которому как воздух нужна была ее ласка, и впервые почувствовав себя кому-то нужной...

Ее исповедь Нестор выслушал молча, со слезами на глазах, и на седьмой вечер сделал ей предложение. Тщетны были уговоры Беглара, не торопись, мол, подожди. Ровно через неделю с того дня, как он впервые увидел Мадлен, он обвенчался с ней. Когда они вышли из церкви, Нестор отозвал Беглара в сторону.

— Имей в виду, Беглар, никто не должен знать печальную историю Мадлен.

— От меня никто ничего не узнает, сударь.

После венчания новобрачные отбыли в Геную. Нестор хотел осмотреть древние памятники Италии и изучить итальянский язык. Два месяца они прожили в этой прекрасной солнечной стране, посетили Милан, Венецию, Рим, Неаполь, осматривая бесчисленные достопримечательности, а осенью Нестор вернулся с Мадлен в Брюссель. Они сняли мансарду в четырехэтажном доме. Жили скромно, но на судьбу не роптали. Днем, когда Нестор занимался, Мадлен хлопотала по хозяйству, училась шить и вязать. Тем временем судно «Луара», на котором плавал Беглар Ни-

---

Гурам Гегешидзе. Глас вопиющего.

гуриани, обогнув берега Испании, пришло в Англию. Здесь Беглар собирался поступить в мореходное училище, уже немного разбираясь в судовождении. Он хотел углубить свои знания. Ему удалось попасть в штурманскую школу, и он сообщил об этом в Брюссель Нестору. Уже закончилась русско-турецкая война, и в один прекрасный день Нестор получил из Петербурга письмо, подписанное генералом Гиви Амилахвари. Тот писал: «Граф Лорис-Меликов, с которым меня связывает старинная дружба, пользуется сейчас в России большим влиянием. Я ходатайствовал перед ним за вас. Вы прощены, и вам позволено вернуться на родину, но без права поступления на государственную службу». Это известие весьма обрадовало Нестора. Он немедленно сообщил эту радостную новость Беглару, и тот, не дожидаясь окончания текущего семестра, весной приехал в Брюссель. Быстро собравшись, все трое отправились в Париж, оттуда в Берлин, а потом — в Одессу, где Нестор нанес визит госпоже Пепо, которая приняла его с прежней сердечностью. В Одессе они сели на судно, отплывавшее в Потю. На рассвете четвертого дня пути, когда корабль тяжело рассекал гребнистые волны встревоженного моря, тонкие и прозрачные, как паутина, облака рассеялись, и на горизонте возникли голубые горы Грузии, вершины которых золотились в предрассветной дымке. Дул теплый ветерок, донося с берега знакомые запахи родины. Более десяти лет глаза не наслаждались неистовством этих красок, легкие не насыщались этим сладостным, как нектар, родным воздухом. Нестор с Бегларом стояли на палубе и, не отрываясь, смотрели на утопавший в зелени золотистый берег, который медленно приближался.

13.

Давняя заветная мечта Нестора осуществилась, — наконец он ступил на грузинскую землю. Ему так не терпелось увидеть и узнать родную страну, что он не усидел в отцовском доме, и на другой же день после великолепного пира, данного князем Капланом в честь приезда из-за границы сына, невестки и бывшего крепостного, Нестор усадил в фаэтон жену и брата и

поехал в Кутаиси. Он должен был явиться к кутаисскому губернатору, чтобы получить от него разрешение на проживание в Кутаисской губернии. Потом он намеревался объездить всю Грузию, но сначала хотел поехать в Гори, чтобы повидать своего верного друга Отара Амилахвари. Перед отъездом он позвал Беглара и предложил ему совершить поездку по Грузии, но тот отказался. Суша его не интересовала, его влекло море. Он уже решил про себя уехать в Поти и, нанявшись на какой-нибудь корабль, снова отправиться за границу. Нестор с Мадлен и Джамбакуром уехали. Беглар остался дома, а Парна и Татархан вернулись в Поцхо.

Дома Беглар сильно заскучал. Однажды в доме Окропира собралась родня и было шумное застолье, но Беглар все равно и тогда не смог прогнать скуку. Истосковавшийся по своим родным за эти долгие годы отсутствия, он уже не находил с ними общего языка. Отвыкнув от крестьянского труда, от земли и скота, он не понимал их забот, а родные не понимали его. Один только Симона видел море, но что он смыслил в кораблях? Беглар был точно глухонемой среди близких. Он затосковал, потерял ко всему интерес, помрачнел, осунулся. Иногда он с отцом, братом или с дядей ходил на мельницу. Лунными ночами, сидя на длинной скамье под тенью деревьев, он слушал монотонное гудение жерновов и стук клепала, слушал немолчный шум воды и разговоры крестьян в башлыках, которые то рассказывали сказки, то толковали о будущем, то обсуждали, как полоть или молотить кукурузу, а иногда просили Беглара рассказать что-нибудь о чудесах заморских стран. Беглар не отказывал односельчанам и охотно рассказывал о странах Востока и Запада, и мужики слушали его, разинув рты, а у него при этом загорались глаза, сердце учащенно билось, тело становилось легким, словно у него вырастали крылья, и он вновь уносился в когда-то виденный волшебный мир, который не давал покоя ему, вернувшемуся наконец к родному очагу. Однако и этим беседам приходил конец, и когда он воз-

---

Гурам Гегешидзе. Глас вопиющего.

вращался с мельницы домой, тоска снова одолевала его.

В один прекрасный день он пошел в церковь к Сабе. Солнце стояло в зените. Плотная тень от старых лип покрывала поросшие мхом могильные плиты. Во дворе было тихо, в самой церкви перед иконой Спасителя теплилась одна-единственная лампада. Церквушка носила имя Христа-Спасителя. Беглар открыл заскрипевшую деревянную дверь сбоку от алтаря и заглянул в маленькую темную келью, где Саба любил, уединившись, читать древние книги. Сейчас его там не было. В келье стоял запах ладана и пропыленных книг. Из узкого высокого оконца полосой ложился на пол дневной свет. Здесь на крытой паласом тахте, стоявшей у стены, обычно сжививал Саба, облокотясь на маленький столик и положив раскрытую книгу под эту полоску света. Часами сидел он, склонившись над книгой, иногда по щекам его катились слезы и он, прервав чтение, с грустью смотрел на клочок неба, видневшийся в узком оконце. Потом снова углублялся в чтение, вздыхал, плакал. Что же такого было в этих книгах? Что там было написано?

Беглар очень любил своего дядю, но испытывал перед ним некоторую робость. У него было такое чувство, словно Саба знал нечто такое, что было сокрыто от других. Беглар вышел из темной кельи, обошел вокруг церкви и увидел Сабу, сидевшего у стены на низенькой скамеечке. Беглар поздоровался с Сабой, присел рядом с ним на траву и устремил взор на два улья, стоявшие у церковной ограды. В воздухе звенел пчелиный гул.

— Проститься пришел, сынок? — спросил Саба у племянника.

Беглар изумился: и впрямь, не ясновидец ли этот горбун?

— Откуда ты знаешь?

— По тебе вижу, что у тебя сердце не лежит к деревне, уезжать собрался, только сказать не решаешься.

Беглар теребил в руке былинку и смотрел вдаль. За оградой бесконечно длинный ряд деревьев уходил к далеким горам.

— Не робей, сынок, уезжай, ты теперь в деревне все равно не приживешься.

— Да, хочется уехать, я и денег немного на это отложил...

— И мы чуток добавим.

— Мне и своих хватит. Хочу научиться корабли водить. Как мне быть, дядя, я и семье хочу помочь... Что ты мне посоветуешь?

— Завтра же отправляйся, сынок, ищи свое счастье.

На другой же день Беглар уехал из Ципланари. Бесия проводил его на станцию. Он положил на арбу сундучок, с которым Беглар приехал из-за границы и в который Бабале насыпала немного кукурузы и фасоли. Всю свою запасную одежду он оставил родне. Когда приехали на станцию, он попрощался с братом, и вдруг сердце у него сильно защемило. Он вынул последнюю золотую монету и подарил ее Бесии. После этого, без гроша за душой, подхватив свой сундучок, он сел в поезд, уходивший в Поти.

В то лето больше ничего примечательного в селе не произошло. Разве что прошел слух, что тандилова турчанка уже теперь не с Джамбакуром, а с Глахуной Ундиладзе любовь крутит. Поговаривали, будто кто-то однажды в полночь застал их в овине. Эти сплетни доходили, разумеется, и до Тандилы, но бог знает, верил он им или нет. К осени беременность турчанки стала явной, и в селе начались пересуды, кто же виновник случившегося: Тандила, Джамбакур или Глахуна, а Тандила про себя сомневался: а может, и вообще от Джашиныки она понесла. Никто не знал, от кого Машо ждала младенца. Не ведала об этом и госпожа Меники, ибо на все расспросы Машо, опустив голову, упорно отмалчивалась. Перед рождением у Машо родилась дочь, а в рождественское утро Нестор, Мадлен и Джамбакур вернулись из путешествия. Они весело провели рождественские праздники, весело встретили Новый год. Однажды вечером подвыпивший Джамбакур захотел повидать турчанку, ведь она, мол, меня на ноги поставила. Он позвал Машо к себе в комнату, и та явилась с ребенком на руках.

Гурам Гегешидзе. Глас вопиющего.

Джамбакур сунул ей в руку золотую монету и взглянул на ребенка, но младенец ему так не понравился, что он не смог вымолвить ни слова, не спросил, о чем собирался, только выдавил с трудом, как, мол, назвала.

— Хочу, господин, назвать Писти, — ответила Машо.

— Писти так Писти. А теперь ступай! — Джамбакур поспешно выпроводил ее из комнаты.

Младенец действительно был очень непригож. У девочки была громадная голова, большой нос, огромный, как у жабы, рот. Служанки не понимали, в кого она такая уродилась, ведь на мать она совсем не была похожа, а так как они не знали, кто был ее папаша, сказать, что она в отца, они тоже не могли. Странной загадкой сделался этот ребенок, а на четвертом месяце жизни девочка так сильно захворала, что уж и не надеялись, что она выживет. Княгиня Меники решила ее срочно окрестить, чтобы невинный младенец не ушел на тот свет грешником.

В тот день с утра лил дождь, стояла ненастная холодная погода. Квачичу послали за священником. До прихода батюшки госпожа перевела турчанку из людской во дворец. Скоро прибыл восседавший на муле священник. За ним бежал насквозь промокший Квачича. И священник выглядел не лучше, так как хотя он и ехал под большим черным зонтом, лил такой ливень, что его длинная черная ряса вымокла до нитки. Крестины состоялись в задней половине дворца, в маленькой темной комнатке. Зажгли свечи, приготовили купель и теплую воду. Все торопились, так как маленькая Писти угасала на глазах, она даже не брала грудь, и все боялись, как бы она не кончилась некрещенной. Но свершилось чудо! — как только обряд крещения был завершен, девочка пришла в себя, ожила и взяла материнскую грудь. Через неделю она уже была совершенно здорова, повеселела, к ней вернулся аппетит. После этого добросердечная княгиня Меники стала уделять больше внимания своей маленькой крестнице и ее матери. Она оставила их во дворце, в той самой комнатке, где крестили девочку.

Миновала зима, пришла весна, и князь Нестор принялся благоустраивать свое имение. Он решил пер-

ределать свои владения на европейский лад. Путешествие по Грузии убедило его в отсталости страны. Общество жило бесцветной жизнью, ограничиваясь повседневными насущными интересами. Грузинский язык, третируемый официальными властями, школами и церковью, сохранялся только в крестьянской среде, но крестьянство было темным, отсталым, неграмотным, и оно не могло создать высокой культуры. Как раз в это время лучшие сыны Грузии организовали «Общество по распространению грамотности среди грузин», и Нестор решил открыть в Циплнари школу. Для этого необходимо было построить школьное здание. Он собрал крестьян, объяснил им значение этого дела, и те обещали помочь — кто деньгами, кто работой, кто тягловым скотом. Сам Нестор пожертвовал крупную сумму. Он поехал к губернатору, испросил у него разрешение и в центре села у самой дороги выбрал место для строительства. Как только потеплело и земля просохла, работа закипела. Все село принялось за дело, кто возводил стены, кто плотничал, кто возил на арбах гравий с речной отмели.

В один прекрасный день Тандила возвращался в село на груженной гравием арбе. Дорога вилась между полями, над которыми свободно разгуливал теплый ветерок. Весна разукрасила все окрест буйной зеленью. Раскаленное солнце медленно садилось за горизонт, и его утомленный свет лился на подернутые буровой дымкой окрестности, навевая непонятную грусть. Глухая тоска овладела душой Тандилы. Он уныло глядел на волов, которые, опустив головы под тяжестью ярма, медленно тащили свою ношу, лениво переставляя облепленные грязью ноги, а в воздухе разливались звонкие голоса птиц, перебиваемые надоедливым однозвучным скрипом аробных колес. Когда арба приближалась к околице, Тандила заметил в придорожных кустах женщину. Он остановил волов и окликнул: «Кто это там?», но женщина не ответила, закрыла лицо платком и скрылась в чаще. «Али¹, наверное», — испугался

¹ Али — сказочное существо, отчасти подобное русской русалке, дух леса и воды.

Тандила, но все же прыгнул с арбы и пошел за женщиной. Пробившись сквозь заросли орешника, он вышел на поляну и увидел ее, притаившуюся за молодой ольхой. Она испуганно смотрела на него. Это была Машо, и, узнав ее, он вздрогнул, сердце у него сильно забилось, ибо когда он видел Машо, в его душе одновременно вспыхивали два чувства — радость и злоба. И сейчас он растерялся, обрадовавшись неожиданной встрече в этом безлюдном месте с желанной женщиной и в то же время, обозлившись, что она когда-то, словно птичка, выпорхнула у него из рук. Он еще больше помрачнел, насупился и хрипло спросил:

— Ты что тут делаешь?

— Травы для лекарства собираю, — невольно улыбнулась Машо.

Тандила оглянулся вокруг и подозрительно спросил:

— Верно, ждешь кого-нибудь?

— А кого я должна ждать? — нахмурила брови Машо.

— Почему я знаю?

— Никого я не жду!

Вокруг не было ни души, царила полная тишина и безмолвие. Только птицы беспечно резвились в небе.

— Этого бездельника Джамбакура ты уже поставила на ноги. Кого теперь собираешься лечить?

— Это не твоего ума дело, Тандила! — вспылила Машо.

— Почему же, ведь мы с тобой, чай, не чужие?

— Чужие мы. По твоей милости меня и турчанкой прозвали. После смерти моего Джашиники видеть тебя мне тошно. Ты меня с пути сбил. Сюда притащил, заставил бросить родной очаг. Погубил ты меня, проклятый, угробил, обесчестил, в могилу вогнал... — с жестокой ненавистью швыряла она слова, словно побивала камнями злодея, вора, преступника.

У Тандилы сорвался голос:

— Что ты мелешь, женщина? — прохрипел он.

— То, что слышишь.

— Да будет тебе! — попытался поймать ее руку ошеломленный неожиданными обвинениями Тандила, но Машо, отойдя от дерева, сделала несколько ша-

гов к дороге, и тогда Тандила обеими руками обнял ее за плечи.

— Успокойся ты, ради всего святого, уймись, Христом-богом тебя молю. Забудем то, что было. Джембакур и Глахуна тебе не пара. Возьми свое дитя и возвращайся ко мне. Будь со мной. Заживем на славу...

— словно нищий выпрашивал он. Обычная твердость покинула его, захлестнутого нестерпимым желанием, по телу пробегала дрожь, но вместе со словами мольбы в дремучих потемках его души просыпалась дремавшая злоба.

— Пусти, говорю! — старалась высвободиться Машо.

— На руках буду тебя носить, — молил Тандила, — как у Христа за пазухой жить будешь! Только вернись ко мне! Только дай мне насмотреться на тебя.

Но ненависть превратила ее в камень, она стояла перед ним, как неприступная, несокрушимая скала, о которую тщетно бились яростные волны его отчаяния.

— Убери руки, говорю! Ублюдок! Гадина! — зло и упрямо кричала она и силилась вырваться из железных лап Тандилы.

Тогда выплеснулась из его души вся безумная злоба. С быстротой молнии левой рукой он схватил Машо за волосы, оттянул назад ее голову, правой — выхватил нож и всадил ей в горло. Потом он отступил назад, взглянул в ее глаза. Зрачки ее расширились, застыли, глаза смотрели в небо как-то удивленно, словно ожидая спасения, руками она ухватилась за шею, точно пытаясь вырвать нож, а кровь заливала ее пальцы, шею, грудь; она хрипела, опустившись на колени, а голова все была закинута, изо рта тоже хлынула кровь. Потом она опрокинулась на спину, забила ногами и вдруг затихла. Остекленевшие глаза остались открытыми. Тандила посмотрел на вытянувшееся на траве окровавленное тело, наклонился, положил руку на ее бездыханную грудь, потом нарвал травы, вытер руки, окровавленную траву бросил на труп, выпрямился, пошел к дороге, сел

Гурам Гегешидзе. Глас вопиющего.

на арбу и ударил валов батошкой. Ленивые волы, помахивая хвостами, тронулись с места, и аробное колесо снова закрипело.

Уже стемнело, когда Тандила добрался до дому. Он зарезал приведенную Машо козу, освежевал. Мясо и шкуру развесил на ветках сливы. После этого, немного успокоившись, зачерпнул воды черпаком из высушенной тыквы, сполоснул руки. Некоторое время он сидел тихо, потом завел арбу во двор, выпряг волов, даже не вспомнив, что надо было доставить гравий к строящейся школе. Волон привязал возле кукурузного сарая, наполнил им ясли соломой, а сам пошел в дом. Он перешагнул через порог, ступил на земляной пол. Его обдало теплом очага. Тандила подошел к кровати сына, долго стоял и смотрел на безмятежно спавшего ребенка. Проснулась Элпидэ.

— Тандила, сынок, ложись и спи!

— Какое там спи, матушка, дел невпроворот.

— Что за дела такие? Ночь на дворе.

— Уйму дел еще переделать надо.

Он снова вышел во двор. Подкинул волам еще соломы. Взял топорик, стал подправлять плетень. Подправил. Пока волы хрустели соломой, он вытащил из-под навеса плуг и наладил его. Между тем пропели первые петухи и скрывавшаяся в лесу тяжелая круглая луна медленно выползла на небо. Он отвязал волов, запряг их в плуг и начал пахать поле за домом. Всю ночь он пахал при лунном свете, и когда пропели третьи петухи, ему оставалось пройти еще три борозды. Когда луна спряталась и на короткое время опустилась непроглядная темень, Тандила увидел одетую в белое долговязую фигуру, которая пересекла сначала двор, потом поле и растворилась в темноте. Тандила хотел было окликнуть белое привидение, кто-де такой тут ходит, но раздумал. К рассвету он уже вспахал все поле. Он снова выпряг изнуренных волов, привязал их в хлеву и задал им соломы. Закричали петухи, залаяли собаки, захрюкали свиньи, замычал скот. Он отвел корову на выгон, насыпал корм птице, налил в корыто пойло для свиней. Медленно вставало солнце. Когда Элпидэ

вышла во двор, Тандила сидел под деревом и плел большую корзину.

— Уже встал, сынок? — спросила мать, но он не ответил.

А когда проснулся и залепетал маленький Дариспан, Тандила позвал мать и попросил отвести к Симоне его вола, забрав с собой мальчика, да передать Симоне, чтоб он пришел и разгрузил арбу, мне, мол, будет не до того. Выпроводив мать и сына, он начал ремонтировать дом. Солнце поднялось уже довольно высоко. Ослепительно сверкала утренняя роса. Тандила отодрал верхние подгнившие доски и заменил их гладко оструганными новыми. Покончив с этим, он добавил осоки на крышу овина, в том месте, откуда зимой просачивалась вода. Потом взял в руки топор и стал рубить дрова, валявшиеся за домом. И как раз в то самое время, когда он расколот последнее полено, к воротам подошли управляющий Сисо, Глахуна Ундиладзе и Квачича.

— Тандила, поди-ка сюда ненадолго, — позвал Сисо.

Тандила закинул топор на плечо и подошел к калитке. Сисо показал ему нож с запекшейся на нем кровью.

— Это твой нож?

— Да, батону, мой.

— Тогда пошли, будешь перед князем ответ держать.

Тандила бросил топор и молча пошел за ними. Только раз он оглянулся на свой дом.

Они шли по селу. Справа и слева от него шагали Сисо и Квачича, сзади шел Глахуна.

— Что ты натворил, парень? — спросил Сисо, но Тандила не проронил ни слова. Он ничего не ответил и Квачиче, который чуть погодя прошептал ему:

— Что ж ты не убежал, Тандила! В лесу бы schoхранился...

Молчал он и тогда, когда они пришли во дворец. Здесь уже толпилось множество народу — все возбужденные, негодующие... Утром один из крестьян, ехавший на пустой арбе к реке за гравием, случайно

Гурам Гегешидзе. Глас вопиющего.

обнаружил в орешнике труп Машо, положил на арбу и привез во дворец. И сейчас она лежала на земле под большим ореховым деревом возле людской. Кто-то накрыл ее одеялом. У нее в изголовье стояли молодые служанки, время от времени начинавшие громко причитать, но Тандила и не взглянул в ту сторону. Он сел на пень возле людской, широко расставив ноги, одной рукой подпер голову, другую опустил на колено и устался в землю. Он не поднял головы и тогда, когда во двор сошел князь Каплан. Не встал, не шелохнулся.

— Что же ты натворил? Креста на тебе нет! Зачем ты это сделал, Тандила?! — сурово спрашивал старый князь, но Тандила так упорно и бесстрастно молчал, что в конце концов добросердечный князь даже усомнился в его преступлении и обратился к окружающим, дескать, может быть, и не он ее убил и зря мы его обвиняем?

— Что вы, господин, нож Тандилы я из тысячи ножей опознаю! — возразил Глахуна.

— Это твой нож, Тандила? — еще раз спросил князь Каплан, но и на этот раз не получил ответа.

— К уряднику его! — приказал он и поднялся во дворец.

Тандилу подняли и связали ему руки. Пока его связывали, он стоял покорно. Потом Сисо, Глахуна и Квачича, закинув за плечи берданки, велели Тандиле идти вперед. Их сопровождал вооруженный стражник. Все село узнало страшную новость. Когда Тандилу вели по селу, крестьяне выходили из своих дворов, некоторые с сожалением спрашивали: «Тандила, несчастная твоя голова, что же ты наделал?». Но Тандила, понурясь, не глядя на соседей, упрямо шагал по дороге и даже тогда не замедлил шага, когда услышал крик матери.

— Вон твоя мать бежит, Тандила. Если хочешь ей что передать, скажи, — предложил Сисо, но тот, словно не слыша ни материнского крика, ни слов Сисо, не обернулся и не замедлил шага. С криком и причитаниями бежала за сыном старая Элпидэ, бежала до самой околицы, потом повалилась на дорогу и горько зарыдала.

Тандила поднял голову лишь тогда, когда вышел

за село и его взору открылось широкое пространство.

Они шли до вечера. Когда заходящее солнце собрало свои последние лучи и призвало их обратно к себе, они свернули с дороги и сели на лугу передохнуть. На западе виднелся густой лес, впереди простиралось зеленое поле с кустарником и перелесками. Управляющий Сисо достал трубку и закурил, Квачича отложил ружье и растянулся на траве. Стражник развязал дорожный кожаный мешок и, вытащив оттуда черствое мчади, стал его жевать, и только Глахуна, держа ружье наготове, не сводил настороженного взгляда с Тандилы, который пристально высматривал что-то в поле. Тандила видел то странное существо, которое уже дважды по ночам являлось ему. А сейчас, когда над миром еще лился дневной свет, этот некто, закутанный в длинный черный балахон, большой косой косил в дальнем конце поля высокую сочную траву и постепенно приближался к нему. Тандила обвел взглядом своих спутников и понял, что никто из них еще не увидел странного косаря, который по-прежнему приближался, косил и, прерывая косьбу, поднимал голову, смотрел на Тандилу и снова косил. Тандила поднялся, а косарь подошел к нему совсем близко и остановился. Он положил косу на плечо и поманил Тандилу рукой. Тандила невольно шагнул к нему. Косарь еще раз поманил его, потом пригнулся и медленно затрусил к кустарнику. И в тот же миг Тандила сорвался с места. Вскочила и стража.

— Стой, парень, куда ты бежишь? — крикнул ему Сисо, но Тандила уже не слышал их голосов, он всем своим существом стремился догнать косаря, хотел у него спросить что-то очень важное, на что никто другой не мог ответить, а тот уже исчезал в кустарнике.

— Стой, Тандила, не то стрелять буду! — орал Глахуна, вскинув берданку и целясь в беглеца.

Косарь, обернувшись еще раз, еще раз поманил его рукой — и скрылся в кустах. Тандила побежал быстрее. Сзади грохнул выстрел. Тандила как-то странно дернулся, но все же устоял, сделал вперед шаг... другой... Кровавое пятно расплылось по спине. А косарь там, впереди, вдруг невероятно вырос, его уже

Гурам Гегешидзе. Глас вопиющего.

нельзя было охватить взором. Раскинув свой черный балахон, он заслонил им небосвод и, надвигаясь с молниеносной быстротой, накрывал Тандилу необъятной полой, словно стремился вместе с ним укрыть и весь мир.

Связанный Тандила навзничь рухнул на зеленое поле.

— Что ты наделал, Глахуна, окаянный, человека убил?!

— А что оставалось делать, не видели, как он чесал?

— Ну и пусть бы себе чесал, куда бы он от нас делся связанный?

— Застрелить связанного человека, да еще соседа — такого я еще не видывал!

— Ничего, увидишь. Поживите немного, еще не такое увидите! — огрызался Глахуна на бегу, стараясь не отстать от остальных, уже бежавших по полю к лежавшему навзничь телу.

«...Им люди нужны. Потребность в людях у них в крови. Тысячи лет человек и пес были рядом».

«— Собаки знают многое, чего не знают люди, — хвастался Натэниел. — Мы также видим и слышим, чего человек не может видеть и слышать».

Клиффорд Саймак. «Город».

Ночь поэта

ЧЕЛОВЕК проснулся сразу — и вместе с тем остался жить в сновидении, которое его разбудило. Мысли и образы, владевшие им во сне, не умерли, не исчезли. Их таинственное движение — то успокоительное-плавное, то тревожное, скачущее — не прервалось. Одна только разница.

Пока он спал, мироздание ограничивалось этими образами и мыслями. Так математическая формула замыкается в себе, безусловно отрицая все постороннее; так кинокадр сужает бытие до рамок экрана. Когда же проснулся — обрел способность воспринимать остальное. Однако сновидение не потеряло от этого отчетливой яркости, и человек знал

Владимир ОСИНСКИЙ

СТОЯНКА

ГОРОДСКАЯ СКАЗКА

почему. Слишком много раз оно повторялось, не часто, но много, ибо пришло к нему впервые очень давно.

Тот, кто проснулся в своем кабинете-спальне на пятом этаже железобетонной коробки, как две капли воды похожей на дома, тесно обступившие ее с трех сторон, не глядя взял со стула часы, чиркнул спичкой... Он мог бы не делать этого. Стрелки показывали двадцать минут четвертого, и так бывало каждый раз, когда приходил этот сон. Плюс-минус десять-двенадцать минут. Не больше. Он всегда, просыпаясь, мгновенно вступал в контакт с окружающим и поэтому успел прикурить от той же спички, даже не обжег пальцы.

Теперь он уже не жил в своем многократно повторяющемся сне, а словно бы видел его извне и, быстро овладевший собой, неторопливо, спокойно определялся во времени и пространстве.

Холодного света луны хватало, чтобы различать все предметы обстановки. Наши жилища, подумал человек, — строгие и нелицеприятные судьи. Сколько здесь вещей, без которых запросто можно было бы обойтись. А вроде уже и не обойдешься. Старею? Выходит, старею... А если так — значит, надо думать дальше. Надо, но до чего не хочется! Не так-то легко думать дальше — и не терять при этом вкуса к жизни.

Из глухих закоулков памяти всплыло вычитанное где-то (где, у кого? Не вспомнить...): если мы будем достаточно мужественны, чтобы найти утешение в мысли, что после смерти, разложенные на атомы, послужим материалом для зарождения новой жизни, то неизбежность физической гибели перестанет страшить нас... Новой жизни — в каких формах? Ты станешь амебой, миллионами амеб, или птицей, деревом, змеей, собакой, или, может, цветком... «Слабое утешение, — решил человек. — Да и цветочек... Хорош цветочек!» Он расправил плечи, легко поднял с постели крепкое тело, шагнул босиком к окну, прижался щекой к отрезвляющей упругости январского стекла.

«Ночные мысли... Мертвенные, трусливые ночные мысли, будь они прокляты!.. А что же сон?..»

Собственно, сна как такового не было. Не было

завершенных образов знакомых людей, различных лиц. Скорее — ощущения и порождаемые ими эмоции, а следом — мысли, но тоже больше похожие на ощущения, не поддающиеся облачению в логику привычных понятий.

...Внутренне до предела напряженный, он пробирался по темному тоннелю, по лабиринту узких низких ходов, стараясь не попасть под опаляющий огонь каких-то вспышек, возникающих на каждом шагу, подстерегающих за каждым поворотом... Уклонялся от столкновения с острыми металлическими углами, рваными кусками то ли железа, то ли чудовишно толстого стекла, в последний момент ухитрялся выскользнуть из-под фантастических лязгающих, громяхующих, дышащих пламенем машин... Шел глубоко под землей нескончаемой дорогой в поисках выхода на поверхность, туда, где небо, солнце и пространство, не сдавленное тяжелыми стенами (или всей огромной толщей Земли?), — и не находил его...

Оконное стекло все еще требовательно охладило щеку обязывающей к ясности наружной стужей, и человек рассудительно сказал себе: да ведь это обыкновенный кошмар. Причем я отнюдь не оригинален; судя по рассказам, подобное приходит и к другим.

Но это не был обыкновенный кошмар, после которого просыпаются в холодном поту, с криком и задыхаясь. А главное — он не один искал выход из жуткого подземелья и не за себя боялся. Кошмар почти всегда эгоцентричен. Он же в своем тягостном сне искал спасения для других. Нет, не для дочери, волею противоестественной и дикой умершей в девять с половиной лет, — теперь ей было бы двадцать три; не для отца, ушедшего десятью годами позже; не для нелепо погибшего друга... Тот, кого он вел за руку, был и первая, и второй, и третий. А может, и еще, еще кто-нибудь, кого он любил и потерял. Одни были близки ему, как часть собственного «я», другие — не так, хотя тоже дороги... Отчего же сон соединил их?

Человек, в котором окончательно восстановилось душевное равновесие и стройность мысли, предполо-

---

Владимир Осинский. Стоянка.

жил: что, если это просто естественный протест живущей во мне жизни против неизбежного?

Наше подсознание, несомненно, щедро наделено силами, рожденными беспредельным отвращением к смерти и тлену. Не случайно любое существо, даже самый примитивный организм, одарено способностью противостоять болезни, опасности, в конечном счете — гибели. Мимикрия, шипы у розы, мгновенная реакция мухи, щенок, брошенный в воду и не умеющий плавать, но инстинктивно колотящий по ней лапами — и выплывающий...

«Всякий раз, когда человек начинает думать о своей смерти, она представляется ему чем-то невероятным...» Каким чудом пришли эти слова? Откуда они? Он напряг память. Ха, да это Демокрит, Демокрит Абдерский, философ, живший в позапрошлом тысячелетии... Что ж, древний мудрец и прав, и не прав. Роза, щенок, муха неосознанно заботятся лишь о себе. Одному человеку свойственно думать о других, и болеть чужой болью, и страдать чужим страданием, а порою умирать только оттого, что умер иной, любимый, человек. Если же он жив, даже не болен, мы все равно боимся за него, тревожимся, наяву — вынужденно перебирая в воображении возможные опасности, а во сне, когда мозг беззащитен, — мучаясь кошмарами — уродливыми, искаженными образами действительности...

«Эй, ты! — одернул он себя. — Ну и книжный же ты индивид... Или — заурядный неврастеник?»

Однако человек не был заурядным неврастеником. Просто он писал стихи, и стихи эти были настоящие.

Поэт вернулся в постель, велел себе заснуть, принялся считать в уме: «Раз... два... три... четыре...» — стараясь при этом представить цифры, как если бы они появлялись одна за другой на счетчике таксомотора. Сон все не шел. Он увидел в крошечном окошке две единицы с семеркой — и внезапно ощутил уверенность, что за ночной дверью кто-то есть. Ни звука. Одна твердая уверенность: там, за тонкой дощатой преградой, отделяющей квартиру от лестничной площадки, присутствует чья-то жизнь.

Все-таки нервы были взвинчены — с затылка по полз вниз, по спине между лопатками, противный скользкий холодок. Наверное, посетивший Поэта темный сон не прошел бесследно. Кроме того, человек болел и уже четыре дня не выходил из квартиры. Пальцами ног он нашел шлепанцы, подошел к двери, остановился, прислушиваясь. Сначала — неровные удары собственного встревоженного сердца. Потом — тихое частое дыхание снаружи. Назло страху Поэт усилием воли заставил себя не заглядывать в «глазок» — нехитрое такое оптическое приспособление, созданное для удобства и безопасности обывателя. Синхронными движениями обеих рук отпер замок и снял цепочку, рывком отворил дверь — и увидел собаку. Она лежала на половичке, спиной к нему, и не сделала нормальной для любой собаки в такой ситуации попытки убежать, даже вскочить. Пес лишь слегка приподнял голову, с видимым усилием повернул морду к человеку. Их взгляды встретились, и он невольно внутренне вздрогнул. Собачьи глаза были бесконечно печальны. Нет, «печальны» — не то слово. В них была безысходная, близкая к смертной, тоска.

Они смотрели друг на друга секунду, не больше. Собака отвернулась, вновь безучастно уронила морду на лапы.

«Больная...» — жалостливо подумал человек. Затем родилась позорная озабоченность: «Не хватает еще, чтобы она здесь...» Тотчас невольное эгоистичное движение души сменилось острым чувством стыда и вины: «...Или просто голодная? И к тому же замерзла?..»

— Сейчас, псина, — быстро сказал Поэт, не закрывая двери, прошел на кухню, стараясь ступать тихо, чтобы не разбудить жену.

Однако он знал, что бездомные собаки и кошки в наше время не умирают с голоду, — полуторамиллионный город щедро питал их своими отбросами, а южная зима никогда не выдавалась достаточно суровой, чтобы нести с собой гибель.

«Или не больна, а просто — старость? Просто истек собачий век, и вот пес из последних сил вскараб-

---

Владимир Осинский. Стоянка.

кался сюда, на пятый этаж, чтобы умереть на теплой подстилке?»

Он прогнал эту мысль. Ему не хотелось верить, что собака, случайно оказавшаяся под его дверью, была обреченной. Несмотря на большие мучительные сны, которые посещали его хоть и не часто, однако давно, он был в сущности здоровым, веселым и добрым человеком.

Поэт вынес собаке **накрошенного хлеба**, колбасы и воды в старом **блюде**, присел на корточки, положил перед ней, под **самым носом**:

— Ты поешь, псина...

Собака приоткрыла глаза, вяло шевельнула позмеиную длинным хвостом — и вновь ушла в отрешенность.

Тогда он сокрушенно хмыкнул и, так как морозная свежесть ночи обрадованно ринулась на него, слишком долго простоявшего на площадке в трусах и майке, ушел к себе. Неожиданно быстро и крепко уснул. Утром сразу вспомнил все, набросил халат, страшно волнуясь, распахнул дверь.

Пес был жив. Типичный бездомный пес, отнюдь не тощий, скорее довольно упитанный, гладкошерстный, желто-коричневый, не слишком крупный и достаточно грязный. Человек опять встретил тревожаще печальный, безучастный взгляд собаки и заметил слабое шевеление несуразно длинного хвоста. Теперь собака лежала под дверью напротив. И вновь его почему-то кольнуло чувство вины. Поэт перенес нетронутую еду и воду, опустил, как давеча, на корточки; голые колени вылезли из-под наспех наброшенного халата.

Брезгливый от природы, он вдруг принялся гладить собачью голову, загривок, ласково тереть короткие поникшие уши, жесткую, как давно не бритая щетина, шерсть.

— Ну, что с тобой, псина? — бормотал человек, не замечая своего бормотанья. — Ты зачем?.. Дурак! Дура ты, псина, набитая... Вот увидишь, все будет хорошо... Смотри, уже утро, ночь провалилась к чертям свинячьим, и теперь все будет хорошо.. Ты отдохнул, теперь ты поешь, а потом пойдешь на улицу, к своим...

И совершилось чудо. Собака начала есть. Сначала, перевернувшись с бока на живот, нехотя брала с

холодных цементных плит кусочки колбасы. Потом села... И вот поднялась на все четыре лапы! Покончив с колбасой, взялась за хлеб, и это само по себе было великим симптомом: вы когда-нибудь видели, чтобы собака после колбасы снизошла до хлеба? Время от времени пес жадно лакал воду. И почти неотрывно смотрел человеку в глаза, и оживший, уже не вялый, а твердый хвост-змея дробно, весело стучал по серым плитам площадки.

— Ты с ума сошел — больной же!.. Ах, мое любимое блюдечко...

Не оборачиваясь на голос жены, Поэт возбужденно сказал:

— Посмотри! Ты только посмотри — она словно воскресла! Ночью я подумал было, конец уже... Но почему она здесь оказалась?

— Этот пес лежит и гадит здесь уже три дня, — враждебно сообщила жена. — Я тебе не хотела говорить, чтоб не вскакивал с постели.

А человек все не мог успокоиться:

— Да это чудо какое-то! Думал, почти уверен был — все... Слушай, она ведь еще хочет...

И женщина, которая, по ее словам, всю жизнь боялась животных, молча вернулась в дом и вынесла на газете оставшиеся от вчерашнего обеда кости и еще колбасы.

— Я ей предлагала вчера и позавчера, но она отказалась. Наверное, еще не была голодна.

— Нет! — ликующе заявил Поэт. — Просто эта собака была больна одиночеством, а я поговорил с ней — и наваждение прошло... Знаешь, кто я?

— Знаю, — подхватила жена старую игру, — ты лучший в мире разговаривальщик с собаками.

Они засмеялись и отправились завтракать, а когда решили пойти гулять, потому что Поэт явно уже выздоровел, собаки за дверью не было, и на площадке оставались только чистая старая газета и сухое блюдце.

Несколько раз человек видел собаку в компании таких же разномастных беспородных дворняжек. За

Владимир Осинский. Стоянка.

последнее время их развелось очень много: в этом других уголках города. Они жили своей обособленной жизнью, терпеливо сносили не всегда безобидные ласки и шалости детей, никому не мешали. Тем не менее время от времени среди ночи происходило нечто непонятное, невообразимо подлое в своей бессмысленной жестокости.

Люди просыпались от звука, который в ночной тишине бил по слуху спящих с силой пушечного выстрела. За этим позорным звуком следовал предсмертный собачий вой — и обрывался. Иногда он повисал в воздухе надолго — выстрел был неудачным. Тогда новые пушечные удары оскверняли чистое безмолвие глубокой ночи. Пока вой не смолкнет. Те, кто подходил к окнам, видели расплывчатую, как тень, фигуру человека. Он с усилием поднимал с асфальта или травы редких оазисов-лужаек мертвое собачье тело и ронял его в кузов старой автоколымаги. Отвратительный вой дряхлого мотора... Машина двигалась дальше... Через полчаса, а то и час вновь, но уже приглушенно, издалека доносился хлопок выстрела.

Поэт с бессильной ненавистью ругался в темноте. Однажды, проснувшись от знакомого шума мотора, он схватил пустую бутылку и швырнул в расплывчатую тень — стараясь, впрочем, не угодить в нее. Бутылка, шлепнувшись об асфальт, стеклянной бомбой взорвалась у самых ног ночного человека, и тот разразился бранью. Поэт заорал, что сейчас спустится вниз и покажет ему, — и принялся натягивать брюки. Снизу гнусный голос крикнул, что пусть спустится — неизвестно еще, кто кому покажет. Но расплывчатый почему-то раздумал стрелять, а сел в кабину и уехал. Больше он здесь не появлялся. Зато в отдаленные времена по-прежнему раздавались глухие хлопки.

— Подлецы! — гневно говорил Поэт жене. — И почему, желая оскорбить таких, мы сравниваем их со зверями?! Да никакой зверь не сделает подобной вещи. Зачем эти бессмысленные убийства, а? Неужели ради заработка? Но что можно заработать на двух-трех убитых собаках?! И ведь они никому не мешают. Он что, этот гад, — садист, ненормальный? Может, ему

нравится убивать? Но кто тогда дает такому оружию? Не понимаю! Ах, подонки, подонки, сволочи...

Иногда он встречал собаку с несуразно длинным хвостом в стае других.

— Псина! — окликал человек. — Как дела, псина? Все в порядке?

Собака вздрагивала, взглядывала на него издали, застенчиво и нерешительно виляла хвостом, но никогда не подходила.

— Я думаю, пес стесняется, — совершенно серьезно предположил однажды Поэт. — Вспоминает, как тогда расклеился, и ему становится стыдно.

— Фантазер, — отвечала жена. — Но все правильно. Поэту без фантазии нельзя.

Поэта, который жил в стандартном восьмизэтажном доме, печатали редко и неохотно. Поэтому он каждый день, часто и по субботам, и по воскресеньям, ходил на службу в некое учреждение, где неуклонное присутствие на рабочем месте считалось первейшим признаком добросовестности. Поэт с отвращением составлял всевозможные бумаги. Документы были разного назначения и тем не менее походили один на другой, как пара воробьев или сигареты из одной пачки. Однако писал он их очень искусно и получал приличную зарплату.

У Поэта была машина. Он обращался с ней бережно и заботливо. Не для того, чтобы машина дольше служила, а потому, что ему казалось, будто она — живое существо и, следовательно, способна уставать, печалиться или радоваться хорошему к себе отношению. Это когда масло свежее, и полон бензобак, и водитель вовремя переключает скорости, и тормозит не резко, а мягко, плавно, и не газует почем зря.

...Тот ночной желто-коричневый пес куда-то пропал. Движимый не поддающейся определению потребностью, человек изъездил самые глухие улочки меж старых обреченных домов, которые еще сохранились в царстве серых коробок. Не нашел... Мало ли что может случиться с бездомной собакой?

Владимир Осинский. Стоянка.

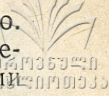
му, а я делаю вид, будто все эти «Рексы», «Шарики» и «Курши» относятся ко мне. Во-первых, не хочется и обижать. Во-вторых, кто из вас не откликнется на любую кличку при виде аппетитной кости или ливерно колбасы — той самой, что для собак и кошек (во всяком случае ни разу не видела, чтобы ее сами люди ели)?

По-настоящему же я — Пси́на. Так меня называли Тот, Кто Понимает. Но прежде чем он впервые пришел на Стоянку, я успела вырасти из глупого неуклюжего щенка в большую взрослую собаку. Сейчас во мне достаточно веса, чтобы свалить человека, если неожиданно броситься на него сзади. У меня мохнатая черная шерсть, которая часто порядком надоедает, потому что к ней прицепляются колючки, репья и всякая другая дрянь. Зато во время нашей недолгой зимы она хорошо защищает от холода. Ведь я — уличная собака, и сторожа никогда не пускают меня в свое логово. И не надо. Только вот когда ветер... Он приносит тревогу. Как и луна, когда она большая и круглая. Я смотрю на нее (и хотела бы не смотреть, да не могу почему-то) — и приходит ужасное беспокойство. В голову лезут непонятные мысли, неприятные воспоминания. В них никогда не разберешься до конца, хотя хочется порою нестерпимо. Пожалуй, лучше, что не получается до конца, — там, в глубине, прячется страшное, запретное... Это даже хуже блох. Блоху, если постараться, можно и выловить.

Стоянка — это место, где ночуют машины. Здесь я родилась и долго была уверена, что мир кончается за высоким забором из проволоки. Сначала нас, со-

---

¹ Рассказ Пси́ны переложен на язык, доступный широкому кругу читателей. Разумеется, в данном варианте он звучит куда менее образно, живо и красочно, чем в оригинале. Однако иного выхода, ввиду ограниченности возможностей человеческого восприятия, у автора не было.

бак, было много. Потом большинство куда-то исчезло. Двоих — вечно угрюмого молчаливого пса и мою сестру, пеструю, с длинным туловищем и короткими кривыми ногами, — в один день увезли разные машины. Не знаю, куда девались остальные. Пршли дни, и мама исчезла тоже. Утром пролезла через дыру в заборе и ушла. Она и раньше часто уходила, но всегда возвращалась. На этот раз не вернулась... Я была еще маленькая и проплакала всю ночь. Дежурил сторож по кличке Валико. Он вообще добрый, а в ту ночь даже понял. Валико впустил меня в логово. «Бедная, — говорил он и гладил меня, и чесал за ухом, — сирота теперь, да? Ну, ничего, обойдется...» Я не знала, что такое сирота, к тому же человеческие мысли доносились до меня еще неразборчиво. Однако от Валико исходили доброта и жалость — и на сердце полегчало... Этот сторож — лучший из всех четверых. Скоро я узнала клички остальных: Джемал, Серго и Ашот. Они тоже ничего себе и всегда вовремя нас кормят. Понимают, что раз Стоянка доверена нам, то, значит, и кормить нас следует как полагается. Только выполняют эту свою обязанность совершенно равнодушно. Сторожа, а они, как известно, поставлены помогать нам, всегда помнят свое место и не вмешиваются в наши дела. Вот, например, дремлю я на солнышке — и вдруг слышу: двое подошли к забору слишком близко. Приоткрываю один глаз. Обычное дело — мальчишки подбираются к ограде. Отлично знаю, что ничего плохого у них на уме нет, просто хотят покопаться на свалке в дальнем углу Стоянки, где и охрания-то нечего... Но я вскакиваю, бегу к ним, кричу на ходу во все горло:

— А ну-ка назад! Что вам здесь надо, эй, вы?! Смотрите у меня, хулиганы!! Вот я вас сейчас, р-р-раз-бойников!!!

Кусать я, конечно, никого не собираюсь. Просто надоело без дела лежать, хочется размяться немного, пошутить... Мальчишки удирают. Мы с Пуделем — теперь нас двое осталось — весело, не спеша возвращаемся к логову сторожей. Ашот нами доволен:

Владимир Осинский. Стоянка.

— Молодец, Мгело, молодец, Курша! Славно, вы их!

Тут я читаю в его мыслях такое, что хоть помираю со смеху. Ашот, оказывается, считает хозяином Стоянку себя, а нас — своими помощниками! Но я и вида не подаю, пусть себе тешится...

К четырем годам я узнала уже много человеческих слов, куда больше, чем предполагают сторожа те, кому принадлежат машины. Но что — слова! Любая собака знает — куда вернее и интереснее слушать мысли людей. Хотя не все псы умеют это одинаково хорошо.

Раз поздно ночью, когда луны не было и ничто не мешало спать, я сквозь сон почувствовала: на Стоянке чужой — и успела приказать Пуделю, чтобы он и звука не издавал. Пудель, не в обиду будь сказано довольно недалекий пес, хотя и славный товарищ, ласковый и заботливый друг. Он всегда уступает мне первые, лучшие куски. Правда, я подозреваю, что так получается больше из-за его нерасторопности, чем из доброты сердечной, но хочется думать — намеренно уступает... Пудель послушно закрыл пасть, и мы вместе бесшумно пошли за чужим. Только шагов за пять он нас наконец учуял, присел на корточки (а такой разве укусишь?), заговорил быстро-быстро:

— Собачки мои хорошие... Хотите кушать? Вам... вот... — и бросил по куску мяса. О, как от него вкусно пахло! Зато мысли были совсем другие. Поэту мяса мы пока не тронули, но и кусать чужого тоже не стали. Подождем еще... Он успокоился, нагнувшись над одной из машин, что-то покрутил, чем-то полязгал... Все было яснее ясного: вор, хочет колесо снять. Такое уже бывало. Пудель глазами попросил разрешения, и мы вместе закричали изо всех сил:

— Хватайте его, ловите, дер-р-ржите! Это вор-р-р Вор-р-рю-га.. гав-гаввв-гаввв!!!

Он побежал со всех ног. За ним — Валико. Догнал, огрел несколько раз по шее (лапа у него здоровая) — и дал уйти.

— Черт с ним, больше не зайвится, — отдуваясь объяснил нам. — А с милицией связываться неохота. Собаки, вы, ей-богу, сторожа что надо!

Мы и сами это знали. Мы помахали хвостами, что

сы сделать ему приятное. Потом пошли и съели мясо, которым хотел подкупить нас чужой. Хор-р-рошее было мясо!

Тот, Кто Понимает привел свою машину на Стоянку осенью. Осень — это время, когда уже не хочется лежать днем под машиной. Наоборот — приятно на крыше, потому что солнце не обжигает, оно мягкое и ласково греет. Само собой, влезать стоит только на те машины, которые покрыты чехлами, железа я не люблю, оно или очень горячее, или слишком холодное и к тому же мертвое.

Когда на Стоянке появляется новая машина, мы с Пуделем сразу замечаем и подходим познакомиться с ней и с ее хозяином. Какому-нибудь трехмесячному щенку все машины на одно лицо. Разве что одна побольше, другая поменьше. На самом деле ничего подобного. Одни пахнут слабее, от других так и несет бензином и маслом. Это значит, они не совсем в порядке; я заметила: такие машины и заводятся не сразу — долго фыркают, дымят и противно воняют. Люди тоже отличаются друг от друга — хотя и не так сильно, как собаки. И еще: любой, даже самый ограниченный пес с первого раза и навсегда запоминает человека; у каждого свой запах. Однако запах еще не все. Собаки, которые умеют слышать так, как я, знают о людях много другого. И мы все без исключения с первого знакомства определяем, боится нас человек или нет.

Тот, Кто Понимает вышел из машины и увидел нас.

— А, — сказал он весело, — привет, собаки!.. Слушай, псина (это мне), не знаю, сколько каких кровей в тебе смешано, но что есть медвежья — это несомненно. Господи, и в кого ты такая громадина вымахала?!

Я не все поняла. Было только ясно — его поразил мой рост. Это всегда приятно. Я запомнила его запах и помахала хвостом. А Пудель на всякий случай грозно заявил:

— Ты — новенький? Что ж, будем знакомы. Но если что — смотр-р-ри...

Владимир Осинский. Стоянка.

А что «смотри» — и сам не знал. Пудель вечно так: облает новенького почем зря. Тоже мне способ самоутверждения! Человек раскусил его без труда.

— Чего лаешь, дурак? — спросил спокойно дружелюбно. — Мол, знай наших? Вот и хорошо, буду знать.

И Пудель сконфуженно замолчал и, чтобы скрыть неловкость, ударился в другую крайность — принялся как щенок прыгать вокруг человека. Несolidно, подумала я, да что с него возьмешь? Сама я стояла молча, чуть-чуть шевелила хвостом, чтобы человек не подумал дурного, — и ждала. Он поступил так, как следовало. Опустил мне на загривок руку, потерев шерсть, погладил, почесал за ухом. Никакая собака проживи она хоть десять жизней, не устоит против этого. Главное же — я услышала его мысли. О, пересказать их невозможно! Они были простые, как голуб, солнце, ветер, мясо, дождь, и они были сложные, словно сны, которые видишь после того, как слишком долго смотришь на большую яркую луну, но не позволяешь себе выть, и сердце готово выскочить оттого, что в тебе теснятся чувства до боли сильные, и кажется: вот-вот узнаешь главное, самое важное, недосягаемое — и не можешь узнать... И я всем существом почувствовала: он Тот, Кто Понимает, он — Хозяин... Ведь я уличная собака, у меня до сих пор не было хозяина, а он нужен каждой собаке... Но тот, кто только кормит, — еще не хозяин.

Что человек не боится — стало ясно сразу. Странные бывают люди. Некоторые нас почему-то боятся, и это угадываешь на расстоянии. Таких людей собаки не любят. Тот, кто боится, может быть опасным. От него всего жди. Может без повода камень в тебе швырнуть, палкой ударить, обругать ни за что... Что бы скрыть свой страх. Еще хуже те, кто убегает. И сама не захочешь — погонишься за ним, а погоня — вещь коварная: забудешься, да и цапнешь. Не со зла просто от азарта. А кусать людей нельзя. Во всяком случае — кусать ни с того ни с сего.

Я почувствовала на себе уверенную руку Того, Кто Понимает, узнала его чуткие, тонкие, длинные пальцы, услышала мысли — добрые, спокойные, веселые дружелюбные, — и невольно зажмурилась от нежизни.

данного счастья, и замерла, и затаила дыхание. А он, похоже, тоже на какое-то время забыл обо всем. Еще никогда я не слышала человека так отчетливо. Сначала от него исходили лишь мир и покой, но вот к ним примешались легкая тревога, непонятная, чувствовалась только — застарелая боль, и эти боль и тревога передалась мне, и я тихонько заскулила. Я попросила его:

— Не надо думать об этом. Смотри, какое теплое солнце, и ни малейшего ветерка, и Серго варит нам с Пуделем похлебку из куриных шеек (хоть она порядочно надоела!), и жить хорошо, и завтра опять будет ясное небо, я бы наверняка знала, если б погода менялась...

Все это на одном дыхании вырвалось из моего горла, потому что я полюбила этого человека.

Он взглянул на меня пристально, улыбнулся удивленно и пошел к логову сторожей, а я пошла за ним, чтобы послушать, о чем они с Серго станут говорить.

— Вы на ночь оставляете машину или постоянно будете? — спросил Серго.

— Пока на месяц. Там посмотрим.

Все сторожа говорили об этом с новенькими. Узнав, что на месяц, я обрадовалась.

Тот, Кто Понимает сказал:

— Насколько мне известно, сутки пребывания машины на стоянке стоят тридцать копеек...

Он говорил серьезно, и лицо у него было серьезное, однако я слышала: в душе Тот, Кто Понимает смеется. Серго же, разумеется, не услышал, произнес упавшим голосом:

— Да, тридцать копеек... по прејскуранту.

Я знала, почему он выделил слово «прејскурант».

Тут новенький засмеялся уже вслух:

— Ладно. Относительно ваших правил я осведомлен достаточно хорошо... Думаю, поскольку я буду иметь честь сделаться вашим постоянным клиентом и к тому же платить вперед, рубля в сутки — многовато... Итак, двадцать в месяц. Договорились?

— Ну конечно, уважаемый! — обрадованно засу-

етился Серго. — Будьте спокойны! Я глаз не спущу с вашего «фиата».

Он был самый жадный из сторожей и всегда кормил нас куриными шейками, да еще столько хлеба крошил в похлебку, что от мяса один запах оставался.

Тот, Кто Понимает приходил на Стоянку не каждый день. Почти всегда приносил с собой ливерную, то и получше колбасу и честно делил между мной и Пуделем. То есть он старался делить ее поровну. Обычно мне доставалось больше. Не виновата же я, что Пудель не так проворен... нет, что он добровольно уступает мне пару-другую кусков.

Если человек ничего не приносил с собой, то говорил нам виновато:

— Сегодня я пустой, ребята. Вы уж извините. Вернусь — обязательно что-нибудь привезу вам.

Я сразу еще издали узнавала, когда он «пустой» и ничего не просила. Только подставляла голову, чтобы погладил. Пудель — тот не соображал. Даже когда мы съедали все и человек у нас на глазах, чтоб увидели — кончилось, комкал газету и бросал ее в мусорное ведро, мой бедный друг совал туда морду в надежде полакомиться еще немножко... Я никогда не попрошайничала. Правда, однажды — нас не покормили вовремя — сгоряча бросилась передними лапами на машину, у окна, где, сидя за рулем, Тот, Кто Понимает разворачивал сверток с костями. Он строго сказал:

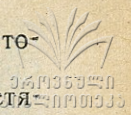
— Что с тобой? Ты же мне машину исцарапаешь. Ну-ка сидеть! Подожди немного. Сейчас.

Мне стало очень стыдно и я отвела душу на Пуделе, который продолжал лезть головой и лапами внутрь машины.

— Дур-рак! — гавкнула презрительно. — Не можешь чуточку по-тер-р-петь?!

Он, как всегда, послушался. А мне урок запомнился. Да и разве в колбасе или костях было дело. Если по совести, то ни один из нас почти никогда не голодал по-настоящему. Ни мы с Пуделем, ни собаки, которые охраняли соседнюю Стоянку и приходили нам в гости, ни даже безработные ничьи псы — с ними я встречалась, гуляя по близлежащим дворам и ули-

цам. Стоянка порой надоедает, хотя здесь всегда что-нибудь происходит.

Высокий человек в странном костюме с блестящими пуговицами («Полковник... Представляешь?! — почтительно говорил о нем всегда одно и то же маленький Ашот. — Это тебе не хвост собачий!») часто приводит с собой маленькую девочку. Он ездит на крохотной машине с двумя дверями, которая шумит громче всех остальных машин, не считая громадных, которые называются грузовиками. Бывают среди них такие, что приезжают издалека. Мы узнаем это по запахам, не похожим на наши. Обычно они отдыхают на Стоянке по нескольку дней, а потом уезжают и больше не возвращаются.

Девочка угощала нас сахаром и конфетами. Они вкусные, только много не съешь — очень уж долго потом пить хочется.

Мысли у девочки простые и ясные. Я заметила, что они никогда не отличаются от слов, которые она говорит. Это мне нравится. Когда приходит девочка, мы с Пуделем дружно лаем — знаем, что она нас ничуть не боится.

— Они говорят мне «здравствуй»... Правда, папа? Я совсем не боюсь!

— Правда, дочка, — отвечал полковник. — И я знаю, что ты не боишься.

Приходят, чтобы сесть в свою машину и уехать, или приезжают, а потом идут домой и другие люди с детьми. Мы с маленькими человечками дружим. Иногда приходится несладко: могут тебя и за хвост потянуть, и за ухо дернуть. Но какой с них спрос? Я совершенно ясно слышала их мысли — чистые, светлые, радостные, у взрослых таких мыслей не бывает, разве только изредка. Как же такого тронешь? Даже если он тебе прямо в пасть лезет и норовит зубы пощупать — какие они?.. Только однажды я не выдержала. Обедала, и один карапуз, пока его отец в машине копался, улизнул — и прямо ко мне. Схватился за кость, потянул у меня из пасти... Я на него прикрикнула. Он — в рев. Прибежал отец, сначала перепугался, потом сообразил, что к чему, сказал:

— Не реви! Скажи спасибо еще, что не цапнула. Собака права.

Мне, конечно, не по себе было. Понимала же, что не станет он мою кость есть, и все-таки ничего не могла с собой поделывать... Но все хорошо кончилось. Скоро они опять пришли на Стоянку вдвоем, и мы помирились.

Здесь вообще интересно. Разное бывает. Как-то пришел хозяин одной машины, хотел сесть и уехать, а Валико ему не дает, уговаривает:

— Не могу вас пустить, батоно! Выпивший вы... Поймают вас или, хуже того, собьете кого-нибудь. Извините, но...

Тот огрызается:

— Тебе какое дело! Моя машина или нет?

— Ваша, батоно, ваша машина... Но не стоит в таком виде в город выезжать, поверьте!

Хозяин машины ругаться начал, и такой злобой от него запахло, что я бросилась между ними, зарычала:

— Только посмей на него р-руку поднять — загр-рызу!

Так и не пустили. Пришел этот человек на другое утро:

— Спасибо, Валико... И собака у тебя замечательная.

А я услышала то, чего он не договорил: «...Пожалуй, поумнее меня вчера была!» — и стало очень смешно.

Сторож Джемал не такой жадный, как Серго. Зато — вороватый. У Пуделя это тоже немного есть. Я раз видела, как он стащил кусок сыра. Да-да, залез в логово сторожей и стянул со стола. Конечно, я его пристыдила, объяснила, что так делать нельзя. Надеюсь, понял... А сыр мы съели вместе. Все равно люди бы к нему уже не притронулись. Зачем добру пропадать?

Так вот, Джемал вышел ночью из логова с канистрой, постоял, подумал и — прямо к машине Того. Кто Понимает. Я за ним. Наверно, решил проверить, все ли в порядке. Посмотрю и я, машина уже три дня стоит без движения, и я соскучилась. Если Джемал откроет дверь, то запахнет Хозяином. Тогда можно за-

крыть глаза и думать, что он здесь... Но сторож попался над машиной — и запахло бензином. Я увидела шланг и все поняла. Мысли у сторожа тоже были нехорошие, он даже меня как будто побаивался. Странно... Сунул он шланг в машину, другой конец в пасть взял... Теперь все стало ясно — я-то не раз видела, как бензин переливают. Я подошла к сторожу вплотную, сказала:

— Нельзя!

Видели бы, что с ним стало! Мы посмотрели друг другу в глаза... Кто выдумал чепуху насчет того, что мы, собаки, не выдерживаем человеческого взгляда?

— Ах ты черт! — изумился Джемал. — Дрянь ты такая, на кого зубы скалишь?..

Я не ответила, только оскалилась еще больше. Какое он имеет право трогать бензин Того, Кто Понимает? Его дело — кормить меня, чтобы я смотрела за этой и другими машинами.

— Тьфу! — сплюнул сторож. — Продалась за колбасу, да? — И ушел обратно в свое логово.

Неправду он говорил. Ничего я не продавалась. Я любила человека не за колбасу, а за то, что он понимал. Правда, он не сразу научился понимать все. Когда я в первый раз проводила его до дома, он очень удивился. Постоял у подъезда, погладил меня, как никто другой гладить не умеет, предложил:

— Давай сходим в магазин — я тебе чего-нибудь куплю.

Мы пошли. Я этот магазин хорошо знаю. Его все собаки знают и кошки тоже — оттуда так пахнет, что голова кружится, не заметишь, как язык сам собой высовывается и начинаешь облизываться.

У входа он сказал:

— Исина, ты здесь посиди, а я скоро вернусь. Хорошо?

Я села и стала ждать. Я и сама знала, что заходить туда нельзя.

Он вернулся со свертком в руке и, пока мы шли

до подъезда, бросал мне куски колбасы. Потом ска- зал:

— Ну, пока, Пси́на. До завтра.

И помахал лапой, и скрылся в подъезде (туда мне тоже нельзя заходить), и сделалось грустно, как каж- дый раз, когда он исчезал (а вдруг больше не поя- вится?), и я потихоньку побежала обратно на Стоян- ку. Скоро печаль рассеялась. Слишком много было дел по дороге. Все время менялись запахи, и надо было в каждом из них разобраться.

Вот здесь, под деревом, недавно лежал тот ог- ромный пес, что прошлым летом едва не загрыз из-за меня Пуделя. Но Пудель, обычно веселый и добро- душный, легкомысленный, а то и трусоватый, словно озверел тогда. У него уже было разорвано ухо, и кровь лилась ю морде, но он все бросался на здорового пса — и прогнал-таки его... Правда, и я дала понять этому нахалу, что он мне вовсе не нужен.

Тут кошки только что были... Эх, поймать бы хоть одну! Да разве их схватишь. Не умеют собаки по де- ревьям лазить, и, по-моему, это несправедливо.

Еще несколько раз Тот, Кто Понимает покупал для меня колбасу, а я ждала его на улице. Однажды, когда мы пришли к его дому, он задрал голову, позвал свою подругу. Я ее знаю, она иногда приезжает вместе с ним на Стоянку, и потом мы втроем идем через пу- стырь к их логову. Я к ней неплохо отношусь, хотя чувствую, что она меня побаивается. Но зла в ней нет, да и голос страха слышен все слабее...

Подруга вышла на балкон, увидела нас, засмея- лась, ушла, появилась вновь и бросила Тому, Кто По- нимает сверток. Тот еще на землю не упал, а я уже знала: в бумаге еда. И тогда стало ясно, что он еще не все понимает. Думает, я его провожаю только ра- ди колбасы! А ведь совсем не так. Я за ним иду, что- бы ничего не случилось, чтоб не обидел его человек или другая собака. Но еще больше из-за того, что мне очень этого хочется. Я люблю чувствовать рядом Того, Кто Понимает, знать, что он обо мне думает, слушать его голос, ощущать запах, смотреть, как двигаются его длинные ноги и руки. А еще больше — узнавать, всякий раз заново, эти длинные умные пальцы, которые

так замечательно умеют перебирать мою шерсть, чешать за ухом и даже иногда гладить от головы до самого хвоста.

Я решила не есть колбасы. Пусть наконец поймет, что не ради нее за ним хожу. Оказалось — не так уж это трудно. Тем более если ты недавно обедала... Что с ним было!

— Вот оно как... Прости, Пси́на, — только и сказал Тот, Кто Понимает.

Мы, собаки, умеем слышать лаггáров¹. Нет, мы вынуждены их слышать. Особенно тогда, когда они изо всех сил скребутся, и рвутся, и со злобой и отчаянием пытаются пробиться к нам через Стену, разделяющую наши миры. Я бы очень хотела не слышать лаггаров, потому что не знаю, какие они, а это ужасно. Что они едят? Наверно, собак. Когда я чую лаггара, то всегда вспоминаю страшную машину и страшного человека — широкого и приземистого, расплывчатого какого-то, что разъезжает по ночам.

Я видела его. Он остановил машину в переулке, заглушил мотор, негоровливо направился к собакам, которые лежали на траве, на маленькой поляне, неизвестно как сохранившейся среди высоких серых домов, асфальта и булыжника. Была ночь, луна была еще молодая — узкая, кривая — и не внушала тревоги. Собаки медленно обменивались мыслями, и я присоединилась к ним. Пудель крепко спал на Стоянке, а мне в ту ночь хотелось погулять.

Когда человек приблизился, собаки приветливо замахали хвостами. Они привыкли верить людям и ничего не заподозрили. Только я почувствовала: что-то здесь неладно, что-то не так... Я и еще один пес. Наверное, он многое успел повидать в жизни — припадал на левую заднюю ногу, и у него не хватало почти половины хвоста. Мы с этим псом молча поднялись

---

¹ Лаггары — существа, живущие в четвертом измерении. Очень немногие люди догадываются о том, что они есть. Даже собакам почти ничего о лаггарах неизвестно, и потому эти фантомы внушают им ужас и отвращение.

с травы и ушли. За углом остановились, осторожно выглянули — и страшное произошло. Низкий человек достал из кармана блестящий предмет... Раздался громкий резкий звук — как будто лопнула шина, только в нем было жуткое. Одна из собак свалилась на землю, забилась, громко завывала... Мне стало нехорошо, ведь совсем недавно мы с ней познакомились — обнюхали друг друга и сделались приятельницами. А человек выругался, от него с такой силой пахнуло злобой и ненавистью, что меня даже на большом расстоянии будто обожгло. Резкий звук повторился еще и еще. Вой оборвался. Я все поняла, опрометью бросилась на Стоянку. Никогда раньше не испытывала я такого страха, и он разбудил Пуделя, и тот принялся меня успокаивать, и лизнул несколько раз в нос.

Когда я слышу лаггаров, то думаю, что, наверно, это такие вот ночные люди — только невидимые и ничем не пахнут.

Еще меня охватывает беспокойство за Того, Кто Понимает, и даже за сторожей, и за маленькую глупенькую девочку с ее отцом-полковником, и за всех людей, которые не похожи на страшного человека... Но лаггары скребутся только по ночам. Потом наступает утро, светит солнце, на Стоянку приходят хозяева машин, здороваются с нами, и мы здороваемся с ними, и машины оживают, чтобы куда-то ехать, а к вечеру вновь вернуться. Тогда я забываю о лаггарах, и жить опять хорошо и весело.

Случилось неприятное.

Тот, Кто Понимает приехал на Стоянку с другим человеком, который иногда появляется вместе с ним. Этого человека я не люблю. Странно, ничего плохого он мне не сделал. Напротив, тоже иногда приносит с собой что-нибудь вкусное, угощает нас, и пытается погладить, и говорит ласковые слова. Но ласка этого человека не доставляет мне удовольствия. Я просто терплю ее. И даже поверхностный, легкомысленный Пудель его только терпит, не больше. Конечно, мы съедаем то, что он предлагает. Однако стоит ему прикоснуться ко мне — и шерсть невольно становится дыбом, я настороженно замираю... Я замираю, стараюсь дышать как можно тише и тогда, когда меня ласкает

человек, которого я выбрала Хозяином. Но тут совсем другое дело! Я боюсь шевельнуться, чтобы он не убрал руки. А там — оттого, что сдерживаю рычание. Я молча твержу: «Оставь, мне неприятно, уходи отсюда, ты мне не нужен... Пожалуйста, отстань!» Разумеется, до него ничего не доходит. У этого человека густая рыжая шерсть на голове, и от него пахнет нездоровьем. Я терплю его, только чтобы не обижать Того, Кто Понимает.

Неприятное началось, едва они вышли из машины. От рыжего пахло так же, как от человека, которому мы с Валико не позволили сесть за руль, и движения были неверные, разболтанные. Он даже качался, однако не оттого, что у него лишь две ноги, — будь у этого типа четыре и даже шесть лап, он бы все равно не сумел ими как следует воспользоваться. Я знаю, в чем тут дело, и вообще пьяных не люблю — у них мысли расплываются, и никогда не знаешь, что им взбредет в голову. Вместе с тем не скажу, что все, кто выпил, противные или злые. Я не раз встречала пьяных, от которых исходили доброта и грусть или, наоборот, веселье. Те ничего, их почему-то становится жалко — и все.

Этот же был противным пьяным. В его мозгу шевелились нехорошие, мутные мысли. Тот, Кто Понимает вел его через пустырь под руку, а я шла за ними, отстав больше, чем обычно. Всю дорогу человек с рыжей шерстью на голове бормотал разные слова. Странно: он говорил несвязно, но слова не расходились с мыслями.

— Хочешь сказать, что ты лучше меня? — приставал он к Тому, Кто Понимает. — Пусть! И не хочу скрывать, что я тебе действительно завидую... (Не поняла последнего слова, зато было ясно: оно полностью сходилась с чувствами, которые сейчас в нем кричали). — Да, завидую! Ты ведь такой талантливый, многое успел в жизни... Успел и поседеть, и на должности посидеть...

— На должности, как тебе известно, я уже не сижу, — терпеливо ответил Тот, Кто Понимает.

— А кто виноват?! — обрадовался вдруг пахну-

щий нездоровьем. — Сам же и виноват. Язык твой длинный и гордость дурацкая виноваты!

Он так противно обрадовался, что я едва его не укусила.

— Ладно, — еще спокойнее ответил Тот, Кто Понимает. — Ты не умеешь пить, и тут я в самом деле виноват... Ничего, завтра все станет на место.

Мы уже пришли к подъезду и теперь стояли. Люди вплотную друг к другу, я за спиной Хозяина — и не спускала глаз с его спутника. На всякий случай.

— Выходит, я и теперь — ничтожество? Почему ты всю жизнь должен быть выше меня? Ведь тебя выгнали с работы. Ты... ты просто тунеядец теперь и никому не нужен. Где теперь твои друзья-подонки? Где, я спрашиваю?.. Чем ты лучше меня?!

Тот, Кто Понимает весело, искренне рассмеялся, и я рассмеялась вместе с ним.

— Ты по-прежнему мыслишь на уровне плохих передовиц. «Тунеядец» — слово звучное, но далеко не однозначное. Коль скоро ты понимаешь под ним социальную бесполезность личности — а ведь ты именно так понимаешь? — то сам представляешь собой образец тунеядца. Ну, вкальваешь, зарабатываешь неплохо, даже очень... И покупаешь на свой труд всякую ненужную дрянь, хотя скуп, как Шейлок. Нет, мой дорогой, «труженик» — понятие, не обязательно адекватное тому, что называется «полезный, нужный обществу человек». К тому же ты ведь терпеть не можешь своей профессии.

— А ты... — рыжешерстный задыхался от злости. — Ты разве лучше? Накопитель! Вот ведь есть у тебя машина?..

— ...А у тебя нет. А для чего она тебе? Мне машина доставляет радость. Она и другим радость приносит — я люблю подвозить незнакомых людей. Ты же, если когда-нибудь у тебя машина будет, станешь возить в ней помидоры на базар.

— При чем тут помидоры?!

— При том, что до машины ты купишь дом с участком и будешь разводить овощи на продажу. Ибо ты кулак от природы, а кулак — всегда раб по натуре..

— Ты когда-нибудь перестанешь так со мной говорить?! — завизжал рыжий. Он не замахнулся на Того,

Кто Понимает. Но я знала: просто боится. Мысленно он топтал его ногами.

Я нарушила Закон — цапнула этого мерзкого человека. Правда, в последний момент сумела сдержаться, не тронула тела, а только разорвала штанину снизу до самого колена. И отскочила в страхе, и умоляюще посмотрела на Того, Кто Понимает. Неужели он не поймет?!

Пока пахнувший нездоровьем искал несуществующий укус, Хозяин положил мне лапу на голову (я сжалась, ожидая удара, он имел право ударить), мягко сказал:

— Уймись, Псина... Не стоит. Иди-ка ты домой. Завтра увидимся.

Я облегченно вздохнула. Он понял и простил! Но Тот, Кто Понимает, вместо того чтобы по-настоящему укусить рыжешерстного, взял его под локоть:

— Поднимемся ко мне. Отдохнешь немного. Я тебе дам другие брюки.

Странные существа люди. Даже самые лучшие.

Кто знает... СУДЬБА не баловала нервного приятеля Поэта. Жизнь его, что называется, не удалась. Совсем еще юнца, его женила на себе первая же бойкая бабенка. Именно ей принадлежала идея уехать в далекий край, экономика которого развивалась в ту пору бурно и интенсивно. Край как край, не хуже и не лучше остальных. Беда заключалась в другом: негибкий по натуре, человек этот не сумел приспособиться к новым обычаям, непривычному жизненному укладу. А главное, ему пришлось заниматься не своим делом. Он начал работать в школе, по специальности, однако размеры учительской зарплаты были решительно несовместимы с представлениями супруги о престижности — в той ее части, что определяется финансовым положением личности в об-

шестве. Очень скоро энергичная юная дама убедила мужа в преимуществах иного пути. В тех местах успешно подвизались залетные шайки этаких «вольных каменщиков» (попросту — строителей-шабашников), а слабый, по существу несчастный человек не мог противостоять непреклонной целеустремленности жены.

Деньги пошли хорошие, и чем больше их собиралось, тем более ненасытной становилась женщина. Прошли годы — она прогнала мужа, превратившегося из чистого душой и крепкого телом юноши в скучного озлобленного брюзгу. Очень страшно в продолжение многих лет заниматься чуждым твоей природе делом, изо дня в день выполнять работу, которая глубоко тебе противна. Он вернулся в родной город и, поскольку диплом учителя географии давно превратился в красивую бесполезную бумажку, выучился на телевизионного мастера, начал работать в ателье. Верно, судьба его обошла, но разве мало на свете людей, которых холодно и зло обманула жизнь? Между тем далеко не каждый во всеуслышание кричит о том, что он несчастен, и винит в этом окружающих.

Выпивший немного водки и с непривычки одуревший приятель Поэта около получаса рассказывал ему и его жене, как несправедливо поступила с ним судьба. Сначала агрессивно и вызывающе, потом жалобно и горестно. Они терпеливо слушали.

— Ты сядь-ка сюда, — Поэт пододвинул кресло.

— Эт-то еще зачем? — подозрительно спросил приятель.

Однако сел. Некоторое время он пронизательно и хитро разглядывал хозяев. Вспомнил о собаке, разорвавшей его брюки, обиженно всхлипнул, гордо выпрямился, глубокомысленно заявил:

— Ненавижу больших собак. Куда лучше ма-аленькие такие, холосенькие... Болонки, карликовые бульдожики, чау-чау всякие...—Глаза его слипались. Он сделал над собой усилие, дернул круглой рыжей головой, внятно и убежденно произнес: — Маленькие собаки лучше. Они мало едят, а лают не хуже больших... От воров! П-маете? — и заснул.

— Зачем ты его привел? — брезгливо спросила жена. — Он ведь совершенно пьян. И поверь — очень тебя не любит.

— Знаю. Сегодня он вдруг раскрылся. Вот уж не ожидал! — Поэт задумчиво поскреб в затылке — дурная привычка, от которой его тщетно пыталась отучить жена. — Пожалуй, впервые в жизни вижу народную мудрость в действии: что у пьяного на уме... Я тоже хорош, наговорил дураку лишнего.

— Так для чего он тебе? — непримиримо повторила жена.

— А черт его знает! Куда ему в таком виде идти... И вообще — жалко.

Женщина ушла спать. Поэт смотрел телевизор, до предела убрав звук. Время от времени поглядывал на спящего. Через час или немногим больше тот вскочил, ошалело озираясь, зажал ладонью рот и устремился в туалет. Долго оттуда не выходил. Немного протрезвев, жалобно сказал другу:

— Я пойду. Эмма наверняка не спит, беспокоится...

Эмма была новая жена. Также энергичная. Но в отличие от первой, все еще жившей в далеком краю, чтобы денег стало побольше, она никогда не работала и целыми днями валялась в постели. Эмма была чистоплотна, считала себя умницей и красавицей и не возражала против того, чтобы новый муж работал на нее в урочное и неурочное время. В неурочное даже лучше — владельцы телевизоров легче расставались с пятерками и десятками. Еще она умела тратить деньги и часто говорила, что жить стоит только сегодняшним днем. Это не мешало ей откладывать понемногу на сберкнижку — приятель Поэта, как уже отмечалось, зарабатывал хорошо.

Поэт был уверен, что Эмма сейчас дрыхнет без задних ног. Тем не менее он не стал уговаривать друга остаться, зная, что это бесполезно.

— Извини.. — пролепетал тот, уходя в чужих брюках.

— Салют, — сказал Поэт. — У тебя деньги на такси есть?

Он вытер пол в туалете, бесшумно, чтобы не разбудить жену, открыл дверь в ее комнату — в квартире было жарко натоплено. Женщина все же проснулась.

— Ушел?

— Ушел... Ничего, он уже соображает, — словно оправдываясь, сказал Поэт. Постоял на пороге, присел на женину постель:

— Слушай! Честное слово, Псина почувствовала его. Ей-богу, раскусила!

— Фантазер... — сонно пробормотала жена и прогнала Поэта спать.

Большая черная собака по кличке Псина лежала у двери ночной сторожки. Во сне она чуяла лаггаров, но не просыпалась, не могла проснуться... Теперь они вторгались в ее собачье сознание в образе не одного лишь приземистого расплывчатого человека—охотника за бродячими псами. Незримую Стену жадно царапали когтистые лапы рыжешерстного, от которого омерзительно пахло нездоровым телом... Стена дрогнула, поддаваясь нетерпеливому злобному натиску. Псина вскочила, не успев проснуться, заскулила, залаяла, завыла тоскливо... Изнутри в дверь ударилось что-то тяжелое.

— Чтоб тебе сдохнуть, проклятая! — послышался голос сторожа.

Собака замолчала. Мы, люди, сформулировали бы ее мысли так: «Интересно, как бы он сам взвыл, если б слышал то, что слышу я...»

Поэт продал свою машину. Он больше не получал хорошей зарплаты, так как не служил, а стихи его по-прежнему печатали редко и неохотно.

— Ерунда, — беспечно сказал он жене, — когда-нибудь купим новую. Вот посмотришь, я скоро издам большой сборник или крупно выиграю в спортлото. А пока мы можем ни в чем себе не отказывать. Давай махнем куда-нибудь подальше? Скажем, на Дальний Восток, а то и за границу.

— Фан... — привычно начала жена и осеклась. Она то знала, как он любил свой «фиат». Он даже разговаривал с машиной, точно с живым существом, и называл ее Малюткой.

Оставшись без автомобиля, Поэт, естественно, перестал ходить на Стоянку. Они с женой в самом деле уехали далеко-далеко и проехали целых два месяца. Поэт был членом Союза писателей и, нигде не служа,

не считался тем не менее тунеядцем. А жена была врачом в специальной больнице и ей полагался достаточно продолжительный отпуск.

Деньги быстро кончились. Они всегда кончались быстрее, чем ожидаешь. Поэт, кривясь и дергая нервной шеей, писал кое-что для газет. Еще он писал большую поэму, о которой никому, кроме жены, не рассказывал. От одной мысли вновь поступить на какую-нибудь службу он болезненно морщился.

— Не хочу больше служить, не желаю, чтобы всякий дурак мог мне приказывать только потому, что он называется моим начальником! Разве я не прав? — воинственно спрашивал поэт.

— Прав, прав, — успокаивала жена.

Большинство других людей думало иначе. Они рассудительно наставляли Поэта:

— У вас светлая голова, прекрасный слог... Говорят, вы талантливы... — При слове «талантливы» такие люди с сомнением пожимали плечами. — Почему же вы не хотите работать?

— Я работаю, и достаточно много, если хотите знать, — сердился Поэт. — Я служить не хочу!

Тут разумные люди недоуменно переглядывались и оставляли его в покое. Дома он рассказывал обо всем этом с победоносно-насмешливым видом, довольно искусно передразнивая «этих практичных и благонамеренных людишек». Жена делала вид, что ей тоже весело, а про себя озабоченно думала, что Поэт сильно похудел, издергался и по ночам иногда вскрикивает. И если уж быть честным до конца, то она имела все основания для беспокойства.

Дело было совсем не в необходимости отказываться от многих вещей, которые раньше они могли себе позволить. Намного хуже оказалось другое: этот человек — Поэт внутренне надломился. Причин хватало. Очень многие бывшие его сослуживцы, первое время часто приходившие или по крайней мере звонившие по телефону, приходили и звонили все реже. Раньше остальных Поэта забыли те, кто прежде находился у него в подчинении. Кроме одной славной девушки, которой он давным-давно сделал доброе дело, хотя су-

шествующими правилами это не поощрялось. Оставались старые испытанные друзья времен далекой юности, но у всех — семьи и работа, отнимавшая много времени и сил. Да и полуторамиллионный город, раскинувшийся на десятки километров по обе стороны реки, с его метрополитеном, длинными расстояниями, выросшими за последние годы отдаленными жилыми массивами и сотнями тысяч электронных монстров — телевизоров, которые прочнее самых прочных цепей удерживают по вечерам в квартирах-ячейках высотных домов, разъединяя людей вернее и беспощаднее, чем кровная вражда, — этот громадный город делал свое дело.

Отчуждение, думал Поэт, отчуждение... Оно страшнее радиации, телесных недугов, экологического кризиса. В нем все зло, и мы перед ним бессильны, беспомощны, словно слепые глупые котята... Он немного кривил душой. Дело в том, что Поэт привык к искренним или завистливо-почтительным проявлениям явного восхищения его остроумием, талантом, легким веселым характером и удивляющим окружающих умением делиться с людьми всем, чем он был богат. Упрямо не признаваясь себе в том, что так называемые жизненные неурядицы — неизменный объект его злых насмешек — больно ударили по самолюбию, Поэт чувствовал себя все более опустошенным и одиноким. Да, вот оно, главное: болезненно-пронзительное ощущение одиночества росло в его душе и давило все сильнее.

Он несправедливо обидел некоторых из ранее близких людей, намеренно отдалился от других, а перманентно обиженного на судьбу приятеля однажды попросту выгнал из дому вместе с умницей Эммой — и поступил очень дурно. Ибо они пришли к нему в гости с самыми добрыми намерениями и в отличном настроении, так как приобрели накануне великослепный сервант, сверкающий лаком и зеркальными стеклами. Счастливая эта пара только начала — предельно тактично и чрезвычайно чутко — наставлять Поэта на истинный путь, как он встал и изысканно-вежливо подал красивой Эмме мантию. Они ушли, исполненные справедливого негодования, ушли, разумеется, навсегда. Поэт так и не узнал, что его бывшему другу примире-

ние с женой обошлось в квартальную премию. Он давно и тайно мечтал купить на нее новый магнитофон, а пришлось покупать новую люстру — вторую, потому что первая уже была, и очередное приобретение пришлось повесить на кухне.

Поэт плохо спал. Под глазами появились темные полукружия. Поэма не хотела укладываться в слова, и он, привыкший одухотворять предметы и явления, думал о ней, как о живой, что поэма права: слова рождались скучные, стертые, невыразительные.

Назревал кризис.

Псина по-прежнему жила на Стоянке. Она долго тосковала по Тому, Кто Понимает. Несколько раз приходила к знакомому подъезду в надежде встретить его и с восторгом и благодарностью ощутить волнуемое прикосновение любимой — и любящей, в этом она не сомневалась, — руки. Однажды встреча состоялась. Громадная мудрая собака мгновенно превратилась в нелепого щенка, самозабвенно повизгивающего, прыгающего, скулящего радостно и жалобно. Человек был растроган. Он гладил собаку, тормозил ее, хватал за грозную, неудержимо смеющуюся пасть, теребил крепкие короткие уши.

— Псина ты моя, чертова моя проклятая псина, чтоб тебе провалиться, не забыла меня, дура лохматая, умница моя хорошая, дрянь ты грязная, замечательная моя... — Так он бормотал, не слыша себя, на одном дыхании, и глаза у человека были влажными. Собачья же душа наполнилась таким неистовым восторгом, что загляни в нее сейчас кто-нибудь — он бы испугался: вот-вот разорвется ликующее песье сердце.

Замолк человек, опомнился, поник.

— Ну, иди, иди, Псина, — сказал тихо. — Твое дело — ясное, честное, собачье. Не стоит тебе с этим соприкасаться.

И заставил себя войти в лифт и нажать кнопку пятого этажа.

Собака, которую звали Псина, долго стояла у подъезда под холодным осенним дождем. Это была вторая осень после той, когда они встретились. Поздняя уже

осень, неудержимо плывущая вместе с нудным непре-
кращающимся дождем в промозглую южную зиму.

Потом собака ушла, нехотя добрела до Стоянки, где блестели отлакированные дождем машины. Неуны-
вающий Пудель кинулся было к ней, приглашая к су-
матозной забаве. Пси́на щелкнула устрашающей па-
стью и, не увернись он в последний момент, наверняка
прокусила бы толстую шкуру.

Когда высоко в горах пласт за пластом растет
толща снега — не миновать обвала. Если день за днем
злое августовское солнце опалает хлебное поле — жди
неурожая. А коль скоро из ночи в ночь, из месяца в
месяц с неотвратимым постоянством приходят к чело-
веку мысли тяжелые, черные, удручающие и безнадеж-
ные — это страшнее обвала, засухи, пожара и бури.

Настала ночь безжалостного кризиса для челове-
ка, который жил на пятом этаже серого дома-короб-
ки. Они словно сговорились — неудачи, беды, боль-
шие и малые, неприятности, случившиеся вчера, и те,
что встречались в жизни давным-давно и, казалось,
прошли бесследно, забылись, рассеялись, как дым от
ничтожного огня спички... И вот на тебе, не тут-то бы-
ло. Все-все перечисленное и многое другое ожило, за-
шевелилось отвратительным змеиным клубком, давя-
щей тяжестью навалилось на мозг и душу.

Поэту с невыносимой отчетливостью вспомнилась
дочурка, много лет назад умершая на его руках от
неизлечимой болезни. Он вновь увидел (давно этого
не было!) недоумевающий, полный мольбы и страда-
ния взгляд огромных от боли детских глаз. Они про-
сили, они требовали помощи, они молили — и не по-
нимали, почему нельзя, невозможно помочь... Поэт
скрипнул зубами, едва не раскрошив их, достал из шка-
фа бутылку коньяку и выпил первую рюмку, а следом
— вторую... Полураздегый сидел на кровати, не заме-
чая январской стужи, которой веяло от окна. Он страст-
но и терпеливо ждал одурманивающего действия ал-
коголя, призванного, обязанного заглушить воспа-
ленный мозг, принести спасительное отупение.

Опьянение не приходило. Хуже того, теперь он
думал об отце, умершем внезапно, среди ночи, в даль-
нем конце города, и как метался на пустынной улице

в поисках случайной машины, как бежал по выщербленным широким ступенькам старого дома, ворвался в комнату — и увидел неожиданно спокойное скорбное лицо матери, и поразился лицу покойного — строгому, с едва очерченной на губах понимающей усмешкой.

Еще три рюмки подряд.. И — все то же бессилие хмеля, та же обнаженная ясность мысли, вереница лиц тех, кого он знал и любил, больше или меньше — неважно, он любил их, а они ушли в небытие. Сколько же близких людей, очень и не очень близких, но хорошо запомнившихся, ушло из жизни за последние два-три десятка лет. Что ж, уйдет в свое время и он. Все, живущие ныне, уйдут. Так для чего все? Ясность, непереносимая, ранящая, болезненная ясность мысли! Обманчивая ясность, понимал он. Наверное, я заболел. Нет, я устал. Как я устал!..

Он допил бутылку из горлышка, оделся, бесшумно открыл и тщательно запер за собой дверь, пошел вниз по лестнице.

Лаггары бесновались. Они открыто ломились в Стену, грызли ее острыми, загнутыми внутрь зубами — по сотне в каждом ряду. С зубов стекал шипящий яд. Лаггары колотили в Стену тяжелыми искривленными лапами, лязгали твердыми, как железо, когтями, стояли, были в бессильной плотоядной алчности.

Холодно было на Стоянке, но Пси́на дрожала не от холода. Вот она остро почувствовала близость Того, Кто Понимает — проснулась и на этот раз без лая и рычания вскочила, напряженно вслушиваясь в ночь. Нет, конечно. Конечно, просто сон. И она уже почти забыла его... Хрупкая морозная тишина повисла над Землей.

Успокаиваясь постепенно, ощущая, как выравнивается биение бешено застучавшего до пробуждения сердца, собака улеглась на свою подстилку у двери, свернулась клубком, прикрыла хвостом влажный холодный нос.

Она услышала Зов. Вскочила, вся дрожа, замерла, застыла. Затем мягко прыгнула на припорошен-

ную снегом землю, нырнула в дыру под забором и уверенно понеслась через ночной пустырь длинными большими прыжками.

Поэт невидяще шел по обледенелому тротуару — без шапки, воротник пальто поднят, руки в карманах. Опьянение, каким он его хотел и ждал, так и не пришло. Лишь мысли путались сильнее, и образы, лица, неведомыми путями вернувшиеся из прошлого, жалили беззащитный мозг, и озноб, которого он не ощущал, сотрясал тело мелкой непрерывной дрожью.

Не замечая того, он сошел с тротуара и теперь пересекал безлюдный широкий проспект.

Резанул по ушам гул мотора, человек обернулся, зажмурился от слепящих, чудовищно толстых стрел света, услышал дикий визг тормозов, успел подумать с неуместной отчетливостью и спокойствием: «Откуда эта шальная машина?» — отвернулся и приготовился умереть. Что-то сильно толкнуло в спину, бросило лицом на каменно-твердую грудь улицы. «Так быстро?» Тяжесть, сбившая с ног, не отпускала. Все еще скользя ничком по гололеду, он неловко, боком повернул вверх лицо. Большая черная собака лежала на нем всем своим часто дышащим телом. Человек ощутил ее живое тепло и удивился: «Через пальто?..»

Он лежал в постели, часто трогал толстый бинт на лице и говорил, говорил, изредка замолкая, чтобы отпить глоток почти черного чая. Жена сидела в кресле напротив и молча слушала. В окно смотрело яркое утреннее солнце.

— Ты понимаешь, — говорил Поэт, — какое это чудо — собаки?! Она меня спасла, вот что... Она, моя Пси́на, не случайно оказалась там — и как раз вовремя. Знаю, ты скажешь, что я фантазер, что у меня температура... — Женщина согласно кивнула, а он продолжал все более возбужденно: — Но откуда в нас такая уверенность? Что мы знаем о собаках, вообще о животных?! Мы умиляемся, когда они слушаются нас, не делают того, что мы запрещаем. А может, они медиумы, телепаты? Откуда эта косная убежденность, что условные рефлексы — все?.. Что все на них кончается? А если вообще есть такие миры, о которых мы не подозре-

ваем? — Его лицо пошло красными пятнами. Жена так же молча достала из-под мышки Поэта градусник, взглянула на него, показала мужу.

— Тридцать восемь и девять? — сказал он по обыкновению беспечно. — Ерунда! Ты ведь знаешь, я отлично переношу температуру... Так о чем я?.. Да, мы просто глупые слепые котята и самодовольные надутые индюки!

— Так уж сразу и котята, и индюки одновременно? — без улыбки спросила женщина.

— Ладно, один ноль в твою пользу. Но ты послушай...

Поэт поставил стакан на стул около кушетки. Рука была неверной и чай расплескался.

— Ч-черт! — выругался он. — Обжегся. Ну, ерунда...

— У тебя все ерунда. Между тем ты явно болен. Давай вызову врача.

— К дьяволу врачей! И ты сама врач. Я здоров, как никогда. Понимаешь, я выздоровел! — Он дышал тяжело и часто. — Я понял... Или, вернее, начинаю понимать...

— Пожалуйста, выпей это.

Послушно проглотив таблетку (было видно, что он бы и таракана сейчас проглотил, только б не мешали), Поэт горячечно продолжал:

— Мы, материалисты, говорим: бессмертие — это жизнь атомов нашего разложившегося тела, воплотившаяся в другие организмы — в зверей, птиц, растения... Ну да, ну конечно — это еще и наши дела... К примеру, поэма, которую я пишу... Которую я обязательно напишу! Но сейчас я о другом... Ведь ты веришь, правда? — он беспокойно и вопросительно смотрел ей в глаза.

— Конечно, напишешь, — сказала женщина уверенно, а во взгляде ее плескалась растущая тревога. — Но не лучше ли пока заснуть?

— Ни в коем случае! Ты должна понять. А почему только атомы, а не целые молекулы? Атомы — слишком слабое утешение. Если только они, значит лич-

ность погибает бесследно. Но это несправедливо, нелепо!.. Но ведь могут сохраниться целые молекулы? В том числе и клетки — носители наследственности... Как это? «Завтрашнее — пронижется обмолвкой позавчерашней...»¹ — продекламировал он с неожиданной силой. — ...При чем тут «обмолвка»? Я хочу сказать, хочу сказать...—Теперь Поэт явно бредил.—Мы умрем, ведь все мы живем только на временной Стоянке. Но то хорошее, доброе, умное, красивое, что в нас есть, останется. Оно будет жить в других людях... Или в животных. Таких, как моя Псина... Ну, чем не переселение душ? — У него слипались веки — снотворное действовало быстро. — Вот... И никакой... мистики... Добро и Красота... Они — бессмертны!

Глаза его закрылись. Немного выждав, жена бесшумно поднялась уходить. Однако Поэт детским движением схватил ее за халат. Он всегда стеснялся красивых и высоких слов, а потому, сделав последнее усилие в единоборстве со сном, хвастливо заявил:

— Ты знаешь, кто я? Я — лучший в мире опровергальщик всех... и всяческих... фан.. фан-тазий...

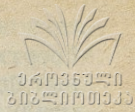
И заснул как убитый, и проспал до позднего вечера, и проснулся совершенно здоровым. Поэт торопливо поужинал-пообедал-позавтракал, уселся за письменный стол, и его перо едва попевало за мыслями и образами — живыми и яркими, как никогда прежде.

На Стоянке глубоким сном спала большая черная лохматая собака. В ту ночь лаггары не смели царапаться в Стену.

---

¹ Строка из стихотворения Галактиона Табидзе.

ДО ДВАДЦАТИ пяти лет у Анны не было от родителей никаких тайн. Настоящая, большая тайна, захлестнувшая ее всю, появилась лишь два года назад. И о ней не знал никто, даже самая близкая подруга.

Впрочем, одному человеку она все же открылась.

Было это совсем недавно, весной. Тогда на нее неожиданно свалилась срочная командировка в Москву. В гостинице на ВДНХ, куда ей наконец удалось устроиться, соседкой по номеру оказалась очень крупная и энергичная женщина лет тридцати пяти из Норильска. Измученная дорогой и поисками пристанища Анна тут же завалилась в постель. Однако соседка, облеченная властью хозяйки номера с трехсуточным стажем проживания, учинила ей допрос и после установления личности и места жительства новой знакомой поинтересовалась, ужинала ли она. Узнав, что Анна не только не ужинала, но даже и не обедала, норильчанка всполошилась и, не дав Анне опомниться, рину-

Натела КАРАШВИЛИ

ЭТА ТАИНСТВЕННАЯ АННА

Р а с с к а з

лась выгребать из холодильника и тумбочки кульки и свертки со снедью. Потом слетала куда-то за чаем и, вытащив упиравшуюся Анну из постели, усадила ее к столу. Огорошенная бесцеремонностью соседки, Анна поначалу смущалась, но потом освоилась и, подзадориваемая личным примером хозяйки, принялась за еду.

Вера, так звали норильчанку, без умолку говорила, не переставая при этом жевать. Но Анну ее болтовня почему-то не раздражала. Наоборот, низкий грудной голос новой знакомой и эта нежданная обильная трапеза успокоили ее, и все сюрпризы и огорчения сегодняшнего дня казались не такими уж драматичными.

Вскоре Анна знала всю несложную биографию соседки. Родилась и выросла она в селе под Курском. В семье, кроме Веры, было еще шесть девочек. «Ну где стольким девкам в одном селе женихов найти, я тебя спрашиваю?» Анна смеялась и пожимала плечами. Тогда решила Вера поискать счастья в Курске. Выучилась на штукатура, начала работать, а сама приглядывается. Нет, женихи, конечно, были, но все не те, хлипкие какие-то. А ей нужно было выбрать ладного, себе под стать, да и обстоятельный чтоб был. И подалась она в Норильск. Там и встретила своего Петьку. Приглянулся ей парень: сибиряк, молчун, непьющий, водитель первого класса. А он что? Да ничего, разве мужики когда знают, что им надо! Гос-споди, да если б она ждала, пока он раскачается, так до сей поры, может, не дождалась бы. Зато сейчас у них семья, трое ребят. Хорошо живут, дружно. На заработки не жалятся. Премии опять же дают. Вот путевкой на выставку наградили. Выходит, нашла-таки она свое счастье. Искала и нашла. А Анна, видать, не ищет. Где же это слыхано, чтоб такая красавица сама по себе гуляла! И верно, что у мужиков ни глаз, ни мозгов нету. Так надо самой!..

То ли поздний сытный ужин разморил Анну, то ли доверчивая простота этой славной женщины подействовала, а может, сознание, что они никогда больше не встретятся... Только именно в тот вечер она впервые рассказала свою тайну... Зовут его Саша. Ну, Сашей это она его называет, а вообще-то он Александр Романович, микробиолог, кандидат наук. Живет здесь, в Москве. Нет, холостой. И квартира отдельная. Да вот

не успела его предупредить, сама до последнего момента ничего не знала. А тут в головном институте срочно захотели ознакомиться с одной ее работой (она переводит научную литературу с английского и французского). Покидала в сумку что под руку попало — и в аэропорт. Летела, минуты считала, а он, оказывается, в командировку уехал, только через два дня будет. Она уже давно о гостиницах не заботилась, приезжала как к себе домой, а тут пришлось помыкаться. Вера сокрушалась — это ж надо! Почему не поженятся? Обстоятельства разные мешают. Нет, Саша уж давно умоляет. Это она все тянет...

Вера горячилась, не понимая. Анна объясняла, что не может бросить родителей — старые они уже, больные. «Раз так, пусть Саша в Тбилиси переедет», — предлагала Вера. Анна почему-то пугалась такой возможности. «Тогда родителей — сюда», — искала выход Вера. И это не подходило. «Темнишь ты что-то, девка!» — Вера совсем зашла в тупик.

Анча и сама понимала, что «темнит», но объясняться не хотела. Зачем? Разве кто-нибудь сможет распутать этот клубок? Разве кто-нибудь вправе копаться в ее душе? Да, она раскрыла случайной знакомой свою тайну, но это была ее собственная тайна, и она вольна распоряжаться ею как ей вздумается. А то, до чего, сама того не зная, пыталась докопаться Вера, касалось всей ее семьи. И хотя для родственников и соседей то, что она сейчас так старательно скрывала, никогда не было тайной, однако говорить на эту тему не полагалось. И вообще, чего ей вдруг вздумалось распахивать душу перед первым же встречным, пусть даже очень добрым, искренне желающим помочь?!

Анна пожалела, что так хорошо начавшийся вечер бесповоротно испорчен, и, сославшись на головную боль и усталость, попросила разрешения лечь. Недолго погрохотав в холодильнике, Вера тоже вскоре улеглась и в ту же минуту ровно и тихо засопела, как младенец.

Анна лежала, поджав колени к подбородку и вперив немигающий взгляд в стену. Теперь ей не уснуть. И Вера тут, конечно, ни при чем: осененная своим доб-

ротным счастьем, она хочет видеть вокруг себя таких же счастливых людей. Не ее вина, что она невольно вторглась в запретную зону...

Давным-давно, еще в детстве, затевали они во дворе одну веселую игру: «не смеяться, не улыбаться, «да» и «нет» не говорить...» В те безоблачные времена первая заповедь этих правил казалась Анне невыполнимой — губы сами растягивались в улыбке, а смех так и рвался из горла.

Со временем она заметила, что для ее родителей эта заповедь нехитрой детской игры была жизненным правилом. Постепенно и она тоже почти перестала дома смеяться, научилась обходить запретную тему и под разными предлогами избегать проникновения своих одноклассников за колючую проволоку родного порога.

Уже став взрослой, она склеила из обрывков нечаянных реплик догадку, что мама не хотела и боялась ее рождения. Маме тогда было под сорок и она тяжело болела. А когда оправилась, оказалось, что предпринимать что-либо было уже поздно. Но девочка родилась здоровенькой. С тех пор как она помнит себя, для всех близких и докторов она была «слава богу, нормальным ребенком». Посторонние называли ее «преlestной девочкой».

Со времени, за которое может зацепиться память, она видела себя среди трех людей: хрупкой, болезненной мамы с потонувшими в черных полукружиях огромными печальными глазами, которая никогда не выходила за порог их квартиры; молчаливого ссутулившегося папы с неизменной авоськой в руке и не сходящим с лица даже во сне выражением неискупимой вины, который ходил на работу и за покупками, отводил Анну в детский сад и вообще осуществлял связь с внешним миром; и старшего брата Левана, безобидного, беспечно улыбающегося соучастника ее детских игр, который называл сестру отрывисто «Ана» и с преданным обожанием следил за каждым ее движением. Он был на пятнадцать лет старше Анны, но уже к четырем годам, раздосадованная непонятливостью брата, она обозвала его дураком, после чего он долго плакал, обиженный скорее тем, что с ним не хотели играть. Мама от-

читала Анну за грубость и тут же бросилась иступленно целовать дочь, умоляя ее не обижать бедного своего брата.

Несмотря на тяжкий пожизненный крест, который несли родители Анны, дни в семье протекали размеренно, по раз и навсегда заведенному порядку. Рано утром, пока соседская детвора не высыпала во двор, папа и Леван тренировались на волейбольной площадке, где они бегали и играли в мяч. Неуклюжий Леван послушно выполнял все указания отца, хотя чаще всего пропускал мяч или посылал его не в ту сторону. Папа тщательно следил за весом Левана и при малейшем его отклонении увеличивал физическую нагрузку. После семейного завтрака Анна с отцом уходили по своим делам, а мама и Леван оставались дома хозяйничать. С годами мама все больше слабела, и, пожалуй, без помощи сильного и услужливого Левана она не обошлась бы. К тому же Анна, ссылаясь на загруженность занятиями и всевозможными кружками, уваливала от домашних дел. Немало способствовал этому и сам Леван, боготворивший сестру и готовый ревностно выполнять любое ее поручение. Анна гоняла его за домашними тапочками и портфелем, заставляла убирать за собой постель и чистить туфли, мыть запачканный ею пол и спускаться к почтовому ящику за газетами. Родители не сразу обратили на это внимание, а когда заметили — переполошились: как бы девочка не выросла белоручкой — и взялись за трудовое воспитание дочери. Леван страдал, глядя, как сестра моет свою чашку, и виноватыми собачьими глазами ловил ее взгляд. В такие минуты он становился чуть-чуть похожим на папу, до конца дней своих виноватого перед мамой за старые грехи родичей...

Случались в их семье и праздники. После Нового года самым главным был день рождения Анны — 9 мая. И хотя Анне еще в раннем детстве объяснили, что 9 мая — это День Победы, она еще долго была уверена, что причиной всеобщего ликования была она. Обычно накануне, снедаемая любопытством — что-то будет завтра! — она долго не могла уснуть и просыпалась на другой день поздно. А может и не так уж поз-

---

Натела Карашвили. Эта таинственная Анна.

дно, да только когда бы в этот день она ни открыла глаза, Леван сидел возле ее постели, бережно держа в руках свой подарок. Чаще всего это были цветы, купленные, конечно же, папой. Счастливо мыча, он спешил позвать родителей. Те входили — торжественные и просветленные, раскладывали на постели подарки и по очереди целовали ее в розовое со сна личико, шепча срывающимся от подступивших слез голосом: «Надежда ты наша единственная...» Потом наступал волнующий момент вскрытия пакетов с подарками. Анна радостно взвизгивала, а Леван, обезумев от восторга, бестолково метался по комнате. Мама выходила, прижимая платок к глазам, а погрустневший папа с чрезмерной озабоченностью начинал распорядиться утренним туалетом новорожденной. Анна торопливо одевалась, пытаясь хитростью выпытать у отца, куда они сегодня пойдут: в цирк? на карусели? в кафе-мороженое? или, может, на балет? Поначалу она не представляла себе, что день рождения можно праздновать иначе. Да если и можно, то чем такой порядок был плох? Однако, повзрослев, она стала испытывать жгучее желание пригласить подружек, показать им свою комнату, книги, безделушки, любимых кукол.

Однажды она пригласила к себе соседскую девочку, с которой Леван не раз вежливо здоровался на лестнице. Но из этого ничего не вышло. Леван не разрешал гостье прикасаться к вещам Анны и ревниво прислушивался к каждому слову их разговора. Когда же Анна выставила его за дверь, он поднял такой вой, что испуганная подруга сама поспешила уйти. Через несколько дней, возвращаясь от англичанки, Анна заметила, как стайка соседских девчонок, завидев ее, мгновенно умолкла. Возможно, Анне это показалось, потому что кто-кто, но соседи-то уж знали об их беде. Только с того дня Анна раз и навсегда решила ни с кем не сближаться настолько, чтоб приглашать в гости и открывенничать.

Новым институтским друзьям ее молчаливость показалась загадочной. И Анне даже понравилось окружать себя броней таинственности и неприступности, причем делала она это с каким-то особым озорством, почти уверовав в незыблемость установившегося по-

рядка — единственно возможного и чуть ли не самого лучшего.

Ее планы на будущее, которые обсуждались вместе с родителями, едва простирались за пределы ближайших двух-трех месяцев и касались сессий, каникул, защиты диплома, потом работы, командировок, отпуска, покупки новых сапог или модного пальто. Как-то так получилось, что этим троим больше жизни любившим ее людям никогда ничего не было нужно. И все же, возвращаясь из поездок, Анна привозила очередную пару домашних туфель кому-нибудь, недорогой отрез скромной расцветки маме, сорочку или носки папе и дешевую игрушку или книжку с картинками — Левану. Каждая безделица, подаренная ею, приводила их в восторг. Особенно ликовал Леван, который страшно тосковал по сестре, когда она уезжала. В дни ее отлучек он ежедневно писал ей письма — сложенные вчетверо листки бумаги с каракулями, которые опускал в ящик для газет и потом бегал проверять, пришел ли ответ. Родители никогда не рассказывали ей об этом. Не рассказывали, потому что изо всех сил старались не произносить вслух ни одного слова, хотя бы намекающего на состояние Левана. Как-то Анна случайно обнаружила среди груды поломанных игрушек и замусоленных книжек брата пачку красочных открыток, посланных от ее имени. Почти все они были написаны рукой отца.

За месяц до двадцатипятилетия Анны началось традиционное шушуканье родителей. Однако деликатного выпытывания заветного желания, сопровождающего эти тайные сходки, почему-то не последовало. Потом и шушуканье прекратилось. Анна терялась в догадках: что бы это могло быть? Незадолго до майских праздников все выяснилось: это оказалась туристская путевка в Москву и Ленинград с празднованием Дня Победы в белокаменной столице. Анна была тронута: они готовы провести самый дорогой для них день в одиночестве, лишь бы их девочка осталась довольна...

Анна бродила по Москве среди поющих и танцующих, смеющихся и плачущих, увечных и увешанных ор-

---

Натела Карашвили. Эта таинственная Анна.

денами людей. Какой мелкой казалась ей теперь драма их семьи на фоне той великой катастрофы, победу над которой так самозабвенно праздновал спустя многие годы ее народ!

Уже стемнело, когда людской поток вынес Анну на Красную площадь. Покружив некоторое время в водовороте толпы, Анна прибилась наконец к чьему-то крепкому плечу, за которое невольно уцепилась, когда очередная волна чуть не понесла ее дальше.

— Извините, пожалуйста, — смущенно проговорила Анна почти в спину своей опоры.

— Ничего, держитесь, а то унесет, — весело откликнулся молодой голос. И Анна почувствовала, как опора пришла в движение, заворочалась, и вот уже две сильные руки цепко держали ее за плечи. — Сейчас начнется, — предупредил тот же голос.

Анна, стиснутая в объятиях чужого мужчины и начисто утратившая от этого способность соображать, хотела было спросить, что именно начнется, однако постеснялась поднять голову, чтобы не оказаться лицом к лицу с незнакомцем.

Но тут площадь залило разноцветными огнями, а залпы потонули в ликующих возгласах. Анна посмотрела вверх и увидела сверкающее многоцветье фейерверка, отраженное в больших стеклах очков, и смеющийся рот с двумя ровными рядами зубов. Потом руки затормозили ее и стали поворачивать кругом, а голос прокричал:

— Вон туда смотрите!

Анна вдруг почувствовала себя легко и раскованно. Она вместе со всеми смеялась и кричала, хлопала в ладоши и прыгала от радости. Какой-то пожилой мужчина в орденах залюбовался Анной и, бросив взгляд на стоящего рядом с ней молодого человека, сказал:

— Будьте счастливы, дети!

Анна поблагодарила, а молодой человек, наклонившись к ее уху, прошептал:

— Для этого нам, как минимум, надо познакомиться. Меня зовут Сашей.

— Анна, — ответила Анна.

Потом они допоздна гуляли по затихающему городу. Встретились и на другой день. Анна рассказывала о своем родном Тбилиси, о НИИ, где она работа-

ла в отделе информации. Саша поделился волнениями о предстоящей через неделю защите диссертации. Говорили о прочитанных книгах, о современной музыке и вообще обо всем понемногу, перескакивая с одной темы на другую, торопясь высказаться и узнать мнение собеседника, чтобы еще раз убедиться, что прямо на улице, в суматошной толчее, в чередовании взрывов праздничного фейерверка и наступающей за ними темноты ты нашел родственную душу.

Через неделю она получила на «до востребования» телеграмму: «ЗАЩИТИЛСЯ УРА ОЧЕНЬ ЖДУ САША». Почему она не дала ему своего домашнего адреса, она не могла объяснить. Просто в какой-то момент сработала та самая защитная броня таинственности, которая действовала уже самостоятельно, независимо от нее. Дома тоже ничего не сказала: неловко было признаваться, что их недотрога Анна знакомится прямо на улице. Да и потом еще не известно, будет ли продолжаться это знакомство. Чего же зря волновать стариков... Однако вскоре Анна напросилась в командировку в Москву. Конечно, послать могли кого угодно из их отдела, но когда начальник спросил, кто поедет на семинар, она воспользовалась замешательством и как школьница подняла руку...

Так в ее жизнь вошла любовь. Анна бросилась в нее очертя голову, ничего не требуя и не строя никаких планов. Так она в детстве училась нырять, набрав в легкие побольше воздуха, заткнув пальцами уши и ноздри и крепко зажмурившись. Дни наполнились письмами, звонками, короткими встречами в Москве, жаркими проводами в аэропорту и снова письмами, письмами...

Анна была счастлива... Но вот однажды Саша все испортил. Он вдруг заявил, что больше так не может и что им уже давно пора пожениться. Она сказала, что сейчас не время — старики болеют (папа действительно недавно перенес инфаркт). И Саша покорно согласился подождать. Потом на всю зиму слегла мама, и Анна извелась от пугающих дум. Что будет с нею, если стариков не станет? А с Леваном? Смятение, которое она переживала, проскальзывало в письмах к Са-

ше, и он терялся в догадках, недоумевая и ревнуя. Ведь она не дала ему даже домашнего адреса, не говоря о телефоне.

Но маме наконец стало лучше. И тут возникла эта экстренная поездка в Москву. Анна прямо с аэродрома позвонила Саше в лабораторию. «А Алексан Романча нет в городе. Он будет только через два дня», — многозначительно и, как показалось Анне, злорадно пропел в трубку молодой женский голос. Потом была гостиница на ВДНХ, добрая Вера из Норильска, полуденный ужин под задушевную беседу и нескончаемая ночь без сна.

Два долгих дня она старалась допоздна задержаться на работе, потому что Москва без Саши была пустой. На третий он сам разыскал ее в институте. Злорадная девица все же доложила ему: «Твоя приехала». Они съездили за вещами, и Вера плакала, прощаясь, обещала обязательно прилететь на свадьбу, пусть только позовут: не чужие же они в конце концов.

Дома Саша усадил Анну в ее любимое кресло, целовал ей руки, гладил по осунувшемуся побледневшему лицу. «Ну что с тобой происходит, объясни мне», — допытывался он. «Устала я очень», — отговаривалась Анна. «Ты ничего от меня не скрываешь?». «Да нет, уверяю тебя». Саша задумался. «Завтра пойдем в загс, подадим заявление. И если все так, как ты говоришь, через положенный срок станешь моей женой, и уж тогда я никуда тебя не отпущу». «А старики...» — начала было Анна. «А старики либо привыкнут, либо пусть перебираются сюда», — решительно перебил ее Саша. И Анна сдалась.

Следующие дни прошли в радостном возбуждении: подавали заявление, выбирали в салоне для новобрачных костюм для жениха и подвенечное платье для невесты, купили новые обои и шторы, обсуждали список гостей на свадьбу, взвешивали варианты будущей работы Анны, не забыли даже о маршруте свадебного путешествия. Волнения этих дней оттеснили куда-то на задний план думы о семье. В конце концов старики поймут ее и будут рады счастьем дочери...

Поставив дорожную сумку у дверей своей квартиры и придавив пальцем кнопку звонка, она вдруг вспомнила, что в суете последней недели не купила для ста-

риков и Левана никаких подарков. Разумеется, они и так ждут не дождутся свою любимицу. Но как преподнести им такую важную новость о Саше, если тут же придется сознаться, что, бегая по магазинам, она ни разу не подумала о них. И Анна решила этот разговор пока не начинать, а подождать подходящего момента.

Трехмесячный «испытательный» срок подходил к концу, Саша уже переклеил обои и считал дни до приезда Анны, а она все не могла найти подходящего момента для разговора с родителями. А тут еще Леван почуял что-то недоброе: целыми днями, пока Анна была на работе, метался по квартире, вздрагивал от каждого шороха на лестничной площадке и подозрительно обследовал комнату сестры. И Анна решила уехать без шума. Оформит на работе отпуск, а потом поставит всех перед фактом. Конечно, это самое правильное решение. По крайней мере ее счастье с самого же начала не будет омрачено слезами.

Саша прислал нетерпеливое письмо, в котором в потоке слов о любви промелькнула фраза: «Если ты и сейчас придумаешь какую-нибудь отговорку, то это будет конец, учти». И Анна пошла за билетом.

Заняв очередь у одной из касс, она прикинула, что попадет к окошку не раньше чем через час. При всех случаях она успеет сегодня же позвонить Саше и сообщить ему день прилета и номер рейса. «А сейчас надо сходить к газетному киоску и купить какое-нибудь читиво». Сделав несколько шагов, Анна буквально нос к носу столкнулась со своей институтской подругой, которую не видела со дня сдачи госэкзаменов. Гулико была миловидной девушкой с мягким, покладистым характером, хохотушка и рукодельница. Еще на третьем курсе она вышла замуж за молодого инженера. Родители жениха приехали по этому поводу из Кутаиси, подарили невестке два золотых кольца и цепочку, справили грандиозную свадьбу в банкетном зале и отбыли обратно, оставив молодоженов на попечение вдовствующей матери Гулико. Через год Гулико родила сына, металась между институтом и домом, сильно похудела, стала хуже учиться, но от академического от-

пуска отказалась. Зато у нее рос очаровательный мальш. «Надо спросить о нем. Наверное, в школу пойдет на будущий год».

— Ну расскажи, как ты, как муж, как сынишка, — забросала ее вопросами Анна.

— Плохо, Анна, милая, — обреченно ответила Гулико. — Вот летим с ним в Москву, в больницу надо укладывать.

— Ты о ком, о муже?

— Нет, о сыне.

— Да что такое, что с ним?

— Сразу и не скажешь. Да и не каждому можно сказать. Ну, ты-то болтушкой никогда не была... Впрочем, рано или поздно все всё узнают. А может об этом, наоборот, кричать надо, чтоб уберечь кого-то от очередной трагедии? Ты умная, суди сама...

Обманул меня мой муж, Анна. Жестоко обманул и сам обманулся. Ты же была на нашей свадьбе, помнишь его родителей. Мать — такая моложавая, красивая женщина. Ну так вот. Это вовсе не мать его, а мачеха. Оказывается, его отец разошелся с первой женой, от которой у него было трое детей, и женился на другой, которую ты видела. Ну подумаешь, скажешь ты, мало ли кто расходится и женится вторично. Все это мой муженек от меня скрыл, потому что братья его — шизофреники и уже много лет находятся в психиатрической больнице, а мать, не представляющая опасности для общества, живет в деревне. Ну а мой свекор женился вторично и благоденствует... Если бы мне кто-нибудь вовремя сказал об этом! А теперь... Что будет с моим мальчиком?! Ты посмотри, Анна, какой это был ребенок, — Гулико лихорадочно вытаскивала из сумочки одну фотографию за другой. — А сейчас сюда смотри. — Она заплакала. — Говорят, препарат какой-то новый будут испытывать, может, поможет моему сынишке... Ну, я побежала, очередь моя подходит, — Гулико утерла слезы, чмокнула Анну в щеку и протиснулась к окошку.

Анна стояла оглушенная. Кто-то окликнул ее:

— Девушка, вы свою очередь пропустите!

Но Анна, с трудом переставляя негнущиеся ноги, уже шла к выходу.

ДВА РАССКАЗА

СЧАСТЬЕ

ЭТО случилось в начале марта, когда в нашем городе выпал снег. Он сыпал и сыпал целую неделю, превратив дома в огромные елочные игрушки, и постепенно все поняли, что небо и земля наконец-то решились сотворить не состоявшееся под Новый год чудо — южную северную зиму. Ведь у нас робкий снежок если и решится побаловать утром ранних прохожих, то к полудню растечется неопрытными лужами, а к вечеру растает даже память о нем.

Мы не привыкли к чудесам, и когда неожиданно заснежило в марте, вся наша жизнь пошла наперекос. Автобусы и троллейбусы оцепенели в изумлении, трубы одна за другой лопались от злости, и даже асфальт под толстой коркой льда не чувствовал себя в безопасности.

Движение в городе остановилось. Мир затаился. Милиционеры и те перестали штрафовать нарушителей, а может быть, нарушители от холода вымерли, лишив милиционеров работы.

Тогда-то и появилась моя старушка. Она была небольшого росточка, очень подвижная, ее часто мучал кашель и иногда подводила память.

— Не тревожься, — сказала она мне, возникнув из газовой горелки, служившей ей убежищем. — Ничего страшного. Тбилиси посетила сказка.

— Сказка — продукт устного народного творчества, — невпопад ответила я.

— И только? — хитро улыбнулась старушка, перелетев с газовой плиты на холодильник.

— Снег в марте?.. — размышляла я вслух.

— Вот-вот, — обрадовалась гостя. — Ты обещаешь стать способной девочкой.

— К тридцати годам обещать стать способной девочкой... — отозвалась я. — Вам не кажется, что несколько поздновато?

— Оно так и не так, — сказала старушка. — Люди — до глубокой старости дети, только смерть их чему-то учит, да и то не всех...

— И чему же учит смерть? — поинтересовалась я.

— Умрешь — узнаешь, — парировала гостя.

— Тогда чему она не учит?

— Если ты так настаиваешь, могу рассказать, кого она не учит. Хочешь?

— Хочу, — ответила я.

— Помню, скончался один восьмидесятилетний мальчик. Это был сгусток сил и энергии. Его признали способным и определили в школу загробных наук. Тут бы ему по-настоящему за учебу и засесть. А он — ни в какую. «Скучно, — говорит, — без добра. На земле я добро привык творить».

— Что же плохого в добре? — спросила я. — Если бы все люди стремились творить добро...

— На земле воцарился бы рай, ты хочешь сказать? — ехидно спросила старушка. — Да в том-то и дело, что люди не прочь творить добро... По собственному разумению, конечно. Инквизиторы, посылая неверующих на костер, творили добро, ты не знала?

— Но...

— Ты хочешь сказать, что у них было неправильное представление о добре? А кто может поручиться, что его собственное представление правильное?

Я молчала.

— Пойми меня верно, детка. Я не против людей и уж конечно не против добра. Но земному детскому саду необходимы воспитатели, иначе беды не миновать. — Тут она перепрыгнула на горку недавно вымытой посуды и на минуту замерла, тяжело дыша. Потом опять заговорила: — Да-да, воспитатели, а не мальчишки, мечтающие творить добро. Можно дать ребенку спички и ждать, когда он приготовит ужин,

но обычно это плохо кончается... На то и детский сад, чтобы сначала научить малому, а затем и большому... С детьми надо играть. Понимаешь, играть... В игре они незаметно взрослеют, а эти мальчишки...

— Кто вы такая? — спросила я.

— Я, как снег в марте, нарушаю законы природы, — заговорщицки шепнула старушка, подлетев к моему уху.

— Вы из сказки, — попыталась напомнить я.

— Вот-вот! Ионосфера разрушается? Водоемы загрязнены?

— Вы уверены? — мне не хотелось верить в ее ученость, уж очень смешно она говорила об этих водоемах.

— А ты что думала, детка? — гостья опустила на люстру и закашлялась. — Что за паршивый воздух?!. Кх, кх!.. Разве можно дышать таким воздухом?.. Кх, кх, кх!.. А ведь у меня, кх, кх, самые здоровые легкие!..

Мне стало весело, старушка, казалось, не страдала, а в шутку передразнивала кого-то.

— Чего бы ты пожелала в этот день? — спросила она. — Только быстрее, я спешу!

— Не знаю, право, — растерялась я.

— Сегодня может исполниться твое заветное желание, — старушка повисла перед своим отражением в оконном стекле, кокетливо поправляя прическу.

— Одно?

— Я не золотая рыбка, — обиделась волшебница.

— Самое-самое главное?

— Иначе и трудиться не стоит.

Я задумалась. Желаний было много, все они казались на первый взгляд очень важными, выбрать одно было совсем не так легко.

— Поторопись, — старушка сидела на кухонном шкафу. — Полномочия мои кончаются. Они ограничены инструкцией.

— Только для себя или можно для другого человека?

— Если бы мне захотелось исполнить ^{желание} другого человека, я бы к нему и явилась...

Правду сказать, я испытала облегчение: ^{на земле} было столько людей, нуждавшихся в чуде!

— Ну, тогда... тогда, я думаю, вернее, хочу быть всегда счастливой!

— Боже мой, каждый раз забываю, что вы — дети! Что ты понимаешь под счастьем?

— На душе хорошо, не чувствуешь боли, не страдаешь...

— Но, детка, вы же проходили в школе, что боль, предупреждая об опасности, спасает от гибели. Ты просишь смерти?

Старушка покачала головой, достала из кармана спицы и начала ими собирать со стен невидимую глазом паутину, превращая ее в коврик с вышивкой. Колдуня, волшебница что-то бормотала о людях, спичках и воспитателях.

— Поторапливайся, поторапливайся! Время кончается.

— Мне хочется, чтобы человек, которого я люблю, отвечал мне взаимностью всю жизнь.

— А ты уверена, что сама к нему не изменишься? — старушка в удивлении уставилась на меня.

— Я не хочу изменяться.

— Но это уже два желания, а исполнится только одно...

Я опять задумалась. Старушка летала по комнате, снег за окном все падал, падал и падал.

— Вы не хотите подарить мне вечную любовь? Хорошо, помогите родить мальчика, доброго, честного, умного и удачливого.

— Не воображаешь ли ты, дерзкая, что переселилась в сказку?! И навсегда? Добрый, честный, умный и удачливый! Такого никогда не бывало.

— Но существует же чудо!

— Ты со мной еще спорить будешь?

От волнения я резко толкнула стол, и стоявшая на нем чашка с легким стуком упала на линолеум. Старушка не обратила на это внимания. Мы явно не понимали друг друга.

— Тогда сделайте меня талантливой! — я топнула ногой, совсем как в детстве.

— Учись.

Я не отзывалась, и гостья смягчилась:

— Неужели тебя никогда не хвалят?

— Очень и очень редко.

— Вас хвалить не рекомендуется, — опять принялась она за свое. — Это вредит характеру. Детей, как ты знаешь, вообще нельзя баловать, от этого они портятся.

— Вы ничего не хотите для меня сделать!

— Вот эгоистка! Неужели, кроме твоих мелких забот, на свете ничего другого нет?

— Но вы же согласились исполнить только мое личное желание.

— Неужели я такое говорила? Странно... Впрочем, чего я не говорю...

— Вы совсем отказываетесь мне помочь?

— Ну подумай, ваши врачи и дипломаты ничего не умеют!.. Ваши военные не соблюдают правил!.. А ты просишь сделать тебя счастливой!.. Ведь надежда на чудо... надежда на чудо...

— Вы совершите его?

— Зачем это? Сама совершай, если тебе хочется.

Старушка прекратила вязать, спрятала спицы, коврик оказался у меня в руках. На нем была вышита картинка, какие часто встречаются на коробках со спичками: испуганное детское личико в языке пламени. Волшебница не отличалась хорошим вкусом.

— Сами решайте свои проблемы! — она летала по комнате, громко дыша и размахивая руками. — Детский сад, детский сад...

На столе диковинным цветком проросла толстая книга, на обложке постепенно обозначилась надпись «Самоучитель волшебства и белой магии».

— Это мне? — спросила я неуверенно, но старушка больше мною не интересовалась.

— Зачем я здесь?.. Что забыла?.. — лихорадочно вспоминала она. — Кто сказал, что я исполняю желания?.. Я давно разучилась их исполнять...

Тут она нырнула в огонь газовой горелки и исчезла.

Грустилось мне не долго. Я повесила коврик над

кроватью, выпила чаю с вареньем и отправилась на свидание с человеком, которого собиралась любить всю жизнь и от которого мечтала родить замечательного мальчика. По дороге я подумала, что завтра же засяду за самоучитель и не успокоюсь до тех пор, пока не превращу эту дурацкую картинку на коврике в гордую белую лилию или летящую к горной вершине серну.

На улице уже перестал идти снег, но транспорт не работал. Лед уходил из-под ног. Город в слабом свете фонарей искрился и сиял. Воздух был чистым, обжигающе пряным. Я чувствовала себя счастливой, хотя старушка так и не исполнила ни одного моего желания.

ПЛАТА ЗА ПРОЕЗД

В ПОЛВОСЬМОГО

позвонила мама и сказала, что отца больше нет. Резо сидел в пустом гулком кабинете, погружающемся в сумерки, и прижимал к щеке ледяную телефонную трубку.

— Ему... стало... плохо на работе... — говорила мама, поминутно переводя дыхание. («На каждый бит информации по паузе», — подумал Резо.) — Пока... довели... было... поздно... А... в восемнадцать часов... сорок пять минут... так... врач... мне сказал... в восемнадцать часов... сорок пять минут...

Столы, уже давно покинутые хозяевами, жались к стенам, напоминая диковинных домашних животных с покорными тупыми мордами. Резо часто задерживался со своими бумагами в вечерней тишине института и каждый раз удивлялся печальному отпечатку, остающемуся на вещах после ухода людей. Днем здесь бывало шумно, весело и накурено, как в молодежном кафе, вечерами — по-рабочему холодно и спокойно.

— Сейчас... папа... в морге... — продолжала тяжело вздыхать трубка. — Завтра... можно... будет... забрать...

— Это в Арамянца? — спросил Резо необычно высоким мальчишеским голосом (из какой глубины детства вернулся этот голос?). — Я сейчас поеду.

— Бессмысленно... — отозвалась мать. — Мы с Важей... сейчас... здесь... Не пускают...

— Подождите меня несколько минут. Я выезжаю. — Резо захотелось погладить ее щеку: маленькую, запавшую, в мягких складках морщин.

— Встретимся... дома... А то... сил нет... смотреть... на... это здание...

— Хорошо, — быстро проговорил Резо и повесил трубку. Первый порыв к действию прошел, и теперь хотелось не двигаться и ни о чем не думать.

Он мысленно увидел, как их большая семья — младшая сестра, зять Важа, две племянницы, мама, папина сестра тетя Верико и он сам, застывшие, как на парадном портрете, будут сидеть в добротной обставленной гостиной, из которой завтра вынесут мебель. Теперь он — старший мужчина в доме и обязан принять на себя тяготы и заботы. Но видеть их лица, особенно мамино...

Настольная лампа горела вполнакала: опять упало напряжение. Ее мутный и неприятно желтый свет старил лежавшие перед Резо документы, превращая их в никому не нужный древний хлам.

START, RET, STOP... Эти обычные машинные команды вдруг показались ему удивительно глупыми. Даже человеку подчас не под силу начать, вернуться назад или остановиться (вот он, например, знает, что надо домой, а не идет!), что же может понимать в таком сложном деле несчастный механизм?!

— Почему мне никто никогда не помогал?! Все, все самому! — неизвестно на кого злился Резо, одновременно думая обо всем на свете. Ему вспоминались то хорошенькие губки программистки Кетино, то счет последнего футбольного матча, то огромное зеркало в родительской спальне — чем же его завесить?

«Надо выйти на воздух, — решил он, — а то недолго и свихнуться».

С ржавым скрипом защелкнулся дверной замок

(ключ, как обычно, вешается на гвоздик в пыльном ящике аптечки). Шаги заухали по коридорам угрюмым филином, шелестящим шепотом ответила осыпающаяся штукатурка.

В машине он почувствовал облегчение: руль безропотно слушался его, и это прибавляло уверенности. Все-таки он поедет в больницу, пусть напрасно, но поедет. Домой сейчас еще страшнее...

Ночные улицы по-весеннему пахли ветром. Резо старался смотреть только на строгое серое полотно дороги: дома казались слишком нарядными, кокетливыми, самовлюбленными.

«Значит так, — думал Резо, — завтра пораньше за папой. Даже если сразу не дадут, будем ждать. Потом — место на кладбище, гроб и объявление в газете. Наверное, нужны будут какие-то справки. Одну выдадут в морге. Неужели еще что-нибудь?..»

Прямо над машиной вспыхнули, отражая свет фар, искрящиеся пунктирные линии троллейбусных проводов. Резо почудилось, будто их сияние исходит с самого неба: это приветствует его родившаяся сегодня в восемнадцать часов сорок пять минут новая звезда.

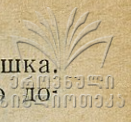
Завтрашние планы отошли куда-то в сторону, мысли опять разбрелись.

«Мне тридцать, значит, отцу шестьдесят девять, — вспомнил Резо. — Его уход вполне естествен. Рано или поздно это должно было произойти. Рано или поздно... Если бы он женился до того, как началась война, мне было бы не меньше сорока, и я успел бы внутренне подготовиться к старшинству. А так... Почувствовать себя первым в шеренге поколений в тридцать — не рановато ли?..»

На обочине «голосовала» девушка лет семнадцати-восемнадцати. Фары высветили длинную модную юбку с разрезом почти до бедра, из которого торчало угловатое колено. Тошие руки болтались в широких кружевных рукавах, волосы, на вид мягкие и пушистые, спутались на ветру и сбились в смешной «петушок».

Девушка была такой юной и некрасивой, что Резо неожиданно для себя затормозил и, высунувшись из окна, спросил:

— Куда?

— Нуцубидзе, — мгновенно отозвалась девушка.

— Садись. — И подумал: «Ничего, что не по дороге, все равно никуда не опаздываю».

Девушка дернула на себя заднюю дверцу и чуть не упала, когда та легко открылась.

«Пушистый желторотый птенчик», — внутренне улыбнулся Резо ее неловкости и вспомнил, как отец подарил ему, пятилетнему, маленького серого птенчика. Резо до сих пор затруднялся определить, какой породы была эта птичка. Отец привез ее из командировки в район, где она жила у сынишки директора какого-то совхоза.

Все лето и всю зиму птенчик провел в детской. За это время он уже давно стал, по выражению тети Верико, «взрослой особью», но ростом не вышел. И когда весной отец велел отпустить птаху на волю, Резо поднял такой рев, что перессорил в доме всех взрослых. Потом был долгий семейный совет, и мама, то и дело жалобно взглядывая на непреклонно сурового отца, держала Резо на коленях, рассказывая про волшебный сад доброй бабы-яги, где птички за одну ночь вырастают с овечку.

И вот все они — отец, мать, тетя Верико, годовалая, бессмысленно улыбающаяся сестренка, Резо и птаху в клетке — сели в тряский отцовский «газик» и покатали по плохо асфальтированной дороге куда-то далеко-далеко за город...

В течение многих лет после того дня Резо вытаскивал родителей на прогулку именно в эти края (никакой доброй бабы-яги там, конечно, не водилось, были просто заросли диких абрикосовых деревьев), а став взрослым, начал ездить и даже ходить туда сам.

Год от года на шоссе становилось все больше автомобилей, а в саду все меньше цветов: не один водитель увозил отсюда охапки душистых веток.

— Варвары! — возмущался отец, когда они с Резо еще приезжали сюда вместе. — Не успокоятся, пока не затолкают красоту себе в нору! Все им нужно

искалечить! А летом на сад будет жалко смотреть ни одного абрикоса! Угораздило же его расцвести у самого шоссе.

Маленький Резо кивал, внешне соглашаясь, но в душе был уверен, что цветы лучше плодов. Ему и самому очень хотелось сорвать тонкую упругую веточку, но страх перед отцом был сильнее.

«Я всю жизнь боялся отца, — подумал Резо, — боялся и мечтал добиться его уважения. А он вечно был мной недоволен... С сегодняшнего дня мне уже некому доказывать, что я чего-то стою, и поэтому я не могу ничего... И сад, наверное, умер...»

И сразу возникла необходимость поехать туда.

Он повернул руль и, нарушая правила уличного движения, рванулся вон из города.

В мгновение пронеслись окраины Тбилиси, дорога на Рустави, поворот к городку Бориса Дзnelадзе... Резо сам не знал, чего он спешит. Если сейчас не поспешить, казалось ему, случится что-то непоправимое (будто могло быть что-то непоправимее того, что произошло в восемнадцать часов сорок пять минут).

«Да, завтра надо еще позаботиться о поминках, — размышлял Резо. — Все блюда приготовят соседи, но доставать продукты надо мне...»

Дорога вильнула раз, потом другой. Вот наконец и то волшебное место детства. Он резко остановил машину — истошный вопль тормозов — и выскочил на шоссе. Еще одно движение, и он уже взбирается по размокшей от недавнего дождя насыпи. В темноте проступило кружево веток, светлое, пышное и до боли знакомое.

Резо замер, прислушиваясь к себе, и услышал... За спиной громко хлопнула дверца автомобиля. Что такое? От его «Жигулей» отделилась тонкая угловатая тень и бросилась туда, где слабо светились в темноте огни далекой деревушки.

Секунду он стоял, не понимая, потом вспомнил: девушка! Он вез в машине девушку! Да-да, она сказала: «Нуцубидзе», и он ответил: «Садись». Господи! Несчастная, наверное, до смерти перепугалась. Сейчас она скроется и окажется одна, ночью, за городом...

— Не бойся! — крикнул Резо. — Я тебя не трону!

Стук каблучков участился. И он понял, что надо догонять. Несколько шагов — и он различил впереди ее силуэт. Девушка уже, видимо, не могла бежать («Вот слабый цыпленок!» — подумал Резо) и шла, держась обеими руками за правый бок. Почувствовав приближение преследователя, она попыталась ускорить шаг, но не сумела и остановилась.

— Чего вам от меня надо? — спросила она задыхаясь.

— Не бойся, я тебя не трону, — как заклинание повторил Резо.

— А я ничего не боюсь! — ответила она дрожащим голосом.

— Я ведь просто забыл о тебе, понимаешь? Ты сама-то чего молчала?

Девушка не отозвалась.

— Ты сама чего молчала? — переспросил Резо.

— А что было говорить?

— Как что? — растерялся он. — Хотя бы «вы не туда едете» или «караул»...

— Глупо: я же видела, что вы специально повернули и поехали в обратную сторону. А «караул» кричат только трусихи. Я сильная и решила бороться.

— Это ты-то сильная? — Резо не смог удержаться от улыбки.

— Сильная! — обиженно сказала девушка. — Я ничего не боюсь. И смерти не боюсь.

Слово «смерть» выбило Резо из недолгого состояния равновесия.

— Что ты о ней знаешь, птенец? — спросил он резко и отвернулся.

В темноте светились фары его автомобиля. Чуть поодаль белел сад. Сад пережил человека, предсказавшего ему когда-то близкую гибель.

— Не меньше вашего! Я уже один раз умирала!

— Не может быть! — в голосе Резо проступила ирония. — Это что-то о переселении душ? Обожаю такие истории!

— Не смейтесь надо мной! Я правда умирала, плавать не умею, вот и...

— Надувной матрас перевернулся? — Резо вспом-

нил, как минувшим летом беспомощно барахтался в воде малыш, выскользнувший нечаянно из спасательного круга.

— Да нет... Просто мне очень надо было умереть... Я шла, пока вода не накрыла меня с головой...

— Пойдем к машине, — сказал Резо. — Отвезу тебя домой.

— Честное слово? — вопрос звучал так испуганно, что Резо рассмеялся — вот тебе и сильная.

— Слово забывчивого человека.

И, показывая ей пример, он двинулся к автомобилю. Девушка тряхнула головой, будто решившись на что-то, и последовала за ним.

— Садись вперед, — попросил Резо. — Поговорим по дороге.

Она кивнула и опять чуть не упала, слишком сильно дернув на себя дверь.

— Всегда жду подвоха, — виновато объяснила она.

Резо развернул машину, последний раз посмотрел туда, где цвел сад его детства, хотя кто его знает, цвел ли, ведь он так и не дотронулся до пахучих невесомых лепестков. Его почему-то больше не интересовало, действительно ли это цветы белели в темноте или ему показалось.

«А ведь я боюсь слишком интересоваться садом, — понял он. — Даже за те мгновения, что он был близко, я успел заметить в его цветении что-то необычное. Да-да, такие большие темные провалы, словно на одно цветущее дерево приходится три бесплодных... Или нет? Мне гораздо удобнее считать, что здесь все в порядке. Больше я сюда не вернусь».

— Почему ты хотела умереть? — спросил он свою пассажирку, хотя именно сейчас почувствовал, почему люди могут этого хотеть.

— Так, глупости! — она коротко рассмеялась. — Надоело, что Лия из третьего подъезда зовет рахитичкой, а учитель математики ставит двойки.

— И больно было?

— Нет.

— Значит, умирать не больно? — в голосе его слышалась надежда.

— Не знаю, я до конца не дошла, — ответила девушка.

— Как это? — не понял Резо.

— Я жива, — просто сказала она. — Вытащили.

Дорога тонула во мраке. Впереди — лишь небольшой освещенный кусочек асфальта да изредка — повисшая в пустоте ветка.

«А что если мир всегда такой? — подумал Резо. — Просто мы раскрасили его, чтобы выжить».

— Жизнь — она страшная, — говорила девушка. — Раньше я боялась ночью спустить ноги на пол: вдруг огромная волосатая рука схватит меня из-под кровати и потащит в никуда, а днем... Над вами смеялись одноклассники? Или продавец... Он отогнал меня от прилавка, чтобы от моего вида молоко не скисло... Мне просто не для чего было жить, нечего ждать и не на что надеяться... Но после смерти... Понимаете, никто лучше меня не почувствует, как замечательно быть красивой, и если меня не станет... Может, я такая, как есть, именно для того, чтобы это ощутить?

— Женское философствование — высшая форма словоблудия, — прервал ее Резо. — Просто ты испугалась барьера, за которым ничего нет.

— Я всегда смогу уйти, если станет слишком трудно, — будто не поняв его грубости, произнесла она. — Я больше не боюсь боли — она преходяща. Но умереть — слабость. Ведь сила — это готовность играть до последнего и не бояться проигрыша...

И вдруг Резо понял: она говорит не для него, а для себя. Видимо, ей нужны эти слова, чтобы сохранить внутреннее спокойствие. Ночью, за городом, в чужой машине... А он еще издевается.

— Ты прости меня, — сказал Резо. — Ты действительно сильная... У меня сегодня умер отец, и я не в себе...

Девушка не сделала ни одного движения, не повернула к нему лица, а продолжала смотреть на послушно лежащую под колеса дорогу.

— Соболезную, — наконец проговорила она.

— Спасибо, — безучастно отозвался Резо.

— Вы очень любили его? — в ее тоне послышалось

такое искреннее участие, что он нащупал в темноте ее руку и благодарно пожал.

— Не знаю... Мы часто ссорились, не понимали друг друга... Мне тридцать лет, и я не женат, а ему очень этого хотелось... Но я был за его спиной, понимаешь? А теперь будто совсем один... в пустоте... и будто виноват во всем именно я...

— Вам плохо, — она говорила совсем тихо, но ночь делала ее слова значительными и важными. — А плохо — это хорошо... Я не могу объяснить — вот у ребенка режутся зубки, это же больно, но все равно здорово.

— Откуда ты понабралась этой премудрости? — ему захотелось сказать ей что-то ласковое, но он не знал что.

— От папы. Он меня всегда так успокаивает, когда я плачу.

Где-то на краю неба вспыхнула зарница, и Резо с особой остротой ощутил, что сейчас весна.

Дома еще не спят, да и вряд ли уснут сегодня. Дети, конечно, уже давно в постели, но остальные сидят в гостиной и ждут его. Сестра и зять — сони, в завидном согласии дрыхнут сутками. Неужели они и сегодня клюют носами?

Тетя Верико достала, наверное, папины фронтовые письма и читает их вслух, с укором поглядывая на маму: такого человека не уберегла! А мама думает о Резо: где его сейчас носит, не случилось ли чего?

«Еще надо увеличить фотографию, — думал Резо. — Только какую? Отец уже лет двадцать не снимался. Неужели паспортную?»

— А вы знаете, — заговорила пассажирка, — я ведь страшно вас боялась все время, а теперь вот нет.

— Ну и слава богу! — улыбнулся он.

В кабину влетал теплый ветер, он трепал волосы, мягко бил по лицу и создавал какое-то удивительное ощущение скорости, жизни: есть этот мир, есть, и ты в нем молод, свободен и всемогущ.

...— Ты должен, — говорил отец. — Кому много дано, с того много и спрашивается.

А мама вступалась:

— О чем ты? Он же совсем ребенок...

Они всегда спорили, папа и мама. И Резо казалось,

что отец не любит его — он только мамин сын. А с сестренкой все почему-то получалось наоборот, ей больше прощал папа.

Однажды он сказал им с Резо:

— Почему вы думаете, что любовь — это снисхождение? Если б мне кто-то прощал мои ошибки и слабости, я бы обиделся. Вот и мама отчего-то этого не понимает.

Девушка высунула голову в окно и долго смотрела куда-то вверх. Потом она крикнула что-то, тотчас унесенное ветром, и повернулась к нему.

— Небо всегда разное, заметили? — спросила она. — Сейчас оно как траурный креп. А днем стоишь иногда на Земмеле и видишь -- над зданием канатной дороги небо голубое-голубое, в сторону Марджанишвили — серое. Или войдешь в узкий дворик, посмотришь наверх — а оно уже приобрело объем и тяжесть, как купол огромного храма...

— Целый вечер вспоминаю китайскую сказку, — занятый своими мыслями Резо не слушал ее. — Мне ее мама читала в детстве. Дракона, стерегущего богатства, люди считали бессмертным, дело же было гораздо проще: каждый, кто убивал дракона, сам становился им. Может, я сегодня превращаюсь в своего отца?

Девушка вдруг прижала ладони к лицу и по-детски, со всхлипами заплакала.

— Ты опять боишься? — спросил он прерывающимся голосом.

— Мне так хорошо... — ответила она сквозь слезы. — И я боюсь... умереть...

В эту минуту она показалась ему похожей на Нинико — девочку, в которую он был влюблен в детстве.

Девушка жила не на самой улице Нуцубидзе, а выше — на плато, парящем над городом. Резо не раз обращал внимание на этот район: издали казалось, что высотные белоснежные дома на горе — это присевшие отдохнуть птицы.

— Здесь, — сказала девушка, и он остановил.

Минуты шли. Она не выходила. Лицо ее абрикосовым садом белело во мраке, тело излучало тепло.

— Можно, я на прощание прочитаю вам свои стихи? — спросила она неуверенно.

— Валяй, — милостиво разрешил Резо.

— Светло и радостно сгорая, — начала она, — я перед миром не в долгу: благословляю, умирая, подснежник первый на снегу...

«Еще необходимо поехать в пункт проката за столами и скамейками, — думал Резо. — Только надо посоветоваться с мамой — чего и сколько. А посуды должно хватить...»

— Светло и радостно сгорая, я буду петь земные гимны: отверстые ворота рая не краше, чем страданья схимы...

«Но почему все я? В пункт проката может съездить и Важа. Я просто физически не успею. И фотографией пусть займется он, а я — на кладбище...»

— Светло и радостно сгорая, я ввысь расту столбом палящим... Благословляю, умирая, — пусть будет небо настоящим!

Она смолкла, и в полную силу зазвучала пустота ночи.

— Нравится?

— Ничего, — вежливо произнес он. — Только что значат последние слова? Как там... «пусть будет небо настоящим»...

— Неужели не понятно? Небо — это что-то очень высокое, во что веришь. И я хочу, чтобы вера не оказалась обманом, чтоб высокое действительно было.

— Высокое? Но что именно? Если ты, как и положено в твоём возрасте, говоришь о любви, то...

— Нет! — горячо перебила она его. — Не о любви! Любовь — это гадко, пошло, это...

«Какой же она все-таки ребенок, — подумал Резо. — И я, старый осел, еще мог разговаривать с ней, как со взрослой. Мог в какой-то момент даже представить...»

— Птенчик, птенчик! — сказал он вслух. — Да ты еще и до своего возраста не дорос. Что ты понимаешь в любви, даже если понимаешь в смерти? Разве ты знаешь цену нежности? Знаешь чувство, когда любимые руки глядят тебя по голове (и он, едва касаясь, провел ла-

донью по ее растрепанным волосам) или ласкают твои пальчики (пальцы ее были совсем холодными, и он согрел их), или целуют...

— Не прикасайтесь ко мне! — вдруг закричала девушка. — Я вас ненавижу, ненавижу!

Она слишком резко толкнула дверь, чуть не вывалившись из машины, и, громко стуча каблучками, побежала к дому. Но через секунду опять вернулась, бросила что-то на сиденье и исчезла уже насовсем.

Резо поднял маленький зеленоватый комочек и расхохотался. Это была смятая мокрая трешка, она, видимо, всю дорогу была зажата в кулаке.

«И ничего ты не поняла, — подумал он. — А ведь я все равно тебя найду».

Спустя несколько месяцев мать Резо, отдавая в чистку его костюм, обнаружила в кармане смятую трешку и взяла ее на расходы.

НЕПУТЕВЫЙ **==** Р а с с к а з

ТАК мечталось, что придет в класс и сразу все ее полюбят. И будет она рассказывать интересно-интересно...

А вместо этого — Павлик! Совершенно испорченный уже в четвертом классе.

И почему ей дали сразу четвертый? Ведь она должна вести с первого. Даже с нулевки. И постепенно внушать им, что хорошо и что — плохо.

А ее сразу заставили взять четвертый

Теперь еще это письмо. Жуткое. О любви. И даже — стихи.

Кто бы мог подумать, что где-то могут быть такие испорченные дети? Уже в четвертом классе.

Она, конечно, побеседовала с Павликом. Объяснила: не может быть, не бывает любви в четвертом классе. Вызвала и родителей. Но почему-то пришла не мать, а отец. Хотя отцы в школу ходить не любят. Но этот пришел, словно и в семье у них все не по-людскому.

Она и ему, отцу Павлика, все рассказала. Пусть и он принимает меры. Чтобы с двух сторон, и семья и школа, на Павлика воздействовали. Но отец этот тоже не как человек. Улыбнулся, говорит:

— Прекрасно.

Что тут прекрасного?.. Что?..

В любви в четвертом классе признаваться? Так в пятом обниматься начнут! А дальше?..

Ей даже нехорошо стало, когда представила, что будет дальше. Она в газетах сколько раз такие вещи читала, а слышала — еще больше.

Нет, не приведи бог. Она так и сказала отцу этому. А он улыбается. Глаза в усмешке щурит. И не поймешь: от смеха или от недомыслия. А может, чтобы от разговора уйти. От разговора, неприятного для каждого родителя, который не умеет воспитывать детей своих.

А он, отец Павлика, все щурится и говорит:

— И это — все?

Мало ему, что ли?.. Все, конечно.

— Ну, если все, и беспокоиться нечего. Подумаешь! Я тоже в четвертом классе девочке цветы носил. И целовался даже. В парадном. Да и вам, наверное, цветы носили. И вы, верно, целовались.

— Это я-то?..

И вдруг обожгло памятью. Ведь хотелось!.. Ой, как хотелось тогда, еще в детстве, чтобы и цветы носили, чтобы целовали, записки передавали. А не было. Всю жизнь прожила до дня сегодняшнего без поцелуев, без признаний. Такую правильную жизнь прожила.

А кто придумал эту правильность?.. И в этом ли правильность?

Что лезет в голову-то?.. Ведь люди, те, кто раньше родился, те, кто в историю вошли, они ведь все знали, что правильно, что нет. Книжки об этом написали.

Книжки?..

Вот и отец Павлика, доведись ему книгу писать, правду ведь небось не напишет. Ни о себе, ни о сыне своем, ни о том, как его воспитывал. Или напишет правду?.. Нет, не рискнет!..

А если бы мне кто написал в четвертом классе такую записку, стихи такие, что бы я подумала, что бы решила? Пошла бы к учительнице жаловаться?.. Показала бы отцу с матерью?..

Наверное, показала бы...

Может чувствовали, знали это, потому и не написал никто?..

Если бы знать... Если бы знать... Получить хоть одну такую записку, услышать хоть одно такое признание. Нет, никто бы об этом не знал, не узнал.

Вернуться бы назад, в детство. В четвертый класс. Увидеть того мальчишку, который подолгу смотрел своими серыми глазами, попросить: «Скажи что-нибудь, напиши записочку, что любишь, что под поезд бросишься, если тебя не люблю. Напиши, непутевый. Напиши!..»

Тамаз ЧХЕНКЕЛИ

ЖИЗНЬ

В

НАУКЕ

К 90-ЛЕТИЮ
А. Ф. ЛОСЕВА

●

А. Ф. Лосеву, известному русскому философу, филологу, переводчику, исполнилось 90 лет. Его переводы и исследования создали целую эпоху в деле изучения европейской античности. Концепция античности, разработанная Алексеем Лосевым, является наиболее полной и всеобъемлющей на сегодняшний день. Применяв диалектический метод исследования, он сумел показать противоположности в их единстве, найти общую основу для, казалось бы, взаимоисключающих явлений, создать цельную убедительную картину античной культуры.

Празднование юбилея ученого состоялось в Московском педагогическом институте имени Ленина.

— Для чего мы собрались здесь? — приблизительно с такими словами обратился Алексей Федорович к аудитории. — Разве для того, чтобы отдать дань уважения личности (кем бы она ни была, что бы ни было сделано ею)? Нет, мы собрались здесь для того, чтобы отдать дань уважения науке! Наука бессмертна, и не имеет значения, сколько лет тому, кто ей служит!

Юбилейное заседание назначено было на 2 часа дня 12 декабря, и, придя туда с некоторым опозданием, я, к удивлению своему, обнаружил, что оно еще не началось. И причиной тому был сам Лосев. Он сидел в вестибюле на стуле возле самой стенки, крепко опершись обеими руками на трость, и не собирался вставать. Окружившие его друзья и близкие, в том числе и супруга Аза Алибековна Тахо-Годи, смеясь уговаривали его вой-

ти в зал. Но, судя по всему, он не поддавался на уговоры. Я удивился и любопытствовал у знакомого, который стоял там же, в чем дело. И он мне с улыбкой ответил: «Волнуется. Ему неловко». И, заметив мое удивление, добавил: «Такой уж он человек...»

Первые же слова А. Ф. Лосева, обращенные в зал, говорили о необычной скромности и застенчивости большого ученого.

— Наука бессмертна, — говорил он удивительно четким, ясным молодым голосом, — и у служителя ее не может быть возраста. Это вам говорит умирающий Лосев.

Его слова могли прозвучать как печальный реквием, но в данном контексте это была совершенно обычная, сказанная деловым тоном фраза, без малейшего налета сентиментальности. Напротив, она звучала как наказ учителя своим ученикам.

В этот день Алексея Федоровича Лосева приветствовали несколько поколений его учеников и почитателей, представители академий и университетов России, Украины, Белоруссии и Грузии, писатели, работники культуры. О нем говорили, как о «национальной гордости России», как о «пастыре и наставнике многих поколений». От имени грузинских ученых юбиляра приветствовали член - корреспондент Академии наук Грузинской ССР Нико Чавчавадзе и доцент классической филологии Лаванда Канкава.

Это был впечатляющий день, день, когда воздавалась дань благодарности науке, ее великому служителю. А он

стоял у стола на сцене, бодрый девяностолетний мудрец, и под гром аплодисментов думал о своей жизни, прожитой в неустанном труде и заботах.

В одной из своих книг А. Ф. Лосев отмечал, что для филологов, философов, историков эстетики обязательно знание естественных наук, истории математики. Сам он с юности интересовался математикой, музыкой, историей философии. Кругозор его поразителен, поразительна глубина его знаний в различных областях филологии.

Первые фундаментальные исследования А. Ф. Лосева были опубликованы еще в 20-е годы: «Музыка как предмет логики», «Диалектика художественной формы», «Философия имени» (1927 г.); «Критика платонизма у Аристотеля», «Диалектика чисел у Плотина» (1928 г.); «Очерки античной символики и мифологии», «Диалектика мифа» (1930 г.). За последние двадцать лет вышли шесть больших томов фундаментального труда А. Ф. Лосева «История античной эстетики», «Эстетика Ренессанса» и др.

«Уникальная эрудиция и удивительная способность провидеть за единичными фактами или абстрактными теориями живых людей, ощутить пульс жизни отдельной эпохи обеспечили А. Ф. Лосеву место Вергилия советской науки в мире греческой культуры. Поэтому даже те исследователи, которые не согласны с его интерпретацией, во многом обязаны ему», — писал философ Г. Тевзадзе.

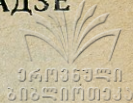
Исследования философии неоплатоников и переводы

А. Ф. Лосева сыграли значительную роль и в деле разработки узловых проблем древней грузинской культуры и философии. Его перевод «Первооснов теологии» Прокла дал возможность грузинским ученым более точно охарактеризовать мировоззрение Иоанна Петрици, который перевел этот труд Прокла еще в начале XII века. Лосев дал высокую оценку комментариям Иоанна Петрици к этому труду и назвал грузинского философа великим преемником диодоха Прокла на Востоке.

Высоко оценил А. Ф. Лосев современные исследования грузинских ученых по основным проблемам Восточного Ренессанса: «Исследователи грузинского Возрождения доказали, что грузинские мыслители выступили застрельщиками неоплатонического и ареопагитского Ренессанса в Европе, что им, безусловно, принадлежит в

этом отношении приоритет, и что они здесь на несколько столетий опередили Западную Европу. Спорить об этом невозможно». «Вместе с Ш. И. Нуцубидзе, — отмечал он, — отнесение Ареопагитик к авторству Петра Ивера мы считаем весьма вероятным...»

Недавно издательство Тбилисского государственного университета выпустило в свет замечательный сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения А. Ф. Лосева. Сборник этот — дань признательности и глубокого уважения большому ученому за его любовь к грузинской культуре. Грузинские писатели и ученые желают Алексею Федоровичу Лосеву — выдающемуся ученому современности, архонту античной эстетики — и впредь быть здоровым, бодрым, по-молодому неукротимым.

О ВОЗРОЖДЕНЧЕСКОЙ ЭСТЕТИКЕ

●

«ЭСТЕТИКА
ВОЗРОЖДЕНИЯ»
А. Ф. ЛОСЕВА И
НЕКОТОРЫЕ
ВОПРОСЫ
ГРУЗИНСКОГО
РЕНЕССАНСА

ТРУДНОСТЬ определения специфики Ренессанса вызвана, в частности, тем, что признаки его имеют не только конкретное культурно-историческое, но и сравнительно-типологическое содержание. И это вполне понятно, если учесть, что ренессансные явления можно отметить на самых различных этапах развития культур. Вместе с тем, несмотря на разного рода конфронтации, Ренессанс не является культурой отрицания, в нем нашли выражение тенденции преемственности, освоения и сочетания порой самых несовместимых явлений. Поэтому ренессансная культура ведет диалоги не только со своим языческим и христианским прошлым, но и с мусульманской современностью, а также с самыми, казалось бы, противоположными ей явлениями будущего.

В книге выдающегося ученого А. Ф. Лосева (хотя он считает ее лишь «только общим вступительным очерком эстетики Ренессанса»), наряду с глубоким исследованием ренессансной эпохи, дан анализ современной культуры на самом высоком уровне ее проявления. Ренессансная эпоха как бы перекликается с современностью.

Это еще раз свидетельствует о том, насколько относителен всякий однозначный ответ на вопрос — что такое Ренессанс?

Ибо ни один из его признаков (гуманизм, возрождение античности или открытие мира и человека) даже в метафорическом смысле не может стать всеобъемлющим знаменателем только данной эпохи.

В итальянском Ренессансе трудно выделить одного какого-нибудь литературного героя, который мог бы стать символом всей тогдашней культуры. Попытка уловить некоторые его специфические черты была предпринята на закате Ренессанса — место упокоения Дон Кихота стали считать могилой испанского Ренессанса.

Видимо, ярким олицетворением этой эпохи были прежде всего художники, писатели, скульпторы, как поистине «полифоничные» персонажи великой культурно-исторической драмы с многоплановым культурно-художественным «сюжетом».

Так Леонардо да Винчи стал персонажем «культурно-художественного сюжета» ренессансной эпохи, а также всеобщей культуры. «Система Леонардо» — это система творца, способного предусмотреть все, «не забывая ни о чем», воспринять явление в многообразии контекстов и изобразить его так, чтобы оно было отмечено печатью субъективности.

А. Ф. Лосев показал, как в эстетике Леонардо проявляется ренессансный универсализм — выражение общей атмосферы духа, когда людьми владеет чувство полноты восприятия своей эпохи, чувство «Золотого века», «Новой жизни», «Новой эры», и наряду с этим — отрицание этого универсализма. Человек преисполнен чувства своего времени (вроде неоплатонического сознания — «избытка полноты» собственных сил), он переживает привлекательность начала, ожидания, первого приближения к неизведанному, к юной прелести «нового дня» (человек «и мир обнять готов». Петрарка. Сонет 134). И это длится долго, ибо пока люди способны жить хотя бы даже иллюзиями ренессансных идеалов, возвышенного рыцарского гуманизма, не умирает и Ренессанс. Ведь не умерло же рыцарство и после того, как стали утверждать, что оно отжило свой век, и сделали его предметом насмешки.

Человек вообразил себя центром Вселенной, но подобное резкое и максимальное приближение к своему «Я» породило неожиданный страх, человек осознал свое одиночество, тоску о будущем, ибо «мудрость ставит преграды даже познанию» (Ницше).

Типичным представителем эпохи Ренессанса был Пико дела Мирандола, «языческий рыцарь» и философ, авантюрист и теолог, олицетворявший в себе ренессансное сочетание несов-

местимостей, когда одна крайность не исключала другую, а как-то подразумевала ее. Для Ренессанса, как показал А. Ф. Лосев, органичен не только титанизм, но и «обратная сторона титанизма». Ведь в эпоху Ренессанса не только образ жизни, но и образ мышления носит эстетический характер. Порой эстетизм довлеет над этикой, и совершаются поступки недозволенные, но привлекательные. Свобода проявляется поначалу в эстетике, а вслед за ней — в морали. Конечно, пока еще рано утверждать, что «прекрасное выше, чем доброе. Прекрасное заключает в себе доброе» (Карлейль. Герои, почитание героев и герои в истории. СПб., 1908, с. 99).

Все ренессансные явления отмечены печатью стихийного индивидуализма, личностного самоутверждения. Стихийно-индивидуалистическая жажда жизни превратила Возрождение в эпоху обострения противоположностей. С целью определения сущности Ренессанса мы склонны говорить о сближении небесной Венеры с земной, но, думается, не менее важно обратить внимание на тенденции разграничения Неба и Земли, чтобы еще полнее воспринять каждое из них. Возрожденцы настолько конкретизировали божество и в искусстве, и в трактатах, что не только «зрили» бога умственным взором, но ощущали его как чувственную реальность. Божество обретает одухотворенную прекрасную плоть, мистическое умозрение которой не требует отвлечения от бытийно-человеческого состояния. «Человек впервые стал думать, что реально и субъективно-чувственно видимая им картина мира есть самая настоящая его картина» (ЭВ. 155), не забывая при этом о существовании иерархии эстетических ценностей. Красота тела, как бы она ни понималась, не просто красота «вещи» и даже не красота тленной плоти, на которой сосредотачивалась прежняя эстетика, это — «душа тела», тела, которое и есть высшая одухотворенность («О, Единый бог, ты создал образ (душу) каждого тела». Руставели).

Личностно-одухотворенное телесно-прекрасное бытие становится эстетической мерой всего. Прекрасное человеческое тело — не как отделенная от «истинно-сущего» данность, не традиционно-символическое понимание первообраза, а как самодовлеющая эстетическая значимость, — становится основой «скульптурности» возрожденческого мышления. Живопись — вещественно реализованная мудрость, как и скульптура. Храм — умственная модель высшей гармонии. Он является моделью гармонии, существующей в природе. Архитектурное сооруже-

ние — «чистая гармония», чистая, как мысль. Потому же она — «философская мысль», мудрость. Отсюда как будто совсем не далеко до античной скульптурности, но между ними все же явное различие. Возрожденческий «одухотворенный вещиизм» стремится к «непосредственному созерцанию истины», тогда как античная скульптура содержит высшую истину в самой себе.

Неправомерное понимание Ренессанса довольно часто вызвано неправильным пониманием исторического значения Средневековья. Разумеется, нельзя судить о Средневековье по оценкам деятелей эпохи Возрождения. Высокомерное чувство превосходства проявлялось в тенденциозном отношении ко всему ближайшему прошлому. Порой даже они сами отмечали крайний свой субъективизм. На самом же деле эпоха Ренессанса унаследовала от Средневековья гораздо больше, чем отрицала. Основой Ренессанса было христианство, которое уже превратилось в «светскую религию». Ренессанс впервые показал возможность моделирования христианства; «эстетика Ренессанса очень часто остается внутренне связанной со средневековой ортодоксией» (ЭВ, 65).

А. Ф. Лосев отмечает, что при рассмотрении тех или иных эстетических принципов неоплатонизма мы нередко имеем дело с собственно христианскими тенденциями, но только «выведенными» из библейской теологии (правда, еще не догматизированной).

Бог менял облик в Ренессансе, менялось представление о божественном. В Средневековье наряду с благоговением перед богом существовал и страх перед безбожием, боязнь нарушить закон, согрешить. Возрождение почти сняло этот страх, углубило и очеловечило радость. В земной радости узрели божественный свет, свет неземной, «невечерний». Отныне бог — не только начало и конец всего сущего, но и вечный спутник жизни, человеческого бытия. Раньше предполагали, что бытие бога не нуждается в специальных доказательствах, это очевидная достоверность. Но вместе с тем, если раньше божество настолько абсолютизировалось, что порой даже терялась связь с индивидуальной личностью, то теперь человек сам захотел быть абсолютom для самого себя и для Вселенной; он создал антропоцентрический мир, приблизив к себе очеловеченного бога.

Ренессансное искусство само по себе — преодоление трансцендентности бога», «заглядывание» за ту стену, которая, по словам Н. Кузанского, «есть предел (*terminus*) всякого способа именного обозначения». Изменения в мировоззрении на-

ходили отражение в первую очередь в искусстве, а не в философии. и тем более — не в теологии. И если эти новшества имели философские предпосылки, то лишь сугубо теоретического толка. Свою исконную значимость они приобретают в конкретном культурно-историческом контексте. А. Ф. Лосев наглядно показал, как изменялась по культурно-историческим эпохам значимость эстетического канона Поликлета; сохраняя его основную «фабулу», каждая эпоха давала ему свое художественное истолкование.

Неоплатонизм и раньше признавался основой возрожденческой эстетики, но ему редко придавалось такое всеобъемлющее значение, как в книге А. Ф. Лосева. При этом автор отдает должное и другим предпосылкам Ренессанса, замечая, что «сейчас уже невозможно думать, как думал старый А. Штокль, что в XIII в. происходило очищение аристотелизма от неоплатонических элементов, с которыми так сильно был связан Аристотель у арабов» (ЭВ, 145).

И потому А. Ф. Лосев считает настоящим «научным подвигом» и «открытием» тот факт, что Ш. И. Нуцубидзе признавал неоплатонизм основой грузинского Ренессанса. В неоплатонизме он усматривает ключ и к пониманию итальянского Возрождения, что является весомым научным вкладом в развитие ренессансологии.

Но почему именно неоплатонизм? Может быть, потому, что неоплатонизм таит возможность примирения самых различных направлений (иначе «совпадения противоположностей», — как писал Н. Кузанский), в котором так нуждалась эпоха Возрождения, или же потому, что для неоплатонизма особенно характерна свободная спекулятивность (вопреки строгой систематизации аристотелизма) и поэтому он (неоплатонизм) **легче вписывается в художественный контекст** ренессансного мышления.

«Афинская школа» Рафаэля изображает сонм ученых с Платоном во главе. В этой картине нашла отражение культурно-историческая ситуация не античности, а Ренессанса, ибо среди ученых присутствует и Аверроэс, и увидена она глазами возрожденца (среди «воспринимающих» мудрости этой школы сам Рафаэль). Из данной культурно-философской аллегии следует, что художественным мировоззрением возрожденца был платонизм или неоплатонизм, а аристотелизм являлся лишь его составной частью, но никак не наоборот.

Ренессанс заново признал человека центром Вселенной, а

человек открыл самого себя. Он интересен своей неповторимостью как индивид. Отныне «человек есть модель мира. И он отправляется открывать себя» (Леонардо да Винчи). Пока еще жива теория микро- и макрокосмоса, но уже по-новому решается вопрос о ценности этого мира и мира потустороннего, а также вопросы о достоинстве человека. Намечается путь, ведущий к пониманию неповторимости индивида как его высшей ценности. Живопись увлекается портретом и — что более важно — появляются автопортреты. Агиографическая литература и фресковая живопись изображали святых не такими, какими они были в действительности, а такими, какими они должны были быть. Для возрожденца же «мы» — не безликое множество однообразных индивидов, а единство субъектов, личностей, невзирая ни на какую субординацию: Я и Бог (Я — Я).

«Я», «Я» и мое второе «Я», «Я» и не «Я», «Я» и Бог, «Я» и Ничто, «Я» и «Он», «Я» и «Мы», — почти все эти отношения раскрываются на разных стадиях Возрождения, и задача исследователя осмыслить различные исторические формы самосознания, начиная от сократовского «познай самого себя» и «христианского сократизма» (Э. Жильсон), до фикштеанского Я и отчужденности Я, вместе со всеми реакциями на отчужденность.

Христианство научило человека жить «в самом себе — бытии»; в Средние века оно углубляло древние традиции самосознания (с призывом Марка Аврелия — «смотри внутрь себя» — сократовские традиции передались эпохе Августина). В пред-ренессансной христианской литературе существует форма самосознания: Я — человек, в Ренессансе уже: Я — личность. Становится совершенно очевидным, что Ренессанс — не только внешняя действительность, но и внутренняя; открывается непознанный до того личностно-индивидуальный мир. Бога не только зрят внутренне, но и ощущают как нечто существующее в самом себе (известное изречение возрожденцев: «О боже, как ты силен во мне»). Личностное «Я» ощущается не только в себе, но и на небесах, и окутанное божественным светом (ощущаемым как мрак), оно невидимо, как и божеское «Я». Однако к высшей непостижимости ведут различные ступени постижения, в том числе не только «видение» собственного «Я», но и осознание мышления («мышление о мышлении»); ибо «бог существенно есть в мышлении», «бог сам есть сознание». Как и раньше, пределом постижения «Я» является божество, однако углубляется личность самого божества. Если раньше «Я» представлялось в форме абстракции (Я — человек), то

теперь на первый план выступает сознание собственного, лично-индивидуального «Я», и такое же не «Я» узревает-ся в боге. Душа человеческая ощущает в самой себе божественную сущность, а Вселенная насыщена личностной духовностью. Сам бог — избыток полноты субъективности.

«Бог существует в нас» — этот принцип для возрожденцев сугубо эстетичен и условен как всякое эстетическое сознание («божественная красота сияет во всем и во всем является предметом любви», — писал Марсильо Фичино). Анаксагорово высказывание — «все во всем», перекликающееся с библейским — «бог во всем», наполняется интимно-личностным смыслом. Своеобразно истолковывается по отношению к личности даже идея эсхатологической предопределенности. Самосовершенствование — высшее ренессансное призвание. Человек — вечное становление, а демиургом этого процесса является сам человек.

Человек эпохи Возрождения не побоялся опасного, рискованного резкого самоутверждения, обнажения ран человеческого бытия. «Это — век великого нетерпения. Экзистенция ощущается как напряжение» (А. Шестель. — ЭВ, 75).

А. Ф. Лосев наглядно показал, что в «век великого нетерпения», когда экзистенция ощущается как «напряжение», приращением, отрадой человеческой души стала красота, как выражение всеобщей гармонии, преодоление напряженности противоречий. Подобное мироощущение, довольно приближенное к известной идее «красота спасет мир», проявлялось не только в искусстве, но и в жизни. С этим связан известный артистизм ренессансного человека, или же его готовность к мужественному самообману.

Красота — чудо, таинственно-привлекательное «нечто», которое открывается умному и храброму. Человек должен уметь радоваться этому чуду; существовала рыцарская «обязанность» увлекаться красивым безумством (пример — жизнь Пико делла Мирандолы). Искусство же в форме субъективизированного абстрактного монументализма должно изображать титанов, которые обязаны спасти красоту мира, т. е. справедливость на земле. И если на земле нет подобных титанов, то не стоит и жизнь спасать (ЭВ, 404). Вот какие пути намечались для спасения, и если они и не вели к нему, то все же обнадеживали его искателей. Человека не озадачивала мысль, насколько совершенным сотворил бог мир (весьма характерны настойчивые, подчерк-

нуто положительные ответы на этот вопрос у Петрарки: «Замысел творца не знал изъяна» — Сонет IV). Искусство должно доверить божеское. Самосовершенствование — также высокий художественный акт (ЭВ, 350). Эта же идея сквозит в библейском рассказе о сотворении мира — бог кончил творить после того, как создал человека, т. е. сотворил творца. Отныне человек должен продолжать божеское дело. Словом, творчество — высшее призвание человека. Он должен сотворить даже нечто такое, что не было сотворено самим богом.

Ренессансный неоплатонизм, — пишет А. Ф. Лосев, — «всегда часто носил очень увлекательный и даже веселый и чуть не божественный характер», ибо неоплатонизм для Ренессанса не только теоретическая философия и не только философия жизни, но и «определенный тип жизни», он внедрял «субъективно-индивидуалистическую жажду жизненных ощущений», это был «юный и красивый индивидуализм».

После гомеровского смеха постепенно стихало веселье. Средневековье почти не знало смеха, создается впечатление, что эпоха потеряла чувство юмора. А ведь без смеха, без улыбки представить человека невозможно, и не случайно, что авторы тех времен не стремились к личностной индивидуализации.

Ренессанс как бы заново открыл смех, и это было одно из самых привлекательных его открытий. Вот почему уделяется столь пристальное внимание «веселому характеру» неоплатонизма. «Неоплатонизм Ренессанса придавал его эстетике возвышенный, оживленный, всегда поэтический и часто даже веселый художественно-игровой и жизненно-радостный, почти божественный характер» (ЭВ, 610).

После Боккаччо, и особенно после Рабле, смех и улыбка постоянно сопутствовали и литературе и живописи, приобретая самые различные оттенки.

Ренессанс отверг средневековый культ грустной серьезности, заменив покаянную ученость Екклесиаста культом веселого мудреца (несмотря на трудности, персонажам «Вепхисткаосани» не чужды смех и улыбка). Недаром выражением возрожденного духа считалась атмосфера Флорентийской академии «с царившим в ней беззаботным, привольным, порой игривым настроением» (ЭВ, 50).

Смех стал истинно ренессансным показателем внутренней свободы. Отныне он неотъемлем от юмора, и этим ренессансный смех отличается от античного наивно-радушного веселья. Элитарный юмор Ренессанса намного выше безудержного античного хохота.

Но со временем радостный смех сменяется нервным, неуверенным смехом. Вспомним Дон Кихота, мрачный юмор и смех Гамлета.

Нередко возрожденческая культура, ее место в историческом развитии рассматривается слишком телеологически. Считается, что эпоха Возрождения вполне целесообразна, predetermined, закономерна и логична. Более того, выявляя источники той или иной формы творчества, их komponуют так, будто уже в античности было predetermined, что они должны вызвать к жизни ренессансную культуру, минуя даже средневековье. Вместе с тем возникает вопрос — выражает ли сущность Возрождения лишь положительные, с нашей точки зрения, явления?

Внутренние противоречия Ренессанса исключительно многогранны; они гораздо острее, чем в пору средневековья, когда мироощущение, основанное на патронатстве, давало человеку возможность игнорировать житейские трудности, небесным звоном «заглушать» зов жизни, приучать себя к терпению и великому ожиданию. Ренессанс зародился как устремление к гармонии, к примирению Неба и Земли, высшей и земной мудростей. Он признал человека центром Вселенной, отсюда и труднопреодолимые противоречия. Но, как говорится, никто не отказывался от рождения из-за боязни смерти. Элитарная свобода личности преодолела страх и сознание того, что эта свобода своего рода «проклятие».

Все это — результат обращения человека к богу без посредства церкви. Именно здесь — истоки деизма. Первоначальная радость и чувство гордости от сознания того, что человек — центр мироздания — не скован никакими законами, сменяется страхом, порожденным чувством одиночества, ощущением беспомощности без поддержки и покровительства закона. Человек стремился преодолеть это непримиримое противоречие, и это толкало его на поступки, противоречащие внешним идеалам Ренессанса. То есть случалось так, что Фауст оказывался вынужденным связаться с Мефистофелем.

Таким образом «обратная сторона титанизма», которой А. Ф. Лосев посвятил специальную главу, не просто случайное отклонение, а вполне закономерная тенденция, сопутствующая «лицевой стороне» Возрождения. Автор показывает всю сложность развития культуры Ренессанса, которую никак нельзя исчерпывать лишь положительными сторонами ни в сфере «об-

раза жизни», ни в сфере эстетики или морали. Обратная сторона титанизма являлась «вполне противоположной гуманизму и неоплатонизму. И об этой эстетике нам необходимо будет сказать, потому что она тоже обладала всеми чертами эстетического развития. Она была аморальной и звериной в своем предметном содержании, но она же обладала всеми чертами самодовлеющей значимости, необычайной красочностью и выразительностью и какой-то, если выражаться кантовским языком, небывалой целесообразностью без всякой цели» (ЭВ, 121).

Внутренние противоречия Возрождения, как уже было сказано, не исчерпываются оппозицией: гуманистический неоплатонизм — аморализм. Сюда же относится и своего рода «отчужденность» человека, переживание собственной ограниченности и изслированности. Это последнее не рассматривается как «обратная сторона титанизма», однако между ними существует коренная общность. Здесь в единстве содержатся, как говорится, «страдание и радость индивидуализма» (Фихте).

Возрожденцы понимали ограниченность того, что они идеализировали и без чего не могли жить.

В книге А. Ф. Лосева закономерности эстетики показаны во всей сложности противоречий, притом не в их обычном бинарном или антиномичном состоянии, т. е. не в статике противоположных сторон, а в их развитии со всеми инвариантами и конвенционными мотивами.

Средневековому абстрактному монументализму Возрождение противопоставило эстетический индивидуализм, субъективизм и антропоцентризм. Но это вызвало «потерю космоса», отчуждение человека от божественных закономерностей. Все это необходимо было преодолеть путем проникновения в тайны мироздания. Интуитивное причащение к всеобщей гармонии уступает место рационалистической систематизации законов мироздания. Наконец гелиоцентрическая система Коперника превратила «земную планету в ничтожную песчинку бесконечной Вселенной. Следовательно, ничтожной стала и та человеческая личность, которая обитает на этой песчинке» (ЭВ, 50—51, 60).

Высокая гуманность данной эпохи заключалась в том, что понимая чисто индивидуально ограниченность и трагизм субъекта, она именно его и возвеличивала. Возрожденцы обожествляли в человеке человека, а не ангела, и в этом видели спасение человечества. Человек ни при каких обстоятельствах не должен был терять веру в себя. Страдание — не следствие первородного греха, а закономерность жизни. Человек в самом

себе должен найти силы, чтоб преодолеть собственные невзгоды и трагедии, и в этом его божественное призвание. А самая высокая форма преодоления человеческой ограниченности для возрожденца — это искусство. В этом заключено не только признание готовности к артистической жизни, но и вера в возможность жить духовной жизнью. Поэтому для возрожденцев «поэзия — это теология» (Боккаччо), а живопись — высшая философия (Леонардо). Сознание ограниченности не рождает романтической тоски, которая так характерна для человека эпохи романтизма, а становится импульсом к художественному созидаанию, к творческому самовыражению.

В книге А. Ф. Лосева, посвященной Западнему Ренессансу, преимущественно итальянскому, рассматриваются и вопросы Восточного Ренессанса. Здесь особое внимание уделяется теории Ш. И. Нуцубидзе. Эта теория, выдвинутая сорок лет назад, в последние годы получила большой резонанс, была расширена и углублена. Сегодня общепризнано, что самые разнообразные исследования по вопросам Восточного Ренессанса связаны с трудами Ш. И. Нуцубидзе.

А. Ф. Лосев показал важное значение этих исследований для лучшего понимания отдельных ключевых вопросов Западного Возрождения. Наиболее важно то, что основой грузинского Ренессанса был признан неоплатонизм. «Это нужно считать, — пишет А. Ф. Лосев, — чрезвычайно важным открытием, потому что оно дает нам возможность более глубоко подойти к итальянскому Ренессансу». Вместе с тем можно считать «в буквальном смысле открытием Ш. И. Нуцубидзе, что главные ереси шли с Востока, что они имели революционное значение, что они подрывали схоластический строй мышления и жизни и что в этом смысле Западный Ренессанс очень многим обязан именно Востоку... Блестящими главами книги Ш. И. Нуцубидзе является обзор мистических ересей на Востоке и Западе» (ЭВ, 24).

Несмотря на столь широкое распространение теорий о Восточном Ренессансе, факт его существования по сей день вызывает споры и, видимо, не без основания. Ведь не совсем ясен вопрос о том, в какой мере можно говорить о ренессансности эпохи, когда новыми признаками отмечены лишь отдельные виды восточных искусств (скажем, литература), а другие все еще остаются типологически средневековыми (например, живопись). Кроме того, некоторые теории того времени все еще находились

под влиянием старых идей, либо меняли свою ориентацию то на византиноцентризм, то на азиацизм. Надо особенно учесть, что «критика европоцентризма, усматривая везде и всюду культуру, соответствующую специфике европейских идеалов и нормам культурного творчества, являет собою усложненную разновидность этого же европоцентризма (это относится, например, к книге В. Чалояна «Восток и Запад»). (С. С. Аверинцев).

Теория Восточного и, в частности, грузинского Ренессанса Ш. И. Нуцубидзе имела свою предысторию в грузинском литературоведении. Ее появлению во многом способствовал тот факт, что многие ученые подвергли самой тщательной разработке проблему происхождения древнегрузинской светской литературы.

Вплоть до конца эпохи Руставели грузинская литература, можно сказать, развивалась по «классической модели» развития средневековых литератур: преодоление «трилингвистики»; зарождение оригинальной письменности; освоение всех основных достижений византийской литературы; развитие художественности с привлечением метафрастики (X—XI вв.); обогащение литературы достижениями «философского Ренессанса»; происхождение светской литературы (рыцарский роман «Амирандареджаниани», светские оды), освоение достижений восточных литератур и западно-восточный синтез; гуманистическая литература; разработка античной и национальной мифологии; веротерпимость. Все основные, даже религиозные проблемы эпохи находят, в основном, выражение в форме светской литературы, а продолжающие существовать церковные произведения блекнут перед новой поэзией.

Эта общая картина, резкий поворот эпохи к светским идеалам, тем более на фоне других современных литератур восточно-христианского культурно-исторического региона, естественно, обращает на себя внимание и требует объяснения.

Первое общее культурно-историческое осмысление специфики эпохи Руставели дал С. Додашвили, объясняя возникновение «золотого века» в Грузии успехами грузинской государственности и связями с Византией. П. Иоселиани также дал оценку творчеству Руставели на фоне мировой литературы и, предвосхитив современных исследователей, впервые указал на неоплатонические его основы.

К концу XIX в. Н. Я. Марр попытался объяснить происхождение грузинской светской литературы персидским влиянием. Тем самым Н. Я. Марр игнорировал тот факт, что

древнегрузинская литература, да и вся грузинская культура никогда не происходили из восточно-христианского культурно-исторического региона. Впоследствии Н. Я. Марр сам резко раскритиковал свою теорию. Опираясь отчасти на новую теорию Н. Я. Марра, П. Ингорквва попытался усмотреть основу происхождения грузинской светской литературы в возрождении дохристианских языческих традиций. Именно отсюда берет начало рассмотрение руставелевской эпохи по аналогии с европейским Возрождением: вместе с тем П. Ингорквва особую роль отводил ереси, а именно — манихеизму.

Совершенно с иной стороны подошел к указанной проблеме К. С. Кекелидзе. В 1933 году он выдвинул новую теорию: грузинская светская литература — «диалектическое развитие духовной словесности и закономерно проистекает от нее». К. С. Кекелидзе отдавал должное освоению персидских литературных и фольклорных традиций, наряду с оригинальной агиографией и гимнографией учитывал значение греческого агиографического романа (чему и посвящены несколько его специальных исследований).

Таким образом сложились две теории об истоках руставелевской эпохи: одна видит их в возрождении античности и влиянии ереси (П. Ингорквва), а другая, условно говоря, — эволюционная теория (К. С. Кекелидзе). Несмотря на имеющиеся противоречия между ними (а также и другими теориями), они по существу дополняют друг друга.

Все это легло в основу теории Ш. И. Нуцубидзе. Ренессанс для него не просто эволюция, это — возрождение античности, и не только языческой, а возрождение «античного наследия» в христианстве, каковым он считает «Ареопагитики». На самом деле основой Ренессанса являются мистические учения.

Словом, имевшая довольно длительную историю и разностороннее освещение проблема происхождения грузинской светской литературы создавала самую широкую основу для теории Ренессанса Ш. И. Нуцубидзе. Но теория Ш. И. Нуцубидзе отнюдь не простое подытоживание предыдущих исследований; это абсолютно новая культурно-историческая концепция и, тем самым, совершенно новая смысловая система.

Ш. И. Нуцубидзе считал ареопагитскую ересь главной теоретической формой выражения оппозиции феодализму. Он же на различных примерах показывает ареопагитские принципы иерархизма, как характерные для феодализма идеи, отра-

жающие самые различные стороны мировоззрения. В первую очередь именно «Ареопагитики» дали средневековой мысли грандиозный размах, в них нашел отражение переход от античности к средневековью.

Новая теория с самого начала вызвала горячие споры. Грузинские литературоведы выступили как за, так и против нее. Часть ученых, в принципе поддерживающих ее, отнеслись к ней тем не менее весьма сдержанно, и их соображения не получили особого теоретического углубления. Подобные колебания были преодолены в процессе постепенного приобщения к ренессансной типологии и других литератур. Здесь в первую очередь надо упомянуть исследования В. М. Жирмунского, В. К. Чалояна, имеющие целью показать, что «всеобщая культура Востока не только не исключает множества национальных культур, но как раз предполагает его».

И. С. Брагинский отказался от своих прежних, мы бы сказали, довольно обстоятельно аргументированных сомнений и предложил новые доводы в пользу Восточного (Среднеазиатского) Ренессанса.

Особенно расширил теорию Восточного Ренессанса Н. И. Конрад, превратив ее в концепцию всемирных перманентных Ренессансов. «Мировая литература гуманизма, — пишет он, — говорит об еще одной эпохе великой общности литературы. Начинает ее в VIII—IX веках Китай, продолжает в IX—XV веках Средняя Азия и Иран вместе с прилегающей частью Индии; заканчивает в XIV—XV веках Европа».

У Н. И. Конрада термин «Ренессанс», можно сказать, отчасти теряет свое первоначальное специфическое значение, превращаясь в понятие «прогресс», который у различных народов и в различных культурах проявляется в разные времена. По теории Н. И. Конрада, «возрождения» составляют единую цепь всеобщего развития, как продолжающие друг друга ступени. Поэтому эта концепция кажется слишком телеологичной и особенно тем, что Ренессансы начинаются в Китае и завершаются в Европе. Естественно возникают вопросы: почему то, что начиналось в Китае, должно завершиться в Ренессансе Италии, а скажем, не в барокко? Почему пришедший в Европу Ренессанс зародился в Китае, а не в Индии, или тем более в Персии? Не означает ли подобное движение Ренессансов то, что конечной целью китайского Возрождения следует признать итальянский Ренессанс?

В ходе движения Ренессансов Н. И. Конрад рассматривает «Витязя в барсовой шкуре» («Вепхисткаосани») в группе вос-

точно-мусульманских произведений. Здесь невольно ощущается влияние ранних взглядов Н. Я. Марра (которые он сам впоследствии подверг критике). Не вызывает никакого сомнения наличие элементов восточных литератур в поэме Руставели. Но они ограничиваются лишь тропикой и некоторыми конвенционными мотивами (гипертрофия чувствительности и т. п.). А по существу — по характеру художественного мышления, эстетического мировосприятия, по философскому мировоззрению, по своим источникам и, что главное, культурно-историческим запросам своей эпохи — «Вепхисткаосани» принадлежит к произведениям, носящим типологические черты западных литератур. И вообще вся древняя грузинская литература и философская мысль развивалась в ареале т. н. восточно-христианского культурно-исторического региона.

Тут требуется одно уточнение: когда Ш. И. Нуцубидзе писал о Восточном Ренессансе, он противопоставлял его европоцентризму (примечательно само заглавие его первой статьи — «Восточный Ренессанс и критика европоцентризма», 1941 г.), но это отнюдь не означало, что он относил «Вепхисткаосани» к восточно-мусульманскому литературному региону; в условиях западно-восточного синтеза творчество Руставели, считал он, оставалось в традиционном русле развития грузинской литературы.

Новые исследования в области теории и истории литератур показывают, что не филиция Ренессансов, зародившихся якобы то ли в Китае, то ли в Иране, то ли в Закавказье и распространившихся до берегов Атлантики, чтобы влиться в европейскую культуру, а типологическое сопоставление общих и специфических черт отдельных литератур более наглядно показывает всю сложность процесса создания всеобщей литературы. При этом каждое отдельное произведение, как «основная единица» литературы, не должно терять своего самодовлеющего значения и «растворяться» в общем литературном процессе, неправомерно оценивать его лишь по тому, насколько оно подготовило следующий этап развития.

Такие отличающиеся друг от друга произведения, как «Божественная комедия» и «Вепхисткаосани», проявляют близость даже в самых конкретных формах художественного мышления (А. К. Гацерелия показал общность художественной модели Неба у Данте и Руставели). При огромном отличии художественных миров они могут совпадать именно на ренессансной осно-

ве (например, весьма характерно неоплатоническое представление человеческой красоты в форме светской эстетики в образах Беатриче и Нестан; А. Ф. Лосев рассматривает светскую эстетику Данте, ссылаясь, в частности, на некоторые наблюдения Д. Зумбадзе об использовании в таких случаях «Ареопагитик»).

Ш. И. Нуцубидзе самым обстоятельным образом изучал проблемы «Ареопагитик», однако он проявил сугубо максималистскую позицию в своих квалификациях, и это дало повод А. Ф. Лосеву подчеркнуть, что «Ареопагитики» не пантеизм (ЭВ, 35), что «никакого материализма у Руставели не было, никаким еретиком он не был» (ЭВ, 31).

Ш. И. Нуцубидзе мог бы и не ошибиться, если бы не задался целью показать, что Ренессанс развивал лишь античное наследие ареопагитского учения, таким образом фактически отрицая, что неоплатонизм — лишь философская сторона этого учения, а не христианско-мистическая. А у Руставели развивается и модифицируется именно эта сторона, гораздо больше отвечающая новым культурно-историческим запросам. Это тем более неожиданно, что сам Ш. И. Нуцубидзе неоднократно указывал на связи Ренессанса со средневековьем.

К. С. Кекелидзе определял мировоззрение Руставели как библейский христианизм; свободный от церковных догм: **«он является прогрессивным мыслителем даже в сфере религии»**, не выказывая особой приверженности ни к какой вере, терпимо относится к любому учению (возникает весьма закономерный вопрос — не имел ли Руставели определенные представления о мировой религии известного ренессансного толка?).

Одним из основных источников «Вепхисткаосани» К. С. Кекелидзе считал «Ареопагитики», только в новом осмыслении, а не как лишь античное наследие.

Оригинальность Руставели, как мыслителя даже в сфере религии, была определена эстетизацией религии. Главная мера истинности у поэта — красота истины, то есть **«эстетическая мера»** (ЭВ, 101). Это внесло в его мировоззрение релятивизм и веротерпимость. Эстетизация мышления распространилась на самые значительные сферы христологии. Примечательно, что в эпоху Руставели в Грузии возникла весьма оригинальная «художественная идея» идеологического назначения, согласно которой царица Тамар признавалась четвертой ипостасью божества. Эстетизация мышления допускала возможность считать

царицу Тамар образно сопричастной святой троице. То, что в человеке было увидено божественное начало (по словам Ангела Силезийского, «человек в боге и бог в человеке»), это не ново, однако отождествление его со святой троицей было довольно смелой идеей. Но царица Тамар обожествлялась на основе ее человеческой природы, а не по общему божественному началу.

Так модифицировалась традиционная концепция теозиса. Эстетизацию мышления можно считать основным признаком ренессансного мироощущения.

Эстетизация мышления заново оживила идею красоты мысли. Она, безусловно, имела и свою «обратную сторону» — усиливала мистицизм, но тем не менее заметно углубилась познавательная установка личности; процесс познания обрел большую привлекательность, его относительность и беспредельность только усилили к нему интерес, отныне по мере возможности отвергается всякая схоластическая систематизация и мнимая упорядоченность. Эстетизация мышления разрушала схоластику, как бы создавая контрверзу для новой своей противоположности — научной систематизации. «Художественное мышление» отныне понимается не просто как «подражание», а как «воспроизведение», поэтому художник не просто ремесленник-подражатель, а «творец», продолжатель божественного творения.

Основой ренессансного мироощущения надо признать новое понимание учения о двойственной мудрости.

Широкое распространение в Грузии этого учения было обусловлено тем, что в эпоху Руставели она становится ареной соприкосновения самых различных философских течений. Освоение восточно-мусульманской культуры происходило в сфере эстетики (поэзии), а не философско-теологической. Тем не менее возникал вопрос о примирении с христианским мировоззрением большого интереса к персидской литературе. Представители грузинского Ренессанса решали этот вопрос «на деле» — художественной христианизацией поэтического мира персидской литературы (примечательно, что больший интерес они проявляли к эпическим произведениям, чем к персидской лирике, которая трудно поддавалась христианизации). Эстетизация мышления создавала большие возможности для западно-восточного синтеза, нашедшего выражение в самых различных сферах искусства эпохи Руставели.

Элгуджа ХИНТИБИДЗЕ

ВОСТОЧНЫЙ

РЕНЕССАНС

И

РУСТАВЕЛИ

В СОВЕТСКОМ литературоведении принято положение о том, что средневековые литературы непосредственно зависят от общего теологического мировоззрения. Когда мы говорим о русской или грузинской литературах, имеется в виду христианское мировоззрение. Русская и грузинская средневековые литературы были вовлечены в мировой процесс развития христианской литературы. «Восточное славянство, — пишет Д. С. Лихачев, — вступив на общий путь развития человечества в X и XI вв., завязав тесные связи с европейской литературой и не прерывая этих связей даже в самые тяжелые годы татаро-монгольского ига, неизбежно должно было вместе с Византией и южным славянством прийти к Предвозрождению»¹.

Аналогичный процесс происходил и в Грузии, начиная с V века, на протяжении всего раннего средневековья. Принятие Грузией диофизитства в начале VII века знаменовало прямую ориентацию на византийскую культуру и одновременно отход от нехристианского и монофизитского Востока. Грузинская культура через Визан-

---

¹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973, с. 79.

тию приобщается к мировой христианской мысли. Однако грузинские общественные деятели заботятся не о слиянии грузинской культуры с греческой, а о параллельном с ней развитии. Поэтому взаимоотношения грузинской и греческой литератур с самого начала приобретают характер соперничества. В дальнейшем это обстоятельство определило своеобразие литературного процесса в Грузии: усиление интереса к оригинальной литературе, создание национальной агиографии, коренные изменения в гимнографии. Грузинские гимнографы меняли содержание литературных сборников, переводимых с греческого. Они вносили в них оригинальные грузинские гимны и узаконивали их в литургической практике. Переводы с греческого, осуществленные в тот период, отличаются вольным отношением к оригиналу. К концу X века грузины создают крупный литературный центр в Греции, на Афоне. Представители Афонской литературной школы продолжили курс культурного соперничества с Византией. Благодаря их деятельности грузины получили возможность досконально изучить все памятники византийской литературы. Меняется переводческий метод: точность — обязательное требование к переводам сочинений святых отцов на грузинский язык. Всестороннее, глубокое освоение византийской литературы приобретает национальное значение и к XII веку в основном завершается.

На определенном уровне развития национальная литература, взаимодействуя с ведущими литературами эпохи, не только откликается на мировой процесс развития общественной и философской мысли, но и, будучи участницей этого процесса, способна влиять на него.

Начиная с XII века, грузинская общественная мысль получает самостоятельное развитие. Христианская культура и мышление в Грузии достигают той стадии развития, которую в истории средневековой культуры, пользуясь терминологией советских ученых, можно назвать Проторенессансом, или Предвозрождением. В этом отношении Грузия не является исключением. В настоящее время как советскими, так и зарубежными исследователями признано, что в христианской культуре средневековья происходило так называемое развитие традиций, внутреннее созревание перемены, органическая эволюция, знаменовавшие собой период, «не просто предшествовавший Ренессансу, но и внутренне подготовивший переворот, произо-

шедший во всех сферах духовной жизни сперва в Италии, а затем и в остальной Европе...»².

Чем был обусловлен этот новый этап развития грузинской общественно-философской мысли, который мы считаем возможным называть Проторенессансом?

Политическая и экономическая мощь Грузии XII века стимулировала процесс развития культуры, литературы и философии. Установившаяся в грузинском государстве социально-экономическая и политическая атмосфера — развитой феодализм (сюзеренно-вассальные отношения) и резкий подъем торговли и ремесел — всесторонне способствовали еще большшему прогрессу высокоразвитой грузинской христианской культуры и литературы.

Грузинская философия, освоив, продолжала прогрессивную линию Константинопольской академии, получившую развитие в Западной Европе. В этой академии воспитывались два крупнейших представителя грузинской философской мысли первой половины XII века. Этот «философский Ренессанс», как иногда условно называют направление, возникшее в Константинопольской академии во второй половине XI века, к концу XI века был подавлен реакционной политикой византийских кесарей и консервативными церковными кругами. В Грузии же это движение получило дальнейшее развитие.

Грузии были близки и доступны арабские культура и просвещение. С середины VII века постепенно укрепляется связь Восточной Грузии с арабским халифатом. Пятивековой тесный политико-экономический контакт с арабским миром обусловил то обстоятельство, что т. н. «мусульманский Ренессанс», сыгравший огромную роль в развитии европейской мысли, не прошел для Грузии незамеченным. Грузинская культура и литература XII века были тесно связаны с Востоком через персидскую литературу, которая, в отличие от христианской, всегда интересовалась героической и романтической тематикой.

Передовая грузинская общественность знакомилась с творениями классиков античной литературы. Грузинские авторы этого периода ссылаются на древнегреческих писателей и упоминают персонажи их произведений. В XI—XII веках в

---

² Хлодовский Р. Об итальянском историке литературы Витторе Бранке, его суждениях о Петрарке, Боккаччо, Полициано и о возможностях диалога между католиками и марксистами, «Иностранная литература», 1979, № 7, с. 225.

Грузии было создано несколько сборников афоризмов и сен-тенций из произведений греческих авторов.

И на этом этапе развития грузинской общественно-фило-софской и литературной мысли появляется Руставели как его закономерный итог. Явно гуманистический пафос поэмы Руста-вели «Вепхисткаосани» («Витязь в барсовой шкуре») позволил советскому литературоведу Ш. Нуцубидзе по аналогии с евро-пейским Ренессансом назвать мышление Руставели ренессанс-ным. Но, учитывая географические и национальные особен-ности Грузии, он, в противовес Западному Ренессансу, вводит термин «Восточный Ренессанс» и называет Руставели предста-вителем Восточного Ренессанса. Эта мысль проводится в кни-ге Ш. Нуцубидзе «Руставели и Восточный Ренессанс», из-данной в Тбилиси в 1947 году.

Идея Восточного Ренессанса оказалась перспективной, по-скольку ее трактовали как идею возрождения национальных культур. Н. И. Конрад распространил понятие Возрождения на Китай IX—XI веков и на Среднюю Азию XI—XII веков. В. К. Чалоян пишет книгу об армянском Ренессансе. В. М. Жирмун-ский выступил со специальной статьей об Алишере Навои как представителе Ренессанса в Средней Азии XV—XVI веков. Исследователи истории азербайджанской литературы пишут о раннем азербайджанском Ренессансе XII века.

Советское литературоведение разработало теорию миро-вого Возрождения. Говоря о Возрождении на Востоке, Н. И. Конрад пишет: «Разумеется, ни в коем случае нельзя полно-стью отождествлять все эти явления. Если условно именовать их «возрождением», то и «танское возрождение», и «средне-азиатское возрождение» имеют свои глубоко специфические черты, отличающие их друг от друга и каждое из них от «ев-ропейского Возрождения». Но вправе ли мы видеть только эти отличия, не обращая внимания на сходства, тем более, что эти сходства лежат в историческом существе явлений?» (Однако не все исследователи Восточного Ренессанса отличают этот Ренессанс от европейского Возрождения. Примечательно в этом отношении замечание А. А. Гаджиева, исследователя поэ-зии Низами Гянджеви: «Говоря о «Восточном Ренессансе», мы имеем в виду Ренессанс на Востоке, а не некий «восточный», специфический Ренессанс, принципиально отличный от европейского, Западного Ренессанса»). По теории Н. И. Кон-рада, мировое Возрождение является этапом мирового истори-

ческого процесса, идентичным мировой античности и мировому средневековью. «Античность, средневековье и Возрождение являются единой цепью культурных типов, связанной не только со сменой формаций, но и с законами развития культуры, при которых Возрождение наступает как обращение к античности, перекидывая мост к древности через промежуточный культурный тип — средневековье»³. Были сформулированы и наиболее общие черты Возрождения как такового, которые можно выразить традиционным тезисом «открытие человека». «Таким образом, Возрождение с присущей ему автономией человека, а также с учением о его самостоятельной и вполне естественной природе имело место вовсе не только в одной Европе», — пишет известный советский ученый А. Ф. Лосев, исследующий развитие философской и эстетической мысли в античной и ренессансной эпохах⁴.

Вернемся к творчеству Руставели. В первую очередь следует подчеркнуть, что, по нашему мнению, творчество Руставели принадлежит не к культуре эпохи Ренессанса, а средневековья, точнее — позднего средневековья. Некоторые исследователи предпочитают называть эту эпоху «Высоким» средневековьем, а другие — Проторенессансом или Ранним Ренессансом. Наша концепция о месте Руставели в истории средневекового мышления в советском литературоведении была принята положительно⁵. Однако в творчестве Руставели, как и во многих других проявлениях культуры, мировоззрения и художественного мышления позднего средневековья, мы видим элементы ренессансного мышления, так как позднее средне-

---

³ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков, с. 10.

⁴ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения, М., 1978, с. 17. В связи с этим, по нашему мнению, следует обратить внимание на одно замечание Н. И. Конрада: «...наименованием такой эпохи, действительно всеобщим, пригодным для любой страны, где эта эпоха была, является, вероятно, не «Ренессанс», а «гуманизм». (Н. И. Конрад. Избранные труды, литература и театр. М. 1978, с. 413).

⁵ Мелетинский Е. М. «Связывая Руставели и его предшественников с европейской культурой его времени, оплодотворенной дополнительно арабским и персидским влиянием, Э. Г. Хинтибидзе стоит ближе к истине, чем Ш. Нуцубидзе с его «Восточным Ренессансом». (Средневековый роман, М., 1983, с. 218).

вековье — переходный этап от средневековья к Ренессансу, чему, по нашему мнению, не уделяют должного внимания некоторые медиэвисты.

Ренессансный элемент в мировоззрении Руставели привел к возникновению и развитию теории Восточного Ренессанса в советском литературоведении. Какое место занимает в этой теории Руставели? На этот вопрос прямо отвечает Н. И. Конрад: «Ответить на вопрос о месте поэмы Руставели в истории мировой литературы — значит прежде всего назвать ряд, в котором она помещается. Мне кажется, что этот ряд таков: «Шахнаме» Фирдоуси (XI в.), «Вис и Рамин» Гургани (XI в.), «Хосров и Ширин» и «Лейли и Меджнун» Низами (XII в.), «Фархад и Ширин» и «Лейли и Меджнун» Навои (XV в.), «Неистовый Роланд» Ариосто (XVI в.), «Освобожденный Иерусалим» Тассо (XVI в.). Относясь к XII веку, «Витязь в барсовой шкуре» занимает в этом ряду хронологически среднее место — вместе с указанными произведениями Низами, но несколько позднее их, так как в эпоху создания «Витязя» они уже существовали».

Таким образом, тип мышления Руставели объявляется близким Восточному Ренессансу, и поэма оказывается в одном ряду с произведениями Фирдоуси, Гургани, Низами и Навои: после Низами (XII в.) и до Навои (XV в.). Н. И. Конрад рассматривает этот ряд диалектически: «Не выходя из этого ряда, мы проходим по XI, XII, XV и XVI вв.; переходим из Ирана в Азербайджан, оттуда — в Грузию, из нее — в Среднюю Азию, а затем — в Италию».

Н. И. Конрад разъясняет, что суть принадлежности поэмы Руставели Восточному Ренессансу состоит не только в ее близости к восточному миру по времени и географическим признакам. «Поскольку важнейшие признаки, характерные для поэмы Руставели, — говорит исследователь, — вполне приложимы и к поэмам Низами и Навои, постольку и они должны быть отнесены к тому же Восточному Ренессансу. ...Под «Восточным Ренессансом» же в этом случае разумеют те особые — «ренессансные» — явления в общественной мысли, культуре и литературе, которые развернулись в X—XV вв. у народов Среднего Востока: Ирана, Северо-Западной Индии, Средней Азии и Закавказья».

Подытоживая представление теоретиков «Восточного Ренессанса» о поэме Руставели «Вепхисткаосани», можно сделать

вывод: Руставели отделяется от европейского Ренессанса и объявляется восточным явлением как по пространственно-временным признакам, так и по типу мышления.

Данная теория, по нашему мнению, создает ошибочное представление о творчестве Руставели. Во-первых, как было сказано выше, в Грузии XII века византийская христианская мысль была возведена на новую ступень развития и развивалась в том же направлении, что и христианская мысль Европы позднего средневековья — это был сплав антики и христианства, подход к принципиальным проблемам христианского мира с позиций античной греческой философии. Руставели явился выразителем и продолжателем именно этого направления в развитии передовой грузинской общественно-философской мысли. Учитывая общепризнанный тезис, что средневековые литературы обнаруживают непосредственную зависимость от теологического мировоззрения, было бы серьезной ошибкой отделять творчество Руставели от грузинской средневековой христианской мысли, отрывать его мировоззрение от идеологического и культурного развития Грузии, общественно-философской мысли эпохи и страны, в которой он жил и творил, и объединять его с представителями другого мира — нехристианского Востока.

Во-вторых, и это главное, мировоззренческая проблематика Руставели есть проблематика прогрессивного христианского мышления позднего средневековья, которое в дальнейшем в Европе переросло в ренессансное мышление.

Суждение о творчестве Руставели следует начинать с того, что оно, как и вся светская грузинская литература XII века, является своеобразным синтезом восточных и западных культурно-мировоззренческих течений, осуществившимся на базе многовекового развития национальной грузинской литературы. Что есть восточного в творчестве Руставели? Это, в первую очередь, география поэмы «Вепхисткаосани», собственные имена героев, термины астрологические, медицинские, военные, ювелирные, авторское знание восточной литературы, отраженное в художественном стиле. Но мировоззренческая основа поэмы Руставели, основные общественно-политические и этические взгляды автора — национально-грузинского и общехристианского характера с влиянием антично-греческой философии. И к антично-греческому, и к восточному миру Руставели подходит с национальной и общехристианской платформы. Именно этим обусловлены ренессансные элементы его творчества, поэтому ренессансный элемент, проявляющийся в мировоззре-

нии Руставели, явление того же порядка, что имело место в Европе XIII—XV вв. Ренессансные импульсы и характер мировоззрения Руставели определяются теми же признаками, которые были характерны для европейского ренессансного мышления, что никак нельзя сказать о великих восточных поэтах — Фирдоуси, Гургани, Низами, Навои. Это — вовлечение в христианское мировоззрение античной греческой философии, индифферентизм по отношению к христианскому догматизму и аскетизму и упор на античный идеал человека. То, что типы ренессансного культурно-мировоззренческого движения следует разграничить и с точки зрения вероисповедания, замечено и исследователями Восточного Ренессанса: «Необходимо учитывать, что в истории мировой культуры был не один, а по крайней мере три исторических типа ренессансного культурно-мировоззренческого движения. На Западе (т. е. прежде всего в Европе) ренессансное движение явилось процессом социально-духовного раскрепощения от христианского мировоззрения; на Ближнем Востоке (в арабоязычных, персоязычных, тюркоязычных странах) — от исламского мировоззрения; на Дальнем Востоке (в Индии, Китае, Японии и других странах) — от буддийского мировоззрения». (А. А. Гаджиев. Ренессанс и поэзия Низами Гянджеви, с. 146—147). Мировоззрение Руставели, как и мировоззрение деятелей эпохи раннего Ренессанса в Европе, вытекает по существу из трех источников — христианской литературы, логико-метафизического мышления Аристотеля и неоплатонической, в частности ареопагитской, философии. Восточное влияние на мировоззрение Руставели и его творчество несомненно, но его можно считать лишь фактором, сыгравшим определенную роль для всего европейского мышления раннего Ренессанса.

Мировоззрение Руставели как органическая часть и закономерный итог многовекового развития грузинской мысли имеет типологическое родство с европейским мышлением позднего средневековья. Ренессансный элемент в творчестве Руставели — общеевропейского и христианского типа. Его можно назвать восточным лишь по географическому признаку, по своей же сути мировоззрение Руставели носит типично общехристианский и, следовательно, западный характер.

◆

Солнце величаво
растворяет врата
Вселенной.

Солнце — главный символ поэзии Гиви Дзnelадзе. Все у него связано с солнцем, все порождается им. С этим поэтическим символом связаны все остальные. Солнце здесь — не частица космоса, это — общая метафора, средство самовыражения личности, выражения внутреннего состояния поэта. Солнце — везде и во всем: начиная с вещественного мира и кончая духовной жизнью человека. Солнце — это жизнь: «Взгляни, как за белой рекой взрываются солнцем деревья»*; солнце — это радость: «Не досчиталось солнце высокого луча одного — моей радости!»; солнце — это любовь: «Когда лицо твое я вижу пред собой, на небе сотни солнц сияют — не одно»; солнце — это родина: «Горят, не гаснут у меня в груди жаркое солнце твое и луна»; солнце — это человек: «Слившись в одно, человеческий свет солнцем восходит на небе»; солнце — это бессмертие: «Закатное солнце лучами окутало гроб и, подняв его, унесло в бесконечность»; солнце — это бренность всего сущего: «Рассвет

Лери АЛИМОНАКИ

СОЛНЦЕ,
СОЛНЦЕ,
СОЛНЦЕ...

---

* Здесь и далее переводы стихов подстрочные.

настанет, и еще раз солнце страницу черную из книги жизни вырвет»; солнце — это красота: «В пустынное небо брызнуло солнце и осветило мрачную бездну»; солнце — цвета и звуки, судьба и благо. Солнце — божественное спокойствие, символ красоты мира. Спокойствие — не как покой и неподвижность, а как изначальное единство мироздания. Как всемогущество создателя, как сама жизнь во всех ее проявлениях. Но солнце — не только жизнь, это и смерть, как восход и закат. Поэтому смерть — неотъемлемый, органический компонент поэтических символов, образующих солнечный круг. В поэзии Гиви Дзнеладзе жизнь и смерть всегда рядом, всегда неразлучны, как дети одной матери.

Предметы, явления, слова, духовные потребности человека (в том числе и поэзия) при длительном воздействии на сознание неизбежно утрачивают свою первожданность — становятся статичными, одноцветными, безликими. Однако достаточно незначительного толчка (внешнего или внутреннего), какого-то изменения в познании мира, чтобы те же предметы и явления (в том числе и поэзия) снова обрели свой первожденный облик, заиграли свежими и яркими красками. Отношение человека к миру постоянно меняется, тем более если это отношение — поэтическое. «Солнце величаво растворяет врата Вселенной». Это не просто поэтически-метафорическая картина природы. Здесь все иное — и солнце, и переживание мира. А точнее — подлинное, подлинное солнце и подлинное переживание (подлинность, постигаемая интуицией). Здесь главное не слова, а то, что кроется за ними, не что и как говорится, а почему говорится. Разница достаточно существенная! И если читать стихи Гиви Дзнеладзе с позиций этого самого «почему», с глаз спадает пелена и открывается возможность проникновения в глубинные пласты поэзии. В одном стихотворении поэт говорит: «Нам так привычно это солнце, нам так привычно это небо, земля и воздух, пламя и вода... Словно все так, как быть должно, и ясно все как божий день». Однако попробуем взглянуть на все эти явления глазами вечности, и у нас тотчас же возникнут вопросы — простые и сложные в этой своей простоте: а что такое солнце? что такое вода, пространство, время? И, задумавшись над этими вопросами, мы уже не сможем воспринимать природу по-старому. Псевдо-Лонгин в своем трактате «К возвышенному» пишет: чем больше равнодушия проявляют люди ко всему обыденному, повседневому и даже необходимому для их существования, тем сильнее поражает их все необычное и неожидан-

ное. Так возникает обычное и необычное восприятие мира. Поэзия дарует нам способность к необычному восприятию. Приобщает нас к нему и поэзия Гиви Дзnelадзе.

За художественным произведением стоит личность, человек с его нравственностью, миропониманием, психикой, поведением, общественным и религиозным сознанием. Со всей его жизнью. Гиви Дзnelадзе — человек с развитым нравственным чувством, остро ощущающий внутреннюю свободу, ибо эта свобода — неотъемлемое свойство его личностной структуры. Он сторонится повседневности, сковывающей личность и угнетающей ее. Пытается вырваться из плена времени и узких социальных ограничений, хотя его поэзия, как, впрочем, и любая другая, по самой своей сути — социальна (в широком смысле этого слова). Это кажущееся несоответствие — скорее скрытое единство, нежели противоположность. Поэта волнует иное. Это волнение человека, живущего в суматошном и шумном современном городе. Поэтому он стремится к безграничным просторам и бесконечным измерениям, проникнутым величавым спокойствием поэзии и свободным от материальности. Материальная действительность — лишь психологический толчок к разрушению границ зримого мира и приближению к границам мира незримого, нерукотворного, мира поэзии.

Каждое стихотворение Гиви Дзnelадзе по своему внешнему и внутреннему строению — это живой организм, живое существо, наделенное двойным смыслом — внешним и внутренним. Первый мы видим и понимаем, второй — чувствуем и постигаем. Внешний смысл — лишь средство прочтения внутреннего. Внутренний же постигается не разумом, а душой. Это тайный процесс усвоения поэзии. Вот почему здесь самое важное: не сочетания слов, а поэтическое отношение к миру (а ведь мы так привыкли к тому, что над нами довлечет содержание, что подчас, довольствуясь передачей мысли, упускаем главное — радость живого приобщения к поэзии). Поэзия Гиви Дзnelадзе привлекает не столько безупречностью художественного стиля, сколько собственным отношением к миру. И стихи его — не самоцель, а жизненная необходимость, выводы, к которым приводит человека нелегкий путь познания. Простая, на первый взгляд, мысль облекается в единственно возможную форму, и стих обретает истинное звучание. Это и есть мгновения поэтической радости («Знакома поэзии радость нежданная, взлету подобная» — Теренти Гранели). И мгновения эти вызваны не рождением слова, они сродни внезапному озарению, озарению человеческой радостью. Они не уместаются в рамках слова, но

запоминаются и порождают желание их художественного воплощения, или хотя бы попытки такого воплощения. Поэтому все прочувствованное и продуманное отходит к прошлому. «Минуты были — я землю держал на плечах, мгновенья были — сам исчезал с лица земли, срывал с небес созревшие слова и чувствовал тепло, которым та земля из недр своих дышала мне в лицо».

Поэзия обладает редким свойством — переживание как таковое, или поэтическая мысль, возникает не во время чтения, а после него. Поэзия начинается там, где кончается предметная сторона стихотворения. Стихи Гиви Дзнеладзе исчезают в своей физической сущности, остается бестелесное пространство. В этом пространстве почти невозможно коснуться чего-либо рукой, поскольку предмет существует в нем не как материя, а как сплетение цветов и звуков.

Солнце вынашивает и порождает жизнь. Поэтому и в поэзии Гиви Дзнеладзе солнце — вечный символ жизни. Его стихи проникнуты энергией солнца, дарующего жизнь всему живому. Поэт стремится к некоему нравственно-этическому единству физического и духовного и находит воплощение этого единства в жизни. Единственный путь, который человек обязан пройти безошибок, — это путь жизни. Только перед ее силой отступает зло существования. Однако жизнь — не только животная радость бытия, но и нечто большее, космическое, проявляющееся и в том, что дар, ниспосланный поэту свыше, претворяется в его душе в новый мощный источник света. Человек умирает, оставшийся в живых смеется. И в этом нет ничего удивительного! Жизнь — вечный праздник бытия, у нее свои законы. Мальчик подбил птицу. Одной жизнью стало меньше на земле. Но остались тысячи других, и эти другие поют хвалу жизни. Жизнь продолжается, жизнь бесконечна («И вновь я видел леса, ручьи и звезды, и вновь внимал веселых пташек щебетанью!»).

Когда читаешь стихи Гиви Дзнеладзе, возникает иллюзия, будто вдруг оказался в вечнозеленой райской стране, где все озарено ярким светом. Гиви Дзнеладзе отличает собственное ощущение цвета: это сочетание белого и солнечного, включающее все остальные цвета и создающее некий «немеркнущий свет», как выражение духовного мира поэта.

О чем бы ни писал Гиви Дзнеладзе, в его отношении к миру всегда ощущаются благодарное и простодушное удивление, бла-

городство и детская непосредственность восприятия. В его душе уживаются радость жизни и ее тягость — тягость солнца, красоты земли, печаль жизни и печаль смерти. Одно и то же солнце и радует и печалит сердце:

Рассвет настанет, и еще раз солнце
Страницу черную из книги жизни вывет,
На зеленой траве светлый луч заиграет,
И поля превратятся в сплошные ковры...

Смерть — естественное проявление жизни. Она сопричастна жизни и познается только через жизнь: «Пою бесконечность жизни, но подразумеваю смерть». Смерть в силу самой своей сущности незрима. Зрима жизнь, самопорождающая смерть. Эта истина — основа основ поэтического и личностного существования Гиви Дзнеладзе. Однако здесь возникает вопрос: как понимается смерть художественным воображением поэта — как явление патологическое, как страх перед неизбежностью или как одно из проявлений жизни, как высший закон бытия?! Поэт преодолел страх перед смертью, преодолел потому, что ничего не знает о ней (или не хочет знать). Преодоление человеческой слабости, торжество жизни, прошлое и будущее — эти линии органически сливаются в стихотворении «О жизни человеческой». В стихотворении находит выражение внутренняя, духовная жизнь поэта, та жизнь, которую он прожил на пути познания. «В один прекрасный день, когда поймешь, что должен этот мир покинуть, что сделаешь тогда? Ужель душа мученье это вынесет вторично? И разве лучше обновлять печаль — забытую, утихшую?! И сколько раз переносить страданье сердцу и испуг душе — чтобы привыкнуть наконец с бесстрашием воспринимать судьбу!.. Что смерть! — Твоя раба, коль скоро смело встретишь у порога! Ты человек тогда, когда со смертью борешься и побеждаешь! — Нет, не снести вторично! — Нет, не хочу пройти еще раз уже пройденный мною путь: и хорошо, что прошлому возврата нет!»

Поэт отождествляет жизнь и смерть. Приобщает смерть к бессмертию («Закатное солнце лучами окутало гроб и, подняв его, унесло в бесконечность»). Не вызывает сомнений, что для поэта существует неизбежность смерти, как существует и определенный страх перед этой неотвратимостью. Однако образ смерти не относится к числу действенных. Смерть в поэзии Гиви Дзнеладзе — это не зло как таковое, а лишь пре-

достережение («Ошибается тот, кто смерти не ждет от мгновенья»):

Наступит полдень, а за ним закат,
И с грохотом промчится день очередной!
Еще одну страницу белую из книги жизни вырвет...
Наступит новый день, но он, тот человек, придет
ли снова?!

Возможно, не отпустит ночь его, и...
Горе и печаль покроют все вокруг...

Человек не должен забывать, что он смертен, а посему не должен делать зло в течение своей короткой жизни. Жить надо во имя любви к ближнему. Любовь — высшее благо, основа человеческого существования.

В поэзии Гиви Дзнеладзе любовь осмыслена как детище самой жизни, как нечто неотъемлемое от жизни. Любовь — небесное сияние, отделяющее жизнь от смерти и придающее истинный смысл человеческому существованию. Любовь — воспарение духа, руставелевский символ возвышения души:

Всё на своих местах,
Когда твое лицо я вижу пред собой,
На небе сотни солнц сияют — не одно,
И озарен я ими, как поэма Руставели!..

Любовь — не как миджнурство, а как сноп света, как закон существования человечества. Любовь — как сила, организующая и упорядочивающая хаос, как торжество добра над злом («И ночь, и мрак ее исполнены покоя, все девять райских врат открыты предо мной»).

Иногда любовь до поры до времени дремлет в человеке. Однако достаточно самого незначительного толчка, чтобы любовь проснулась и превратилась из любви к женщине в любовь к миру, во всепобеждающую силу добра. Любовь — сила, высшее проявление жизни:

О час рассвета, — душа взорвавшегося утром мира,
Впусти поющие лучи в мое окно.
О жизнь, песнь начинающая по весне,
Огонь в моей груди ты охлади деревьев влажными
листами.

Лери Алимонаки. Солнце, солнце, солнце...

Любовь — незрима и вечна («Невидима ты взору, зато душа тебя повсюду ищет»). Любовь для поэта — не просто удовлетворение духовной потребности, но и условие познания и гимн поэзии: «Так нежданно любовью заполнило сердце, и с любовью сладчайшая песнь зазвучала». Любовь — это радость и мука, это ощущение непобедимости, неиссякаемый источник счастья. Любовь — это символ всего прекрасного: «И все же ты — солнце, ты — солнце дневного начала!»

Так же как существует боязнь воды, огня, высоты, есть и страх перед жизнью. Этот страх в основном присущ нищим духом. К каким только ухищрениям ни прибегают они ради самосохранения. Именно о таких говорит мудрец Платон: в сражении нередко бывает возможность остаться в живых — для этого надо всего лишь бросить оружие и кинуться в ноги врагу. Существует и много других способов избежать опасности и сохранить себе жизнь, но для этого надо забыть о чести и совести.

Беда в том, что большинство таких людей живет под личной порядочных. Поэтому они опасны вдвойне. Эти люди по самой своей сути — лишь сторонние наблюдатели или временщики. Им не под силу бремя гражданственности.

Гиви Дзнеладзе также ведом страх, страх перед нравственным падением и перерождением человека. Чем сильнее давит на поэта жизнь, тем неодолимее его стремление к человечности. Если душа, отведавшая яда, способна почувствовать приход весны, ей не страшна никакая скверна.

В поэзии Гиви Дзнеладзе жизнь, любовь и человек — понятия неразделимые. Сила жизни и любви познается только человеком со щедрым сердцем. Человек — венец творения: «Может статься, ходить по земле — это чудо!.. Человек! Человеком назвали мы сами себя или кто-то другой?! Зовемся людьми, а быть может, мы большее что-то!..» За этими строками стоит личность, для которой жизнь и человек нерасчленимы во времени и пространстве («Вокруг — все целостность и полнота»). С детским изумлением взирает поэт на мир, предстающий перед его глазами. В самом обычном предмете он видит чудо. Это возвышает его душу и претворяется в сверхчувственную любовь к ближнему, в сопереживание ему: «Как жажду я, чтоб в гости друг зашел! Зажжем камин и, глядя на огонь, в воспоминанья пустимся о прошлом». Бытие и небытие, вечность и мимолетность осмысляются поэтом в неразрывной связи с человеком. Жизнь и смерть! В этом единстве противоположностей побеждает поэзия. И побеждает

потому, что поэту удалось познать их в целостности. Человеческое существование для него — чудо, тем самым утверждается непреходящий смысл человеческого бытия. Вот почему поэт говорит: «Так давайте ж мечтать о грядущем... Ведь мечтать о грядущем так сладко. И как горько по пальцам пересчитывать остаток дней своих...»

Гиви Дзнеладзе всем своим существом сливается с природой. И слияние это — не искусственное, не нарочитое, а естественное и органичное, в результате которого достигается равновесие между бесконечностью Вселенной и духовным величием человека, когда природа не подавляет, а возвышает его, преисполняет веры. В этой приобщенности к природе растворяется время, стирается грань между мгновением и вечностью. Со смертью жизнь человека не обрывается. Это бесконечный процесс обретения бессмертия: «Над вершиной бесчисленных гор проплыву облаками и, в ущелья низринувшись, грохотом их оглушу... Я рекой потеку на лучом озаренное поле... Кровью вольюсь в утомленные корни деревьев и прохладой овею полуденный зной...» То же переживание мира проявляется в «Балладе о бессмертии». Это стихотворение о Бараташвили звучит как гимн торжеству жизни и бессмертия человека. Бессмертия Бараташвили, не как поэта, а именно как человека, которого обессмертила смерть («Смертию смерть поправ»): «И на руках бессмертья Бараташвили испустил последний вздох».

Внутренний ритм стихотворения — динамичен, художественная мысль — метафорична, содержание его преодолевает узкие рамки времени и пространства и превращается в обобщенную картину человеческого бытия. Жизнь не распределена во времени, а воплощена в человеке:

Крупные, как серьги, слезы
Льются на синюю гриву Мерани...
Это плачут земля и небо,
Это — смерть!..
Мчится Мерани,
И снова пространство окутали сумерки;
Содрогается ночь
У храма мятущихся душ...
В непроходимой чаще мчится неутомимый Мерани,
Следы копыт -- как от прыжка оленя.

Лери Алимонаки. Солнце, солнце, солнце...

«Солнце, явьсь!» —

И слышался скрежет,

Будто сломались все девять замков...

Студеный воздух объяло пламя —

С неба струится божественное тепло!..

Деление лирической поэзии по темам более чем условно. Условно постольку, поскольку поэт познает предметы и явления через посредство единых овеществленных образов. Не составляет исключения и поэзия Гиви Дзnelадзе. В стихотворениях о родине у него не только родина; в стихах о женщине — не только любовь; в стихах о жизни — не только жизнь, равно как в стихах с смерти — не только смерть. О чем бы ни писал поэт, все соотносится с многообразием жизни и ее основной сущностью — человеком. Он — смысл мира, его творец:

Встав на облака,

Человек достал руками звезды;

В своем величии он

Превосходит небо и землю.

В приведенных строках человек осмысливается не как ограниченное определенными социально-историческими рамками существо, а как нечто вечное — вневременное и всевременное (личность надсоциальная), отличающееся благородством устремлений, служащее высоким идеалам, недостижимое для житейской суеты, очищенное любовью к ближнему («Вдруг увидел я грустного человека, потемнело вокруг, и в его печали угасла моя радость»). Человек — существо самобытное и свободное, страстями его управляют не внешние силы, а внутренний нравственный кодекс, пронизательный, творческий разум. Человек — существо богоравное: «Не надо деления на три: время едино, только одно. О, как похожи, как схожи друг с другом человек и всевышний!.. Великая сила присуща грядущему: настоящее наше в прошлое нас обращает; подняв руку, всевышний изрек: — время едино, целостно, полно! И то, что сейчас называешь ты прошлым, то было вчера настоящим — ясным как день... Все условно на этой земле, кроме человека. Человек — бог! Не надо деления на три: время едино, одно! И кто уверует в это навеки — тот человек и бог в то же время!..»

Спартанский царь Леонид выступил против многотысяч

ного персидского войска всего с тремястами воинов. К нему подошел пастух-грек и предложил свои услуги. Леонид обратился к свите: у Ксеркса — воины, а у нас — греки. В этих словах заключен глубокий смысл, каждый преданный сын отечества должен носить их в сердце своем как завет. В стихах Гиви Дзnelадзе Грузия и грузины — имена неразделимые и священные. Родина для него — не отвлеченное понятие, это — жертвенник, алтарь, это как жизнь, как смысл человеческого бытия, как смерть, как средоточие всех возвышенных чувств («О родина, ты жизнь моя и совершенство красоты»). Родина и смерть — сопоставление достаточно редкое и непривычное:

О смерти думая, грущу не потому,
Что больше мне не пить воды или вина,
Не потому, что пеешь в дороге мне не затынуть,
Не потому, что милую не обнимать,
Не потому, что из окна вагона
У Мцхет не видеть бурную Куру.
Грущу о том, что родину не прославлять в стихах,
Грущу о том, что, стосковавшись по тебе в разлуке,
Тебя не видеть мне, о родина моя!
Так понимаю я печаль и скорбь.
Так понимаю и любовь.
И я молю тебя — не осуждай
За этот стон души!

Нередко писать о родине становится не только потребностью, но и привычкой. В таких случаях исчезает какая бы то ни было зависимость, хотя бы по той простой причине, что родина осмысливается как внешняя, умопостигаемая реальность, без внутреннего осознания и вчувствования. Для Гиви Дзnelадзе родина — это внутренняя жизнь, нечто сокровенное, закон существования, святая святых. Когда думаешь о родине, «гонишь от сердца печаль, гонишь и мысли о смерти... Мечтой легко устремляешься ввысь, в озаренную солнцем небесную синь». Грузия переживается поэтом зримо, ощутимо и образно. Именно по отношению к родине получают осмысление и смертность человека, и извечность мира. Гиви Дзnelадзе не просто выражает свою любовь к родине — он всегда облакает это чувство в покровы бессмертия:

Лери Алимонаки. Солнце, солнце, солнце...

Смертен я, ты же — бессмертна! —
И счастлив я этим, отчизна моя!..

Сын смертный матери бессмертной —
И в смертный час молиться буду за тебя!..

Если мир вечен и человечество бессмертно, вечна и родина. Она не имеет ни начала, ни конца, так же как время и пространство. Родина и жизнь — понятия равнозначные: «Ты — жизнь моя и радость бытия». Для поэта Грузия — основа основ проявления жизни и познания мира. Какой непостижимой нежностью пронизаны эти проникновенные строки:

Земля родная! Как часто я, твой сын, тебя,
Как мать свою родную,
Брал бережно на руки
И с грустной радостью слезами орошал твое лицо.

Творчество Гиви Дзnelадзе — еще одно подтверждение того, что грузинские поэты хранят и развивают богатейшие традиции грузинской поэзии.

НИКО Пиросмани прожил прекрасную и страшную жизнь. Он был феноменально одарен от природы, но, не получив никакого образования, оказался на положении «духанного художника», который жил случайными заработками, исполняя картины и вывески для трактирщиков и других частных заказчиков. Платили художнику весьма скупое, нередко «натурой» — едой, вином, к которому он очень пристрастился.

Но работал Пиросмани с искренним увлечением и страстной самозабвенностью. Непутевый и рассеянный в быту, он был строг и сосредоточен в своем творчестве. Никакие внешние невзгоды не отражались на качестве его работ. Они были настолько своеобразны и яркоталантливо, что привлекли внимание художников — профессионалов и любителей искусства, которые называли Пиросмани «грузинским Джотто». О нем стали писать, некоторые картины мастера попали на «большие» выставки, но «культурное» общество тех времен не приняло самоучку, и он погиб, нищий и затравленный. Даже могила Нико Пиросмани затерялась.

Прошло много лет (годы жизни художника 1862—1918), прежде чем колоссальный талант грузинского самородка был понят и оценен по достоинству. Особенно помогли этому выставки в Москве, Тбилиси, Париже. Они поставили работы «духанного художника» в один ряд с наивысшими достижениями искусства XX столетия. Когда на знаменитых

Александр КАМЕНСКИЙ

ЧТО
И
КАК
ВИДЕЛ
НИКО
ПИРОСМАНИ?

выставках «Париж—Москва» (1979) и «Москва—Париж» (1981) были экспонированы картины Пиросмани, то они воспринимались на равных с шедеврами своей эпохи.

Литература о грузинском художнике к настоящему времени уже довольно обширна. Среди авторов, посвятивших ему книги, историко-научные очерки, эссе, — известные писатели, живописцы, историки искусства, критики (Тициан Табидзе, Константин Паустовский, Ладо Гудиашвили, Шалва Амиранашвили, Константин Симонов, Георгий Леонидзе, Кирилл Зданевич, Римма Канделаки, Эраст Кузнецов и другие).

Недавно «пиросмановедческая» библиотека пополнилась еще одной, причем чрезвычайно своеобразной книгой — повестью Гастона Буачидзе «Пиросмани, или Прогулка Оленя», которая выпущена в свет тбилиским издательством «Хеловнеба».

Автор книги — не искусствовед и не ставит перед собой узко-специальные научные задачи (хотя и соприкасается с некоторыми из них — об этом еще пойдет речь). Он хотел бы, по его словам, заново «прочитать» произведения Пиросмани, ибо, как говорится в авторском предисловии, «свойство художественного мира Пиросмани таково, что чем ближе знакомишься с ним, тем больше новых — подчас неподсозреваемых — сторон раскрывает он».

В отличие от явного большинства литераторов, писавших о гениальном грузинском самоучке, Г. Буачидзе не увлекается романтически-красочными деталями его

вдохновенной и горькой жизни. Напротив, вступительная часть книги, где сведены воедино факты биографии Пиросмани, представляет собой краткую и беглую хронику, в которой главное место уделено не отдельным деталям, а скорее чертам характера художника, его поэтической душе, бескорыстию, частому добровольному отшельничеству. Особый интерес в этом разделе книги представляет несколько неожиданный и как бы выбивающийся из хронологии (но в широком плане уместный и оправданный) обзор французской художественной критики о выставке Пиросмани в Париже через сорок лет после смерти мастера. Впервые в советской печати публикуются отзывы о «незнакомце из Грузии», принадлежащие перу Арагона — он долго изучал этого «незнакомца», приобрел одну из лучших его картин «Ночь на Арсенальной горе» и высказал ряд умозаключений, среди которых наиболее метким и глубоким представляется определение места Пиросмани в истории искусства и противопоставление его «примитиву» и «наиву». И еще одна «новость» в этой части книги Г. Буачидзе — знакомство с «воображаемым» портретом Пиросмани, сделанным Пабло Пикассо за несколько месяцев до смерти. Как полагает автор, в этом рисунке «момент творчества представлен начальный, богатый грядущим содержанием». Это мнение подкреплено острым и тонким анализом рисунка.

Для основной части своей книги Гастон Буачидзе избрал оригинальный жанро-

вый принцип. Текст состоит из десятков этюдов, иногда совсем крохотных, в один-два абзаца, порой несколько больших, но всякий раз остающихся в рамках эссеистской миниатюры. Разрозненные этюды объединены в главы («Сцены сельской жизни», «Сцены городской жизни», «История и современность» и т. д.), однако любой из них имеет и самостоятельное значение.

В главе «Письма к зрителю» автор задумывается над проблемой «слов» — надписей, подписей, включенных в изображения картинных композиций и вывесок фраз, фамилий, разноязычных буквенных обозначений, встречающихся у Пиросмани.

Проблема далеко не простая. Г. Буачидзе резонно замечает, что эти «слова» художника не только «сообщение», но и «украшение». Очень интересны наблюдения автора над тем, как меняется цвет букв в зависимости от общего характера образных задач; как сочетаются изобразительные и словесные детали; как вообще «выглядят» отдельные фразы в контексте различных картин (например, надпись «разбойник украл лошадь», по верному наблюдению автора книги, «ощетинилась», а слова в портрете актрисы Маргариты — «положены к ее ногам»).

Может быть, Г. Буачидзе стоило бы в этом случае от отдельных, очень метких и тонких наблюдений перейти и к обобщениям более широкого плана. Ведь, пожалуй, надписи в работах Пиросмани, кроме призывного (в вывесках), зрительно - орна-

ментального и декоративного назначения, выполняют еще и связную функцию между разными эстетическими уровнями картин. Г. Буачидзе по справедливости часто вспоминает об одном из замечательных натюрмортов мастера, в который включено (на русском и грузинском языках) патетическое восклицание: «Да здравствует хлебосольный человек!». Автор рассматривает написанные букв и приходит к выводу, что «Пиросмани не только вывешивает в буквах их преобладающее настроение, но и меняет их написание в зависимости от живописного контекста или же своего минутного настроения». Верное и тонкое наблюдение. Но не пойти ли еще дальше? Ведь никакого «хлебосольного человека» и вообще жанровых элементов в картине нет. Более того, тут нет и естественного сюжетного сцепления предметов. Детали пиршественной трапезы — кувшин, бутылка вина, шашлык, рыба и прочее — плывут в отвлеченном пространстве, медлительно и спокойно, движимые неспешным ритмом, будто бы они привиделись в счастливом сневидении. Хотя людей в композиции нет, она очень напоминает своим общим настроением и характером все иные «кутежи» и «пиры» грузинского живописца. Такое же благородное достоинство и изящество форм, то же ощущение праздничной гармонии жизни. Словом, предметы исполняют тут те же роли, что и люди. А надпись, прославляющая доброту человеческого сердца, неожиданным поворотом идеи помогает зрителю по-

нять глубину поэтического замысла картины и связывает нравственные качества людей («хлебосолюство») с красотой мира. Такого рода связь надписей и общего образного строя работ художника, очевидно, надобно толковать, исходя из далеких исторических параллелей со средневековым искусством, эстетика и поэтика которого бесспорно во многом была близка Пиросмани. Напомню, как трактует эту связь один из крупнейших советских знатоков литературы и искусства X—XV веков академик Дмитрий Лихачев: «Надо проникнуть в психологию и идеологию средневековья, чтобы понять во всей глубине эстетическое значение надписей в изобразительном искусстве средневековья. Слово выступало не только в своей звуковой сущности, но и в зрительном образе... надпись не только поясняла изображение — она становилась частью самого изображения» (Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979, с. 27—28).

Чрезвычайно примечательной особенностью книги Гастона Буачидзе является его стремление по-новому «читать» произведения Пиросмани, вживаться в них, словно бы перед глазами автора не условное живописное изображение, а непосредственные сцены жизни, на которые, однако, наведено волшебное обобщающее зеркало художественного восприятия, свойственного Пиросмани.

Конечно, такая методология не имеет ничего общего с традиционным — искусствоведческим суждением. Но этот чисто писательский под-

ход, во-первых, имеет свои оправдания и обоснования. В самом деле, ведь и абсолютное большинство зрителей воспринимает произведения живописи, скульптуры, графики именно на такой манер, и если литератор способен подобное восприятие запечатлеть достаточно гибко и живо, то тут как бы получает «звуковое оформление» вечный диалог между посетителями выставок, галерей, музеев и теми экспонатами, которые они там рассматривают (в данном случае — вещами Пиросмани).

А во-вторых, так как у Г. Буачидзе очень зоркий и образованный глаз (и — вне всякого сомнения — незаурядное литературное дарование, позволяющее точно и тонко выразить то, что он видит и ощущает), то он временами — может быть, несколько неожиданно для самого себя — приходит к наблюдениям и выводам, которые могут сделать честь любому искусствоведу с его испытанным (и, увы, тяжеловесным) аппаратом научно-теоретической аргументации.

Приведу один взятый наудачу пример — крохотный этюд «Кабан» по одной из картин Пиросмани:

«Короткий мрачный силуэт кабана комом застревает в отведенном ему стальном пространстве прямоугольника. Ершатся уши, из одной лишь кабаньей шерсти составленные. Кривое вытянувшееся рыло, напоминающее салог, упирается в передний край картины, а из приоткрытой пасти торчит клык. Мрак прорезают белые мази клыка и глаза.

Короткий хвост нелепо ви-

сит, отделившись от оголенного розового зада. Форма хвоста напоминает запрокинутый резец. Начало и конец изображения перекликаются, как начальная и конечная буквы надписей, но — в плане гротескном.

Кабан — живой, злобный и отталкивающий».

Что характерно для этого отрывка? Лаконичная и острая литературная форма. Абсолютное слияние реального жизненного прототипа и образной метафоры. Но кроме того — явное преобладание зрительного начала в авторской речи. Каждая фраза «видит», «рисует». И лишь финал представляет уже некое отвлечение от конкретно — непосредственного взглядывания в картину.

Это, так сказать, общий фон всей книги, стиль ее отношения к изобразительному материалу. Но иногда на этом фоне, как уже говорилось, прорываются и наблюдения, которые явственно смыкаются с характерными искусствоведческими концепциями и обобщениями. Вот, скажем, входящий в главу «Прогулка Оленя» этюд «На черной клеенке». Автор пишет, что «оголенность черной клеенки оказалась как нельзя более сродни самой природе пиросманиевской живописи», ибо «ощущение от красок такое, будто они сбросили с себя искусственные покрывала, чтобы на своем языке рассказать о себе самое откровенное. Каждый цвет взят как чисто и долго звучащая нота».

Это очень верные и глубокие наблюдения. Они затрагивают и стилистику, и общий характер живописи ма-

стера, где, как справедливо замечает Г. Буачидзе, «Черное создает драматизм письма... краски возникают из небытия, утверждаются над ним...»

Такая художественно — философская система, реализуемая Пиросмани с завораживающей силой, все же не им изобретена. Тут Г. Буачидзе стоило бы совершить некоторый исторический экскурс и установить истоки излюбленной живописной манеры героя его книги. Ведь характерная для Пиросмани работа на черной клеенке светлым по темному явно противостоит обычному для искусства Нового времени принципу писать темным по светлому. Первый из этих принципов характерен для живописи средневековья еще с византийских времен, встречается в грузинских фресках X—XVI веков. Отсюда он и перешел к Пиросмани. А ведь разница между приемами «темное на светлом» и «светлое на темном» не только цветовая. В первом случае создается аналогия обычным повседневным впечатлениям, которая тяготеет к иллюзорному воссозданию облика действительности; во втором сразу же возникает условная, абстрагированная среда. И вот в этой среде и действие происходит условное. У Пиросмани оно, как правило, праздничное. И не только потому, что таков излюбленный круг сюжетов живописца, украшавшего духаны с их вечными пиршествами. Ведь подобное душевное состояние трактовалось древней художественной традицией как единственно подходящее для воплощения в живописи или

литературе. Одно из прекраснейших качеств искусства Пиросмани в том и состоит, что он способен с такой убежденностью, как бы видя изображаемое воочию, показывать «праздник жизни». Так древняя традиция срastается с современным народно-праздничным мироощущением.

Обращение к историческим подосновам могло бы объяснить и некоторые другие загадки творчества Пиросмани, которые верно подмечает и над которыми задумывается Г. Буачидзе. Он пишет, например, что даже вполне повседневно - жанровые облики дворника, повара, носильщика в картинах Пиросмани — «казалось бы, по образу своих занятий являющиеся с конкретной средой — с атмосферой вокзала или с миром торговли, с жилым домом или кухней — на самом деле метафоризированы и мифизированы, перенесены в отвлеченный и извечный состав» (то есть, в данных случаях, на лоне природы). Также на этом лоне, замечает автор, представлена и актриса Маргарита, и огромное множество иных сцен, которые, казалось бы, вовсе не обязательно выносить на природу.

Верно. Очень верно! Но Г. Буачидзе мог бы продлить свои наблюдения и отметить еще такую «странность» искусства Нико: этот «духанный художник» никогда (абсолютно никогда!) не изображал помещений духанов, и все изображения пиршеств выносил на открытую природу. Почему? Очевидно, эту странность немислимо столкновать с точкой зрения привычных для

живописи нового времени норм и правил. Но поэтика средневекового искусства дает на этот счет весьма определенное разъяснение. Давно уже замечено, что в произведениях мастеров фрески, икон, миниатюр XII—XVII веков России, Грузии, Армении, некоторых славянских стран «все исторические события всегда изображаются снаружи зданий. Долгое время считалось, что древнерусские художники просто «не умели» изображать интерьеры. Это не так... Это происходит от особого видения художником всего происходящего в мире. Он видит все события в большом масштабе, как бы панорамным зрением. Охват живописцем пространства так велик, что изображать интерьеры было, конечно, невозможно» (Д. С. Лихачев. Ук. соч., с. 49).

Именно с этой мировоззренческой и художнической традицией связано неукоснительно - обязательно вынесение пиршеств на природу у Пиросмани. Употребление такого приема дает его композициям многозначный праздничный смысл. Они живут торжественным строем древних поэтических представлений («средневековая икона, даже самая драматичная по своему сюжету, не драма, а действо или праздник» — И. Е. Данилова. От средних веков к Возрождению. М., 1975, с. 35). Вместе с тем неизменное следование такому принципу — где праздник, там и живое, непосредственное природное окружение — получает актуальный для современности образный оттенок. Ведь при такой трактовке изображае-

мое застолье воспринимается не как сцена тихих радостей, развлечений узкого дружеского круга, более того, не как локальное, замкнутое событие. Происходящее тут соединено со всем миром, охватывается его частью и — обратной связью — отдает ему свои краски, свою праздничную музыку.

Все это, однако, не упреки, а скорее сильное развитие мыслей и наблюдений, высказанных в книге Г. Буачидзе. Она являет собой довольно редкий пример жизненно-литературной интуиции, проникающей в суть художественного изображения. Автор с увлеченностью погружается в мир картин Пиросмани и умным, тонким взглядом улавливает такие качества и оттенки искусства мастера (и его взаимоотношений с окружающей повседневностью), какие могут быть просто недоступны искусствоведам именно из-за их профессиональной односторонности и скованности, органического недостатка живого и сердечного ощущения жизни.

Не откажу себе в удовольствии привести в конце этой рецензии еще один отрывок из книги Г. Буачидзе, ее заключительные строки:

«Ступая по густой росистой траве, на ослепительной голубизне неба вырисовывается Олень. Зрелище величественное и упоительное.

Глиняную застылость иг-

рушки Олень сменил на прозрачный слой краски и, словно в забыти, скользит в благоуханном мире цветов. Олень несет всем радостное удивление. И для того, кому он привидится, меняется вкус вина и отбеливается белизна молока...

Пройдя Алазанскую долину и заснеженную Сибирь, услышав гул моря и звон колоколов, Олень вновь переведет дух возле куста прекрасных роз.

И тогда его увидят люди: давно родившиеся, но впервые узнавшие его, и те, которые родятся.

Хотя бы ненадолго их взгляд станет добрее при встрече с Оленем».

Тут есть многое от Пиросмани: сладостное упоение восточной притчи-легенды, богатство изобразительной палитры, простодушие чистого сердца, глубокая и всепобеждающая человечность. Литератор выступает в роли восхищенного и самозабвенного зрителя; поэт и художник тут встречаются и действуют совместно.

Вот почему книга Гастона Буачидзе о Нико Пиросмани приносит своему читателю много радости, позволяет увидеть по-новому, как то неожиданно, с острой, раскрывающей глаза зоркостью духовного зрения картины великого грузинского мастера, который по сути дела только приобщается к сонму бессмертных.

ПАМЯТНИК

ДРУЖБЫ

К СЛАВНОМУ юбилею Георгиевского договора издательство Тбилисского государственного университета более чем через 200 лет осуществило переиздание интересного литературного памятника, воплощающего многовековую дружбу русского и грузинского народов, — «Похождение новомодной красавицы Гуланданы и храброго принца Барамы». Эта книга была переведена с грузинской редакции персидского народного дастана (романа) «Барамгуландамиани» Семеном Егоровичем Игнатьевым (Эгнаташвили) и издана им в Петербурге на русском языке в 1773 году.

С. Эгнаташвили являлся потомком грузин, эмигрировавших в Россию со свитой Вахтанга VI. Родился он в Москве, отлично владел как грузинским, так и русским языками и служил переводчиком Коллегии иностранных дел, являлся известным литератором, оставившим заметный след в литературной жизни того времени, крупным политическим деятелем своей эпохи, одним из старейших сотрудников Московского университета.

«Похождение» — основное произведение С. Эгнаташвили — давно стало библиографической редкостью.

До нас дошло всего лишь два экземпляра, поэтому его переиздание представляет для нас особый интерес. Грузинские и русские ученые давно обратили внимание на это произведение и основательно изучили его. Первые его описали в своих трудах Е. Такайшвили, Д. Джанашвили, изучение продолжили К. Кекелидзе, Т. Рухадзе, П. Н. Берков, А. Гвахария, Н. Махатадзе и др. Настоящее переиздание книги осуществила М. Н. Инасаридзе, которая проделала огромную работу по подготовке текста, снабдила его предисловием и словарем. Редактором книги является профессор А. Гвахария. По мнению ученых, «Похождение» представляет собой значительный литературный факт в истории русских переводных повестей, подтверждением того, что восточные сюжеты проникали в русскую литературу и через грузинскую литературу.

В основу романа положен острый занимательный сюжет о том, как храбрый урумский принц Барам, увидев портрет прекрасной китайской принцессы Гуланданы, влюбился в нее и, пройдя через множество самых невероятных препятствий и приключений, совершив невиданные подвиги, добился ее взаимности, и они обрели счастье. Этот сюжет пользовался большой популярностью в Грузии, на что указывают дошедшие до нас около 40 рукописных списков и три лубочных издания романа на грузинском языке. До настоящего времени не установлен его переводчик с персидского на

грузинский язык, который, как видно, жил в начале XVII века и служил при дворе Вахтанга VI, по инициативе которого роман и был переведен. На обложке книги, изданной С. Эгнаташвили, указано: «Похождение... сочиненное Диларгетом секретарем Тифлиским», но, по мнению ученых, Диларгет — это имя не реально существовавшего в ту эпоху писателя, а литературного персонажа, который встречается в произведениях древнегрузинской литературы. Таким образом, указание С. Эгнаташвили на него, как на грузинского переводчика «Барамгуландамиани» — это мистификация в духе того времени.

С. Эгнаташвили в основу своего произведения положил расширенную редакцию грузинского текста, но по обычаям переводческой практики того времени осуществил «свободный» перевод, снабдив русский вариант сочиненными им многочисленными сказочно-романтическими подробностями.

В «Похождение» с целью лучшего ознакомления русского читателя с Грузией С. Эгнаташвили вносит множество грузинских историко-географических названий и терминов, дает целый пантеон грузинских святых и богов, объясняя их наименования в сносках, включает в текст образы из грузинской мифологии, использует в качестве источников «Описание царства Грузинского» Вахушти Багратиони, грузинскую версию «Караманиани», грузинские сказочные пове-

сти «Амирандареджаниани», «Русуданиани» и др. Впервые в этом произведении С. Эгнаташвили вводит в русскую литературу аллегорический любовный сюжет «Свечи и бабочки», который в дальнейшем неоднократно использовался во многих русских лирических произведениях.

В русском переводе, в отличие от грузинского, имеется обширная заключительная глава, целиком составленная С. Эгнаташвили по различным грузинским историческим, литературным и фольклорным источникам и органично включенная в текст. Кроме того, в русский вариант включены стихотворные вставки и 10 писем влюбленных друг к другу в стихах, которых нет в грузинской редакции. Эти стихи представляют определенный интерес с точки зрения русского стихосложения, они написаны в характерном для той эпохи классицистическом стиле. Во всем произведении С. Эгнаташвили господствует повествовательный сказочно-романтический и дух плутовского романа, описаниям и рассуждениям здесь отведено очень мало места.

Таким образом, С. Эгнаташвили является не столько переводчиком, сколько автором «Похождения». Книга получила высокую оценку критики того времени, в журнале «Телескоп» была помещена рецензия М. Макарова, в которой отмечалось, что она обогатила русскую художественную литературу.

Роксан АХВЕРДЯН

ГОРДОСТЬ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СООБЩЕНИЕ о кончине Михаила Александровича Шолохова меня потрясло. Его смерть — огромная потеря для всей советской и мировой литературы, для всех, кто его знал, а следовательно, глубоко уважал и любил — за выдающийся талант, за творческое горение, за принципиальность и за многие другие его достоинства человека, гражданина, интернационалиста, советского патриота, борца за лучшее в нас, людях.

Хорошо помню радостные дни, связанные с пребыванием Михаила Александровича Шолохова в Грузии. Простоту, обаяние великого писателя ощущал каждый, кто с ним общался. И нам дороги та теплота, та любовь и уважение, которые Михаил Александрович испытывал по отношению к Грузии, к грузинскому народу. Мы все хорошо запомнили его простые, искренние слова, когда он возвращался к себе в Вешенскую после своего первого приезда к нам в Грузию: «С грустью покинул вашу чудесную страну. Не так-то уж легко... оставлять то, что пришлось к сердцу впритирку. Но, покидая вас, я надеюсь на новую встречу».

Он знал наших писателей-классиков по отличным переводам, очень любил, например, переведенный Борисом Пастернаком «Синий цвет» Николоза Бараташвили. Хотелось бы привести его слова о грузинских песнях, которые он слушал очень внимательно, с большим удовольствием и интересом. «В ваших песнях слышен рокот ваших рек. Грузинский народ — гениальный композитор».

Не могу не сказать о Михаиле Александровиче как об общественном деятеле, который, поднимаясь на трибуну писательского съезда, сессии Верховного Совета СССР, высшего партийного форума — съезда, всегда умел удивительно точно сказать о том самом важном, что составляет смысл нашего существования.

Большого человека, великого писателя потеряли мы с кончиной Михаила Александровича Шолохова. Наша скорбь беспредельна.

Серго КЛДИАШВИЛИ

КНИГА О ТВОРЦЕ ДОНСКОЙ ИЛИАДЫ

К ОГДА речь идет о монографии «Эпос Шолохова», написанной известным ученым и общественным деятелем Грузии академиком Г. Джигладзе, в первую очередь следует иметь в виду удачные или менее удачные места книги, концептуальный подход к ней.

Дело в том, что в научных трудах, посвященных Шолохову, до сих пор не утихают споры о концепциях и проблемах его творчества. Авторы ссылаются друг на друга, полемизируют друг с другом. Г. Джигладзе избрал свой путь. Он остался наедине с собранием сочинений М. Шолохова и, забыв про все споры, дал свое толкование.

Подобный подход к материалу обусловил особенности монографии. Прежде всего

ее построения. Автор рассматривает произведения М. Шолохова в хронологической последовательности и последнюю главу посвящает личным встречам с М. Шолоховым в Грузии и станице Вешенской.

Следующая особенность — в оглавлении. Оно содержит последовательный перечень узловых эпизодов. Оглавление становится своего рода аннотацией к книге.

Рассматривая каждое произведение, ученый фиксирует свои мысли по поводу каждого эпизода, и они постепенно выливаются в стройную систему: восхождение писателя на вершины мастерства, основное произведение писателя — роман-эпопея о колхозной деревне, как итог художественных достижений предшественников и одновременно новый этап в литературе, отразивший перестройку деревни, оказавший решающее воздействие на развитие этой темы во всей советской литературе, в том числе и грузинской. «Судьба человека» — как рассказ-эпопея, который можно развернуть в большое художественное полотно. И наконец, роман о второй мировой войне — «Они сражались за Родину». Как видим, положения Г. Джигладзе согласуются с последними достижениями шолохововедения и носят общественный характер.

Появление столь объемного труда о Шолохове в Грузии — явление само по себе знаменательное. Книга издана на грузинском языке, т. е. рассчитана на широкую национальную аудиторию. Автор монографии — ученый, прекрасно знающий не

только творчество писателя, но и его самого лично.

Каковы научные и популяризаторские постулаты монографии? Или какому из них автор отдает предпочтение? По нашему мнению, налицо признаки обеих манер изложения. Автор **непринужденно, просто излагает свои мысли, подкрепленные** глубоким знанием жизни и творчества писателя.

Монография издана **прекрасно, большим тиражом**. Издателей можно упрекнуть только за отсутствие иллюстраций. Ни портрета писателя, ни снимков о пребывании М. Шолохова в Грузии или грузинских деятелей в Вешенской, хотя известно, что лучше один раз увидеть, чем много раз **прочсть**.

Последняя глава книги — рассказ о взаимоотношениях писателя с нашей республикой, — на наш взгляд, могла быть более объемной. Ведь М. Шолохова знала почти вся Грузия, он приезжал сюда по приглашению газеты «Комунисти» и со многими грузинскими деятелями находился в дружеских отношениях.

Принятая за основу манера рассмотрения произведений писателя обусловила ряд достоинств монографии. Но некоторым вопросам все же следовало уделить боль-

ше, на наш взгляд, **внимания**, в частности в связи с финалом донской эпопеи о неотвратимости наказания за преступления перед народом, о гуманном отношении к талантливой, но не разобравшейся в сложной политической обстановке личности и стремлении защитить ее. Имеется в виду не только рассказ об ответственности человека перед историей, но и ответственности истории перед человеком.

Монография — как тип издания — имеет некоторые параметры, которые можно было бы использовать полнее. Следовало, на наш взгляд, упомянуть главные работы шолохововеда и я: труды В. Гуры о творческой истории, А. Бритикова о концепции эпопеи и др. Некоторые части книги можно было бы сократить без ущерба для ее содержания.

Самое большое достоинство монографии — она дает грузинскому читателю полное представление о творчестве М. Шолохова, о корнях его книг, о связи с фольклором, своеобразии жизни донских казаков, о значении творчества писателя. Она направляет грузинского читателя на правильное прочтение его книг.

Зоя ТУХАРЕЛИ

ИМЯ славного сына украинского народа — Тараса Шевченко было широко известно еще в дореволюционной Грузии.

Обучавшиеся в украинских университетах студенты-грузины внесли значительный вклад в духовное сближение грузинского и украинского народов, в углубление их культурных связей. Они же очень многое сделали и для популяризации Кобзаря в Грузии.

Большой наплыв грузинских студентов в университеты Украины объяснялся, во-первых, близостью Украины и Грузии, а, во-вторых, более благоприятными условиями жизни в университетских городах Украины — в Киеве, Харькове, Одессе — по сравнению со столицей.

Грузинские студенты были объединены в землячества, которые вели многостороннюю, интересную и полезную деятельность.

Они знакомили местное население с грузинской культурой и литературой, и в свою очередь у себя на родине, в Грузии, заботились о распространении сведений по истории Украины, о ее культуре. Они переводили лучшие произведения украинских писателей, многие из них нередко публиковались в грузинской прессе.

К 170-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

Отар ДЖАНЕЛИДЗЕ

«МЫ
ЕДИНЫ
ДУХОМ...»

●

Т. ШЕВЧЕНКО И
СТУДЕНТЫ-ГРУЗИНЫ
НА УКРАИНЕ

●

Большой любовью и успехом у грузинских студентов пользовалось творчество Т. Шевченко. И это было не удивительно: грузинские студенты были воспитаны на демократических традициях «тергдалеулеби» и разделяли идеи грузинских шестидесятников в борьбе за социально-национальное освобождение, которыми было проникнуто и творчество Шевченко.

Патриотическая поэзия Шевченко своим глубоким гуманизмом, революционным пафосом и нежным лиризмом еще до перевода на грузинский язык пользовалась большой популярностью среди передовой грузинской интеллигенции.

Не случайно в Тбилиси в одной семье была найдена тетрадь с украинской рукописью стихов Т. Шевченко. Исследователи справедливо предполагают, что эта рукопись родилась еще при жизни поэта и принадлежит человеку, близкому Шевченко¹.

Первым переводчиком произведений Шевченко на грузинский язык является известный писатель-народник Нико Ломоури, а приоритет опубликования принадлежит Илье Чавчавадзе.

Одними из первых переводчиков Шевченко на грузинский язык были М. Гуриели, С. Шаншиашвили, Иасамани, С. Хундадзе, Д. Томашвили, Г. Кучишвили, С. Пашалишвили и другие. Только один поэт Иасамани (М. Киндурашвили), который окончил Киевский университет, перевел более двухсот стихов Кобзаря².

При жизни Т. Шевченко было опубликовано всего лишь 17 его стихотворений, но на Украине уже тогда знали наизусть почти все его творчество.

Популярность стихотворений Шевченко обуславливалась тем, что лира певца звучала для блага отечества и призывала к освобождению родной страны. Поэт болел за каждого угнетенного и обездоленного, невзирая на национальность, и жаждал их свободы:

Его произведения полны веры в будущее. Они настраивали тысячи угнетенных против самодержавия. Свободолюбивые стихи и полотна Кобзаря приводили царизм в ужас. Кисть и перо являлись острым оружием Шевченко против полицейского произвола и других пороков царизма. Именно поэтому ему и было запрещено писать и рисовать. В июне 1847 года на «высочайшем» приговоре определенного солдатом поэта в Орен-

¹ «Заря Востока», 1941 г., 24 мая.

² Музей грузинской литературы. д. № 22776.

бург «коронованный палач» Николай I собственноручно написал: «под стражайший надзор, с запрещением писать и рисовать».

«Данте изгнали с родины, но ему не запрещали описывать свой ад и сочинять песни о своей Беатриче, а я..., а я несчастнее этого флорентийского преследуемого», — писал поэт.

Шевченко был лишен «самой благородной части бытия», но заставить его замолчать не смог никто. Правительство упорно запрещало его книги, но они безошибочно пробивали путь к сердцам народа. Студенчество черпало в них источник вдохновения в борьбе за свободу.

Шевченко прожил всего 47 лет, 24 года из них он провел крепостным помещика Энгельгардта, 10 — сосланным солдатом, а последние 4 года — под наблюдением полиции. У него не было наследника, но он оставил драгоценное наследство нерукотворных стихов и поэм.

Творчество Шевченко неувядаемо, а имени поэта не суждено быть забытым. Тщетно пытался царизм путем репрессий внушить народу ненависть к Кобзарю. Шевченко нашел в сердце народа плодотворную почву и глубоко укоренился в ней. Характерно, что юбилейные даты поэта были отмечены еще в дореволюционное время.

На юбилей Кобзаря широко откликнулась и грузинская периодическая пресса. На страницах грузинских газет и журналов были опубликованы биографические данные поэта, статьи о его творчестве.

Примечательно, что авторами писем и корреспонденций, посвященных Т. Шевченко, в большинстве случаев были студенты-грузины, учащиеся украинских университетов (Г. Наморадзе, А. Церетели, И. Асланишвили и др.). Об уважении и любви грузинской молодежи к великому сыну украинского народа говорит и такой факт: в 1911 году на Украине началось движение за то, чтобы в 1914 году, к 100-летию Т. Шевченко, открыли памятник поэту. Студенты-грузины горячо пропагандировали эту благородную идею и активно участвовали в сборах необходимых для сооружения памятника средств.

С начала 1914 года вся прогрессивная Украина и вместе с нею передовая общественность других национальностей тща-

тельно готовилась к 100-летию со дня рождения любимого поэта, но этому благородному начинанию всем своим бюрократическим аппаратом препятствовал самодержавный монарх России (Николай I при жизни не давал покоя поэту, а Николай II борется против имени поэта). Представители местной власти надлежащим образом были предупреждены о недопущении никаких мероприятий, — связанных с днем рождения поэта. Царизм запретил не только празднество, но и поминки, устроенные в честь великого Кобзаря.

За публикацию материалов, посвященных поэту в юбилейные дни, правительство наказало целый ряд редакторов и издателей. В числе наказанных были: большевистская газета «Путь правды», журнал «Студенческое дело», грузинская газета, выходившая в Кутаиси, — «Симартлис хма» («Голос правды») и др. Но любовь прогрессивного общества к Кобзарю оказалась более сильной, чем репрессивные меры царизма. Во многих городах Украины проводились разные мероприятия, посвященные Шевченко. Против запрета юбилея правительством в Киеве, Харькове, Одессе и в других городах прошли демонстрации протеста.

У нас имеется множество воспоминаний (вышедших в свет и неопубликованных), архивные и другие материалы, которые освещают участие студентов-грузин в этих демонстрациях.

Участие грузинских студентов в демонстрациях протеста является ярким примером дружбы народов и интернационализма, оно обогащает и делает более интересной дореволюционную летопись дружбы украинского и грузинского народов. Поэтому выяснение каждого такого факта имеет огромное значение.

Пожелтевшие страницы дореволюционных грузинских газет и журналов сохранили память волнующих дней февраля 1914 года — хронику юбилея Т. Шевченко. В корреспонденциях, посланных из Киева, Харькова и Одессы, грузинские студенты, как непосредственные участники и свидетели упомянутых событий, описывают создавшееся положение в украинских университетских городах по поводу запрета юбилея поэта.

«25 февраля Киев представлял собой военный лагерь», — сообщает один корреспондент. «Киев, который считался гнездом правых, 25—26 февраля нельзя было узнать», — добавляет другой. «Главные улицы переполнены были демонстрантами-студентами, везде раздавались революционные песни. Как залось, римляне встречают с триумфом победителя над Карфагеном Сципиана Африканского», — читаем в газете.

По сведениям жандармерии, в знак протеста запрета юбилея Шевченко среди киевских студентов велась усиленная агитация. Агитацией руководили Студенческий коалиционный совет и Временный комитет, в которые входили представители разных землячеств.

Согласно призыву Киевского комитета РСДРП, 23 февраля 1914 года на заседании студенческого временного комитета решили, что через два дня все высшие учебные заведения города объявят забастовку. Правда, жандармерии удалось арестовать несколько членов комитета⁴ (среди них был и грузинский студент М. Барнабишвили), но 25 февраля забастовка все-таки состоялась. Несколько тысяч студентов вышли на улицу. Несмотря на то, что были запрещены даже поминки Шевченко, студенты все-таки начали собираться вокруг собора святого Владимира. Полиция, которой руководил сам губернатор Киева Суковкин, окружила собравшихся и начала гнать их оттуда. Студенты собрались в соборе... «В течение всего дня состоялись 30 демонстраций, есть раненые, изуродованные лошадьми, арестованы 70 человек, в основном студенты». — сообщала газета.

Среди арестованных активных участников демонстрации были и грузинские студенты, в частности К. Гегелидзе, Д. Чхеидзе (Турдоспирели), А. Мачавариани, Н. Чхеидзе, И. Окропиридзе, Л. Гачечиладзе, А. Беридзе, Н. Бердзенишвили, Л. Коркашвили и другие.

Один из участников демонстрации, впоследствии известный грузинский врач Н. Чхеидзе, вспоминает: «На перекрестке Крещатика и Фундуклеева полиция окружила демонстрантов, среди которых были и грузины. Одну часть этих студентов арестовали и повели в полицейский участок на улице Тарасова, недалеко от университета. Среди сорока грузинских студентов был и я. У нас отбирали студенческие матрикулы. Во время допроса урядник часто встречался с фамилиями, которые заканчивались на «дзе» и «швили». Полицейский чиновник с удивлением обратился к задержанным грузинским студентам: «Что вас заставляет участвовать в антиправительственной демонстрации. Что вам за дело до Шевченко, он ведь не ваш писатель!»⁵.

⁴ ЦГИА УССР, ф. 274, оп. 4, д. № 376, лл. 2—4.

⁵ Газета «Комунисти», 1961, № 58.

Такие эпизоды встречаются и в воспоминаниях других грузинов — участников демонстрации. А ответы почти во всех случаях идентичны. Грузинские студенты решительно заявили, что в демонстрациях они участвовали вполне сознательно, в знак солидарности с украинцами.

Писатель С. Васильченко приводит один любопытный документ, из которого мы узнаем следующий факт. Когда арестованных грузинских демонстрантов полиция спрашивала: «Какой вы национальности?», они отвечали: «Украинец!» — «Какой же вы украинец, вы же грузин». Они сердито отвечали: «Тебе говорят — пиши: украинец!»⁶.

26 февраля демонстрация продолжалась. Студенты решили соединиться с рабочими, но по указанию губернатора вмешались казаки. Демонстрантов разогнали. В этот день арестовали свыше 100 студентов.

В 10 часов 25 февраля в Харькове, во дворе университета, собрались несколько тысяч студентов разных национальностей⁷. Организатором митинга был студент Харьковского университета, историко-филологического факультета, впоследствии известный историк, профессор Александр Церетели. На стене главного корпуса Харьковского университета висел портрет Шевченко, украшенный черными лентами. Митинг был открыт, и слово произнес студент А. Церетели, потом выступили несколько украинских студентов. Были исполнены «Вечная память», несколько украинских песен и «Марсельеза».

Свидетель этих событий, бывший студент Харьковского университета, писатель Р. Коркия вспоминает, что грузинские студенты принимали активное участие в демонстрации. Портрет Шевченко несли Ал. Церетели и Н. Гургенидзе, а со всех сторон, как бы охраняя портрет, шли группы украинских и русских студентов.

Демонстрантам преградила путь полиция. Она пыталась отнять портрет, но студенты не дали. Наконец полицеймейстер схватил картину и крикнул на Церетели: «Для чего вам эта картина... Кто вы такой?»

— Мы грузинские студенты, господин полицеймейстер! Мы тоже вспомнили Шевченко, — ответил Церетели. — ...Он ведь был и наш батько»⁸.

⁶ «Радянська література», 1939, № 3, стр. 193.

⁷ ЦГАОР, ф. 102, ДП 00, оп. 244, 1914 г., д. 59, ч. 88, л. Б., л. 47.

⁸ Журнал «Мнатоби», 1978, № 12, стр. 45.

Демонстрация продолжалась до семи часов вечера. Полиция арестовала несколько десятков студентов. Среди них были и грузины: Ив. Лордкипанидзе, В. Сичинава и В. Шервашидзе, которых отчислили из университета.

Среди инициаторов организации демонстрации протеста против запрета юбилея Шевченко в Новороссийском университете вместе с украинскими студентами были и грузины. Надо отметить, что Одесское грузинское студенческое землячество было одной из многочисленных и влиятельных организаций высших учебных заведений Российской империи. До революции почти не было ни одного значительного события, на которое бы они не откликнулись и не показали бы своего отношения.

25 февраля 1914 г. в знак протеста на запрещение царского правительства чествования памяти великого Кобзаря на медицинском факультете Новороссийского университета состоялась однодневная забастовка. Студенты единогласно приняли текст поздравительной телеграммы, где мы читаем: «Прогрессивное студенчество Новороссийского университета уверено... что настанет момент, когда деятельность истинного народного поэта, носителя общественных идеалов и борца за освобождение крепостного крестьянства, получит должную оценку, и к памятнику его потечет вся демократическая Россия»⁹.

Землячество грузинских студентов в знак протеста против запрета юбилея поэта послало украинской газете «Рада» телеграмму. Это вызвало негодование русской газеты правых «Русская речь». Газета обрушилась и бесцеремонно клеймила грузинских студентов за эту телеграмму.

Надо отметить, что царизм поддерживал и содействовал членам «истинно русского союза» и другим организациям правых, как преданной и верной опоре, в деле провала всех мероприятий, посвященных Шевченко.

Держа в руках портреты царя и иконы, правые проводили в юбилейные дни поэта манифестации и этим препятствовали шествию демонстрантов. В городе Киеве они даже сделали попытку осквернить могилу Шевченко, но вооруженная группа студентов, которой была поручена охрана могилы, уберегла ее от манифестантов.

---

⁹ Альманах «Шевченкові», Одесса, 1940, с. 198.

В Киеве, в Доме-музее Т. Шевченко, на видном месте висит фотография, которая снята в феврале 1914 года. На ней изображены вооруженные студенты, которые охраняют могилу Шевченко от осквернения правых. Примечательно, что эта фотография в дар дому-музею была передана семьей проживающего в Киеве врача-грузина Н. Окропиридзе, закончившего Киевский университет и непосредственного участника этих событий¹⁰.

Так откликнулась передовая общественность на столетие со дня рождения Т. Шевченко и, несмотря на запрет, выразила любимому поэту свою любовь и преданность.

Репрессии царизма окончились провалом, более того — они против царизма же обернулись.

В. И. Ленин в статье «К вопросу о национальной политике», касаясь этих событий, писал: «Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя»¹¹.

Одна грузинская газета, освещая юбилейные дни столетия Т. Шевченко, подытоживала: «Этот праздник еще раз показал, что насилие не может уничтожить силу, а беззаконие — истину, и легче уничтожить народ физически, чем духовно».

Надо отметить, что в период «дней Шевченко» и в последующие 1915 и 1916 годы имели место студенческие волнения и выступления. Имеется много сведений, подтверждающих активное участие в этих выступлениях грузинских студентов.

Хочется привести один пример, который связан с именем еще одного выдающегося представителя дружбы и братства грузинского и украинского народов, народного артиста СССР Акакия Хоравы.

В начале марта 1916 года под предводительством студенческого коалиционного совета Киевского университета у собора святого Владимира собралось 5 тысяч студентов, чтобы устроить поминки Кобзарю и этим выразить протест царскому правительству и черной профессуре. В передовых рядах собравшихся студентов были и грузины: И. Элиашвили, К. Кикна-

¹⁰ Газета «Київська зоря», 1964, № 3.

¹¹ В. И. Ленин, соч., т. 25, с. 66.

301105940
3023010933

дзе, К. Лежава, Г. Натадзе, А. Пхакадзе, В. Чахава, Г. Хечинашвили, А. Хорава¹² и др.

Неожиданно на студентов напали полицейские и верховые казаки. Примерно сто участников были арестованы и доставлены в полицейский участок, где после допроса по отношению к ним применяли соответствующие меры.

Среди арестованных оказался А. Хорава, который в то время учился на медицинском факультете Киевского университета.

«— Скажите, пожалуйста, для чего вы приехали в Киев? Для учебы, не так ли? — спросил его офицер.

— Да, для учебы, — ответил Хорава.

— Если вы хотите учиться, то учитесь, что у вас общего с Шевченко, Украиной, что вы плетете...

— Что значит плету! Шевченко — это знамя всех народов. Когда я борюсь за Шевченко и Украину, это значит, что я защищаю свою родину, свою Грузию, ее культуру и историю. Мы разные по национальности, но мы едины духом, целеустремлением. Украинцы — наши братья»¹³.

Так начиналась и развивалась интернациональная дружба народов Российской империи, которая сегодня составляет одну из основ могущества Советского государства.

---

¹² Г. Пайчадзе. Один эпизод из истории студенческого движения в Киеве. В кн.: Из истории украинско-грузинских связей, III, Тб., 1975 г. с. 54.

¹³ Газета «Литературули Сакартвелო», 1964, № 10.

Саргис ЦАИШВИЛИ,
член-корреспондент Ака-
демии наук Грузинской
ССР, Президент Федера-
ции альпинизма Грузии,
мастер спорта СССР

ВЛЕКУТ ЧЕЛОВЕКА ГОРЫ

●
СЛАВНЫЙ ЮБИЛЕЙ
СПОРТА ОТВАЖНЫХ
●

ТРУДНО дать однозначный ответ на вопрос о том, почему влекут человека горы, в чем состоит причина этого «неизлечимого» увлечения. Упрямое стремление в горы — не самоцель и не просто желание удовлетворить свое собственное честолюбие, как это иногда утверждают. Не выдерживает никакой критики также явно наивное мнение, будто цель альпиниста состоит лишь в том, чтобы полюбоваться величественной панорамой, открывающейся с высоты (как будто нельзя увидеть ту же панораму из кабины самолета или вертолета, не говоря уже о космическом корабле!).

Следует помнить, что процесс совершенствования личности начинается с открытия самого себя. Человек всегда стремился стать на этот путь, всегда искал какую-либо исключительную об-

ласть приложения своих сил. Нельзя не признать, что хороший пахарь с таким же удовлетворением окидывает взором сделанную им борозду, с каким великий художник смотрит на завершенное им произведение искусства.

Альпинизм, как один из уникальных видов спорта, объединяет в себе именно те качества, которые в совокупности своей пробуждают в человеке дремлющее желание преодолевать препятствия. Хорошо ли мы знаем, кто из нас на что способен? Где предел наших моральных и физических возможностей? Всегда ли жизнь позволяет нам проверить свои возможности, чтобы смелее бороться за решение тех задач, которые в дальнейшем сама же жизнь поставит перед нами?

С этой точки зрения альпинизм, в котором сконцентрированы самые разнообразные препятствия, — это лучшая школа. Он удивительно закаляет волю, совершенствует нравственные качества человека, формирует его характер.

Альпинизм — это не бесцельное лазание по скалам; в противном случае каждый шаг увлеченного альпинизмом человека походил бы на механическое действие робота. Наряду с эстетикой борьбы он поразительно развивает в человеке чувство близости к природе, причастности с ней, в котором так нуждается современный человек. Путь к настоящему гуманизму начинается с отношения к природе. Известный канадский писатель и естествоиспытатель Фарли Моуэтт был потрясен, услышав как будто совершенно простое высказывание одного рыбака: «Люди не смогут жить в мире на нашей Земле, пока не научатся жить в мире с самой Землей». Вот почему настоящий альпинист никогда не отзывается иронически с взятых им вершинах. Он относится к каждой из них как к хозяину, который гостеприимно раскрывает двери своего дома только достойным переступить его порог. Все мы читали и помним о том, с каким почтением расстался с величественной Джомолунгмой первый ее покоритель Норг Тенсинг.

Альпинизм, вместе с тем, великолепная школа человеческих отношений. Как дорог и близок становится человек, вместе с тобой шагающий к горной вершине, на какой риск идут люди, объединенные одной целью и уверенные друг в друге. Кроме того, альпинизм — прекрасная школа интернационального воспитания. Наша дружба с русскими, украинскими или узбекскими товарищами — не пустой лозунг: наши восходители неоднократно доказывали это, когда при первых же признаках беды бросали свое дело и бескорыстно, рискуя собственной жизнью, шли

на выручку попавшим в беду друзьям. История советского альпинизма знает немало примеров этому.

Еще одна особенность альпинизма — его комплексный характер. В лучшем случае здесь объединяются воедино физические и интеллектуальные данные. Исключено, чтобы по сложному скальному участку или по ледяной стене сумел пройти физически слабый спортсмен, не владеющий своим телом, не координирующийся в пространстве. Вместе с тем выбор маршрута и распределение сил требуют высокого напряжения разума. Ведь альпинист ведет борьбу не в какой-то ограниченной, как говорят, герметичной среде. Альпинист должен хотя бы на элементарном уровне владеть наукой о Земле, знать, какого типа скалу или ледопад предстоит ему преодолеть в том или ином конкретном случае. Он обязательно должен хорошо изучить местность и уметь ориентироваться на ней. Правда, иногда в шутку говорят, что альпинизм начинается там, где кончается туризм, но, конечно же, всем ясно, что хороший альпинист должен быть и хорошим туристом, поскольку до начала непосредственно альпинистского маршрута ему приходилось и приходится преодолевать крупные горные массивы. Одним словом, тот, кто хочет стать альпинистом высокого ранга, тем более в наши дни, когда альпинизм достиг невиданного уровня технической оснащенности и профессионального совершенства, должен быть всесторонне и гармонично развитым спортсменом.

Альпинизм — по всеобщему признанию — спорт отважных, и тот, кто им занимается, приобретает огромный опыт. Со всей ясностью это еще раз показала Великая Отечественная война. Советские альпинисты внесли действительно достойный вклад в историю Великой Отечественной войны, помешав фашистским ордам, в числе которых были грозные горные дивизии, перейти священные перевалы Кавказа. Партия и правительство, верховное командование высоко оценили заслуги наших альпинистов.

В силу отмеченных нами качественных особенностей, надо полагать, альпинизм, как выражение определенных внутренних стремлений человека, должен был возникнуть уже давно. Так считают и историки почти каждого горного региона нашей планеты. Конечно, и у нас, на Кавказе, в прошлом должны были осуществляться попытки покорения вершин, но факт остается фактом: история сохранила об этом весьма неясные сведения. Так, например, имеется сообщение о том, что еще во времена царя Ираклия некий мохевец Иосеб совершил одиночное восхождение на Казбек (этот факт подтверждается также в книге

Иоанна Багратиони «Калмасоба»). В Картли на вершине горы Брутсабдзела (которую местные жители называют также Эльбрусом) найдены древние следы пребывания человека. И все же, как мы уже говорили, альпинизм как спортивно-организационная форма, — порождение новых веков, связанное с возрождением спортивного движения.

И действительно, как известно, летоисчисление спортивного альпинизма в мировых масштабах начинается с 1786 года, когда была организована экспедиция на высочайшую вершину Альп Монблан (4.810 м.). На вершину взойшли местные жители Жак Заль и доктор Пикар (между прочим, и сам термин «альпинизм» возник именно в связи с этим).

Что же касается советского альпинизма, юбилей которого отмечает сегодня наша страна, то ему всего 60 лет.

Первые шаги его горячо поддержало совсем еще тогда молодое Советское государство, понимая его особое значение в деле гармонического воспитания молодежи.

Результаты этого оказались действительно впечатляющими. Так, например, с точки зрения массовости наш альпинизм сегодня стоит на первом месте в мире. Что же касается спортивных достижений, то и в этом отношении советский альпинизм давно уже получил международное признание. Достаточно назвать хотя бы массовое восхождение на высочайшую вершину мира Эверест (8.848 м.), осуществленное в 1982 году.

В. Белинский писал, что Кавказу, и в частности Грузии, суждено было стать Парнасом русской поэзии; слова эти можно было бы применить и к советскому альпинизму, ибо он действительно родился на Кавказе, а пионерами этого великого движения, как и следовало ожидать, были именно грузинские восходители.

Как известно, в 1923 году были проведены два массовых и всесторонне организованных восхождения на Казбек. Первая экспедиция, которой руководил известный ученый и выдающийся подвижник в деле развития грузинского спорта Георгий Николадзе, 28 августа достигла вершины. Через несколько же дней (3 сентября) по несколько иному маршруту на вершину взойшла научная экспедиция под руководством профессора Александра Дидебулидзе.

Здесь необходимо отметить главное: уже в этом первом походе проявились те основные черты, которыми так резко выделяется советский альпинизм в мировых масштабах. Группа

Саргис Цаишвили. Влекут человека горы.

представляла собой организованный, единый коллектив и состояла из 18 участников, что по тем временам было беспрецедентным случаем массового восхождения. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что среди восходителей было пять женщин.

По всеобщему признанию, эта первая грузинская экспедиция, как мы уже отмечали, положила начало советскому альпинизму, и с этого дня его развитие пошло вперед действительно гигантскими шагами.

Для истории грузинского альпинизма характерно еще одно обстоятельство. У истоков его стояли выдающиеся грузинские ученые, писатели, общественные деятели. Они с самого же начала глубоко осмыслили перспективность альпинизма, как спортивно-культурного движения, в стране с такими природными возможностями, как Грузия. Время блестяще подтвердило правильность их благородных замыслов.

Но одно дело — быть зачинателем великого движения, и совершенно другое — достойно продолжать начатое. К чести грузинских альпинистов нужно сказать, что они и в дальнейшем неоднократно проявляли себя и одерживали победы поистине этапного значения.

Достаточно вспомнить здесь, уже начиная с 30-х годов, несколько блестящих восхождений грузинских альпинистов, связанных с именем неизменного лидера грузинских альпинистов того времени Алеши Джапаридзе. Организованный им первый советский поход на такую сложную в техническом отношении вершину, как Ушба (1934 г.), оценивался в свое время как самая важная победа советского альпинизма. С его же именем связано и проведение в 1940 году гигантского траверса Центрального Кавказского хребта (от Цурунги до массива Шхары); ставшего также этапным событием на пути развития всего советского альпинизма.

Качественно новым шагом на этом пути явился и совместный траверс таких технически сложных вершин, как грозные бастионы Ушбы и Шхельды, который осуществила в 1950 году группа выдающегося грузинского восходителя Иванэ (Како) Марра.

Как известно, в наш век альпинизм развивается по нескольким направлениям. Первое из них — это преодоление технически сложных вершин и стен. Советский альпинизм делал еще только первые шаги, когда это направление получило широкое развитие в Альпах. Взятие Ушбы было в этом отношении первой серьезной заявкой. Второе направление, можно сказать, рожде-

но нашим, советским альпинизмом. Это — совместные переходы массивов вершин или траверсы. За последнее время как во всем мире, так и в советском альпинизме заметно большое оживление в третьем направлении. Это — покорение 7- и 8-тысячметровых вершин, что альпинисты называют высотными восхождениями.

Грузинские восходители работали во всех перечисленных здесь трех направлениях, и следует сказать, что за последние три десятилетия они достигли многих выдающихся побед по всем трем вышеперечисленным классам. Это стало тем более ясно, когда у нас были введены конкурсы специального характера. Не говоря уже о нескольких десятках вторых и третьих мест, достаточно только отметить, что за эти годы грузинские восходители десять раз заняли первые места по всем классам, а десятки из них удостоены высших спортивных наград — золотых медалей. И что особенно важно — они давно уже вышли за пределы Кавказа и так же успешно подвизаются в гигантских горных регионах Памира и Тянь-Шаня.

Грузинский альпинизм как в тактическом, так и в техническом отношении стоит сегодня на уровне качественно новых, профессионально современных мировых стандартов. И все такие победы — естественное следствие этого. Но ведь фактом является и то, что эти победы одерживаются восходителями как среднего возраста, так и совершенно молодого поколения, достойно украшающего сегодня не только грузинское, но и все советское альпинистское движение. Следует сказать также, что альпинизм все-таки остается крайне сложным и вместе с тем опасным видом спорта, и мы должны в будущем сделать все для того, чтобы свести к минимуму всякую возможность спящего случая, которая всегда сопутствовала и сопутствует борьбе с горными вершинами. В этом отношении у нас, к сожалению, были крупные потери, и я уверен в том, что будущие поколения будут свято хранить в своей памяти имена погибших.

Наряду с блестящими победами, как уже говорилось, грузинский альпинизм дал десятки восходителей высшего класса, которые, можно сказать без колебаний, являются украшением как советского, так и мирового альпинизма. Я назову здесь только выдающегося грузинского восходителя Алешу Джапаридзе, а также владевшего всеми тайнами технических восхождений «тигра скал» Михаила Хергиани и зачинателя первых грузинских высотных восхождений Джумбера Медзмариашвили. Да, одного

лишь упоминания этих трех прославленных альпинистов довольно для того, чтобы с гордостью говорить о престиже грузинского альпинизма как в нашей стране, так и за ее пределами.

Зачинатели грузинского альпинизма с самого же начала мыслили его как широкое организационно-культурное движение. Следует отметить, что именно они стали инициаторами создания Географического общества Грузии. Альпинизм явился дальнейшим толчком к развитию туризма и горнолыжного спорта в нашей республике.

Нельзя забывать также, что помимо расширения массового альпинизма (вспомним хотя бы развитую у нас одно время добрую традицию проведения альпиниад) и спортивных достижений, грузинские восходители много раз оказывали помощь научным экспедициям в деле изучения и освоения горных районов Грузии, — будь то географы, топографы или геолги. Восходители оказывают, например, действительную помощь историкам и археологам в выявлении древнейших пещер и убежищ. Грузинские альпинисты одними из первых начали исследование природных и подземных (карстовых) пещер... Да разве все перечтешь! Хочу здесь же отметить и тот, отрадный факт, что именно на основе грузинского альпинизма возникло такое важное спортивное движение, как скалолазание, шагнувшее за последние годы далеко вперед.

60-летие грузинского альпинизма — поистине важная дата в истории грузинского спортивного и физкультурного движения. Сегодня, еще раз оглядываясь на пройденный славный путь, мы не должны закрывать глаза на то, что, к сожалению, мы сегодня отстаем в развитии массового альпинизма, в то время как тысячи молодых людей страстно желают вступить в ряды альпинистского движения. В тотальном обновлении нуждается сегодня материально-техническая база грузинского альпинизма, а причиной этого, между прочим, является халатность руководства альпинизмом, чтобы не сказать больше.

Новое руководство Комитета по делам физкультуры и спорта при Совете Министров Грузинской ССР уже сделало серьезные шаги для обеспечения того, чтобы грузинский альпинизм в условиях общего подъема, имеющего место в нашей республике сегодня, достойно выполнил высокую миссию спортивного воспитания нашей молодежи.

Владимир ХАРИТОНОВ

ОБРАЗНЫЕ ДОМИНАНТЫ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

СОВРЕМЕННОЕ советское искусство владеет богатейшим арсеналом различных художественных форм. Изменения этих форм с достаточной полнотой рассматриваются конкретными науками об искусстве. Но, как справедливо утверждает З. Какабадзе, «искусство одной эпохи характеризуется некоторыми общими формальными особенностями»¹. Учитывая национальную, видовую и индивидуальную специфику разных способов художественного освоения мира, необходимо такое обращение к практике современного советского искусства, которое поможет найти образные доминанты, общие для разных видов искусства и выражающие самое существенное в развитии образных средств.

В качестве таковых мы выделяем следующие образные доминанты: документализация, достоверность, ассоциативность и условность. Названные типологические особенности наиболее характерны для современного искусства. Они присущи искусству в целом, могут в его образном строе сосуществовать равноправно, могут кратковременно выделяться на фоне друг друга.

Документализацией мы называем процесс придания художественным образам структуры и фактуры документа — заинтересованного и точного свидетельства в формах, рассматриваемых культурой данной эпохи как специально для этого созданных, узаконенных, получивших особый статус. Обращение искусства к документу дает различные варианты документализации. Если результаты этого процесса типологизировать,

¹ Какабадзе З. М. Феномен искусства. Тб., 1980, с. 39.

то условно можно выделить три основные формы документализации.

УДК 79.01:79.02
202.2.01.01.03.03

Первый вид документализации — это художественная передача реальных событий в форме факта. За счет теснейшего слияния жизненного содержания с жизненной же, точной формой факт становится самоценным и «прячет» его организацию автором, авторское отношение к нему. Иллюзию подлинности факта дают фильмы Ю. Карасика («Шестое июля») и А. Гриквявичуса («Факт»), спектакли О. Ефремова («Так победим!») и С. Мревлишвили («Ладо Кецховели»), проза Д. Гранина («Клавдия Вилор») и С. Чилая («Я и мой профессор»).

Второй вариант документализации обнаруживается в тех случаях, когда художник отображает факт в особой форме его документирования — его фиксирования в документах определенной эпохи, определенного типа, определенного стиля. Документальная форма художественного воплощения действительности воспроизводится в фильмах Л. Кулиджанова («Карл Маркс. Молодые годы») и М. Хуциева («Июльский дождь»), пьесах А. Гельмана («Заседание парткома») и А. Чхаидзе («Чинарский манифест»), романе В. Богомолова («В августе 44-го») и повести Э. Кипиани («Шапки, брошенные в небо»). С. Чхаидзе, снимая фильм «Пастухи Тушетии» в естественных условиях и имитируя типовую документальную среду, убеждает зрителя в точности происходящих событий.

Третья форма документализации создается соединением вымышленного и достоверного в ткани произведения. Пример такого синтеза представляют нам фильмы М. Швейцера («Время, вперед!») и О. Иоселиани («Листопад»), спектакль Ю. Какулия («Баллада о молодогвардейцах»), проза А. Чаковского («Победа») и Г. Цицишвили («Любовь поры кровавых дождей»). М. Швейцер и О. Иоселиани в названных работах так естественно монтируют игровые кадры фильма с хроникой, что документальные элементы, дающие незначительную познавательную информацию, приобретают дополнительный содержательный и образный смысл, новые планы и оттенки.

Документализация искусства имеет сегодня разнообразный характер. Художники тяготеют к факту и документу, синтезу правды и вымысла. Выражается это иногда в своеобразной «дедокументализации» документа, в следовании стилю «ретро» (фильмы «Синема» Л. Элиава, и «Кукарача» С. К. Долидзе). Более скрыто ее влияние ощутимо в верности художников исторической правде, в достоверности времени, образа жизни, характеров людей.

105040
012-111033

Под **достоверностью** подразумевается такое расширение самой палитры изображения жизни, при которой усиливается внимание художников к фактуре предметного мира, чертам стиля жизни, к эстетизации земного и предельно обыденного, к освоению жестких и «болевых» явлений и противоречий действительности. При таком подходе «и сорняк равно, как роза, освещается лучами» (Ш. Руставели). Тяготение художников к своеобразному «неореализму» нашло художественное отражение в произведениях В. Кондратьева («Сашка») и А. Сулакаури («Лука»), фильмах Н. Губенко («Подранки») и Т. Баблуани («Брат»), пьесах А. Вампилова и Т. Чиладзе, спектаклях А. Васильева («Взрослая дочь молодого человека») и А. Варсимашвили («Утиная охота»).

В театре и кино достоверность проявляется в своеобразном использовании живописи и музыки. Художники театра и кино А. Борисов, Д. Боровский, Н. Двигубский, Г. Месхишвили создают достоверную, но и одновременно эстетически значимую пластическую среду фильма и спектакля. Испытывая особый интерес «к миру конкретных предметов и явлений»², они стремятся вызвать впечатление достоверности не самой жизни, а эстетической достоверности ценностно-смысловой реальности, ими создаваемой.

Активно участвуя в режиссерских поисках и разработках, композиторы В. Дашкевич, Г. Канчели, А. Петров, Г. Свиридов, И. Шварц, А. Шнитке формируют своеобразную эмоциональную формулу спектакля и фильма, его звуковую партитуру, добиваются органического взаимодействия музыкальной драматургии с движением сюжета. Разумеется, музыка несколько нарушает сценическую и экранную достоверность. Однако сегодня это менее заметно. Так, если музыкальные «вставки» картины «Хевсурская баллада» создавали у зрителя паузу в восприятии кинодействия, то в «Чудаках» музыка воспринималась вполне органично.

Осваивая близкий, осязаемый мир, вживаясь в окружающее, литераторы интенсивно пополняют лексику, воспроизводят узнаваемые характеры и ситуации. Популярность песен-монологов В. Высоцкого, стихотворений Н. Рубцова и М. Лебанидзе, рассказов В. Шукшина и Д. Топуридзе объясняется

---

² Асатиани Г. Л. Крылья и корни. М., 1981, с. 144.

и тем, что они смело вводили в литературный текст живые, разговорные слова и выражения, которыми люди пользуются в повседневной жизни.

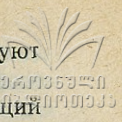
Выделение достоверности проявляется и в возрастании роли изобразительного ряда художественных средств. В кино эта тенденция наиболее ощутимо воплотилась в живописности кадра. Современные операторы Л. Калашников, А. Майсурадзе, Г. Рерберг, В. Юсов способствовали повышению роли цвето-световой драматургии, при которой камера не только воспроизводит действие, но и живописными средствами оценивает его, тонко раскрывает авторское отношение. Органическое единство предельной жизненной достоверности, эстетической активизации антуража и концептуальности «живописных» образов характеризует работы Л. Ахвледiani, А. Заболоцкого, Г. Лаврова, Д. Месхиева, Л. Пааташвили, Н. Эркомашвили.

В снятых ими фильмах изменилась сама наполненность антуража; в нем стало меньше внешней «красивости», прибавилась максимальная приближенность к конкретным жизненным реалиям; их «осязаемость».

Операторы П. Чухнов («Восхождение»), А. Филиппашвили («Путь домой») выстраивают кадры своих фильмов с преднамеренно приземленными, жесткими деталями, но именно на этом фоне идеальность героев и высота их мировоззренческих ценностей становятся более жизненными и достоверными.

Доминирование достоверности (к тому же стимулированное влиянием телевидения) повлекло вслед за живописностью использование таких образных приемов, как замедление художественного времени и укрупнение плана изображения для углубления и усиления художественного зрения, подчеркивание духовно-аналитического начала.

Стремление мировоззренчески осмыслить жизнь диктует литературе неспешную манеру повествования, дающую возможность внимательно всмотреться в бытие и понять мышление грузинского крестьянина («Шакро» У. Рижинашвили), проникнуться тревогами и волнениями современной деревни («Прощание с Матерой» В. Распутина), проанализировать взаимоотношения человека с природой («Царь-рыба» В. Астафьева). Та же тенденция в театре ведет к предпочтению «драмы идей», происходящей в художественно-конкретных обстоятельствах, как у М. Рощина («Спешите делать добро») или Л. Росеба («Провинциальная история»). Медленным разворачиванием мизансцен и размеренным ритмом спектакля А. Эфрос («Веранда

в лесу») и М. Туманишвили («Свиньи Бакулы») формируют атмосферу раздумья о судьбах человека и смысле жизни.

Кино, научившись живописать человека и окружающий его мир, обнаруживает скрытую в исследуемом объекте динамичность с помощью неподвижной камеры, увеличением количества и длительности крупных планов актеров. Статичные эпизоды и крупные планы в фильмах С. Бондарчука («Они сражались за Родину»), А. Германа («Двадцать дней без войны»), Г. Лордкипанидзе и Г. Габескирия («Берега») наполнены внутренним действием и напряжением: они создают ситуацию исследовательской сосредоточенности и позволяют зрителю обнаруживать динамику жизни героев.

Таким образом, стремление к достоверности ценностно-смысловой реальности мобилизует все имеющиеся художественные средства, усложняет образную структуру, вызывая новые способы и приемы освоения действительности.

Художественный образ, как известно, ассоциативен по своей природе. Но когда это свойство выделяется, усиливается и концентрируется в образной ткани искусства, оно приводит к доминированию **свободной ассоциативности**, которой мы называем непринужденный, естественный монтаж самых различных, часто непосредственно не связанных в реальной жизни фрагментов мира во имя нахождения нового и существенного смысла. Частным случаем свободной ассоциативности выступает метафоричность, метанимичность и другие средства создания образа.

В современной советской поэзии тенденция к усилению ассоциативности наметилась в середине 60-х годов, когда на смену лирической распахнутости и публицистической злободневности пришла смелая ассоциативность образов, сложные и неоднозначные выражения мыслей и чувств в творчестве Е. Винокурова, А. Вознесенского, М. Мачавариани.

Свободная ассоциативность в эпическом роде дала о себе знать в начале 60-х годов волной лирической прозы. Использование поэтической ассоциативности обогатило произведения А. Битова, Н. Думбадзе, Ю. Казакова. Постепенно писатели стали умереннее пользоваться элементами ассоциативной образности. Но и сегодня она представляет художнику возможность непосредственнее выразить свои чувства и мысли, укрепляет его художественное воображение, позволяя создавать как ситуации предельно реальные, так и крайне условные,

свободно применять средства лирики, эпоса и драмы. Эти особенности присущи, например, произведениям М. Зариня, А. Кима, М. Слущкиса, Р. Чейшвили.

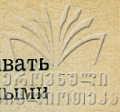
В романах Г. Гегешидзе «Гость»; Л. Гинзбурга «Разбилось лишь сердце мое...», Е. Евтушенко «Ягодные места», Т. Чиладзе «Вот кончилась зима» свободная ассоциативность определяет свободный характер всех сюжетных и композиционных связей, воспринимаемых читателем только в сопоставлении их друг с другом. Это обстоятельство дало повод В. Распутину назвать роман Е. Евтушенко удивительно свободным, неожиданным и раскрытым, «как может быть свободна, неожиданна и раскрыта сама жизнь»³.

Укоренение свободной ассоциативности на экране дало так называемый «поэтический» кинематограф, который бурно и стремительно развивался в 60-е годы. Ассоциативность реализовалась в нем свободным движением «субъективной» камеры, монтажными метафорами, смелыми цветовыми экспериментами, символикой и ассоциативностью в чистом виде. Позднее «поэтический бум» в кино и спорах о нем прошел, хотя пристрастие режиссеров к ассоциативной образности сохранилось. Теперь мы обнаруживаем тяготение к метафорическим формам, например, в грузинской комедии. Сегодняшний кинематограф в целом менее метафоричен, чем «Первый учитель» или «Тени забытых предков». В фильмах С. Соловьева («Наследница по прямой»), И. Авербаха («Признание в любви»), О. Иоселиани («Жил певчий дрозд», «Пастораль») ассоциативность имеет более скрытый и естественный характер, позволяющий зрителю за видимым на экране представить подразумеваемое. Но в фильмах таких режиссеров, как Л. Гогоберидзе («Несколько интервью по личным вопросам»), Р. Чхеидзе («Твой сын, земля») ассоциативность используется как преднамеренный открытый композиционный прием, позволяющий — с помощью ретроспекций в жизнь главных героев — обнаружить авторскую точку зрения, связи между эпизодами и истинное содержание произведения.

Свободная ассоциативность довольно активно проникает в спектакли М. Туманишвили («Дон Жуан»), Т. Чхеидзе («Сто лет назад»), пантомимические композиции А. Шаликашвили.

В целом же свободная ассоциативность, помогая проявлению авторского начала, освоению глубоких мировоззренческих проблем, дает воспринимающему возможность видеть

³ Распутин В. Слово о романе. М., 1981, № 10, с. 3.

многоплановость художественного произведения, обнаруживать его обобщенный смысл и соотносить его как с конкретными фактами повседневного человеческого существования, так и с фактами общественного масштаба, с коренными проблемами жизни и духа.

Условность как постоянное свойство искусства, объективно порождающее, например, жизнеподобие актерской игры или иллюзию реальности кинематографа, отличается от условности как совокупности сознательно применяемых образных приемов и способов, основанных (если воспользоваться определением В. Г. Белинского) на «пересоздании», а не «воссоздании» явлений действительности. Подобная условность характеризуется трансформацией художественной формы, игрой средствами, преувеличением и т. п. В этом смысле условность как образная особенность может на определенном этапе развития искусства обнаруживаться наравне с другими типами образных структур; в другой же период она проявляется не столь открыто, теряя свою остроту и функциональную значимость. В настоящее время наблюдается активизация условности в разных видах искусства, в образной структуре которых она выполняет определенные идейно-смысловые задачи.

Театр целиком опирался и опирается на условные формы выражения, у него особая предрасположенность к применению условной режиссуры. В творчестве И. Владимирова, Ю. Завадского, Н. Охлопкова, В. Плучека, Г. Товстоногова, М. Туманишвили велись поиски новых путей общения со зрителем с помощью условных средств и приемов, казалось бы, уже встречавшихся и ранее, но каждый раз меняющихся и приобретающих новый смысл.

Всевластие театральной условности в ее новейших современных видах наблюдается и в практике сегодняшнего театра. В спектаклях «Балалайкины и другие», «Чехонте в Эрмитаже», «Бриллиант маршала де Фантье» широко используются своеобразные условные приемы: лицо от театра, внутренний монолог, параллельный монтаж мизансцен, замкнутый диалог «театра двоих», гротеск и буффонада, исполнение одним актером нескольких ролей и сценическое воплощение одного персонажа разными актерами.

Условная образность в советском кино возродилась в 60-е годы. Проявлялась она поначалу робко, в фарсовых ситуациях («Я, бабушка, Илико и Илларион» Т. Абуладзе), в плоских

образных реакциях есть много общего, типологического. Та или иная типологическая образная особенность, соответствующая реализации художественных потребностей, может доминировать в образном сознании художников разных видов творчества.

Конечно, в отдельном произведении типы образных структур (при преобладании одной из них) могут действовать и, как правило, действуют сообща. Так, в романе Е. Евтушенко «Ягодные места», при доминировании ассоциативной образности, присутствуют в качестве субдоминант и другие образные особенности: документализация в эпизодах с Ю. Гагариным и С. Альенде, достоверность реализуется в колоритном и сочном изображении жизни сибиряков, условные формы фантастики — в описании К. Циолковского и галактиан. Перегруппировка образных доминант дает художнику и искусству возможность адекватно осваивать свой предмет, накапливать подвижный арсенал образных средств для художественного отражения изменяющейся действительности.

Указанные доминанты образуют широкий спектр способов художественного освоения мира, охватывающих пространство от максимального жизнеподобия до предельной условности. В практике современного советского искусства они обладают ценностно-художественным равноправием, широко и полно используются, взаимодействуют. И это лучшее свидетельство высокого уровня развития социалистического реализма.

ПОЭТ-ГРАЖДАНИН

В ТБИЛИССКОМ академическом театре оперы и балета имени З. Палиашвили состоялся юбилейный вечер, посвященный 80-летию со дня рождения известного грузинского советского поэта Алио Мирцхулава.

В президиуме — товарищи Э. А. Шеварднадзе, Г. Д. Габуния, Г. Е. Енукидзе, Д. Л. Картвелишвили, Б. В. Никольский, С. Е. Хабеишвили, Т. И. Мосашвили, Ж. К. Шартава, видные деятели науки и культуры, писатели, представители общественности.

Юбилейный вечер вступительным словом открыл председатель юбилейной комиссии, вице-президент Академии наук Грузии Г. Джибладзе. В своем выступлении он сказал: «Сегодня мы отмечаем юбилей пламенного сына Родины Алио Мирцхулава, творческое наследие которого является подлинным украшением грузинской советской поэзии. По произведениям поэта можно проследить все важнейшие вехи в жизни социалистической Родины. В них зримо живут прошлое и настоящее грузинского народа, традиции, идущие из глубины веков».

Слово о поэте, гражданственности его творчества про-

изнесли главный редактор журнала «Дроша» Х. Берулава, главный редактор журнала «Литературная Грузия» профессор Т. Буачидзе, второй секретарь ЦК ЛКСМ Грузии Д. Маргвелидзе, секретарь правления Союза писателей Грузии Р. Миминошвили, первый секретарь Хобского райкома партии Н. Надарая.

От имени литературной общности Армении выступил писатель А. Калантарян.

Поэт Т. Джангулашвили прочитал свое стихотворение, посвященное А. Мирцхулава.

Вечер закончился большим концертом, в котором приняли участие мастера искусств республики.

* * *

В Дидубийском пантеоне писателей и общественных деятелей Грузии на могилу А. Мирцхулава были возложены венки. Затем на фасаде дома на площади Карла Маркса, где долгие годы жил поэт, был открыт барельеф работы скульптора О. Парулава.

В Государственном литературном музее Грузии имени Г. Леонидзе была развернута выставка, рассказывающая о жизненном пути, творческой и общественной деятельности Алио Мирцхулава.

**«ПОЭЗИЯ — ПРЕЖДЕ
ВСЕГО»**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Советский писатель» (Ленинградское отделение) выпустило в свет сборник стихотворений народного поэта Грузии Галактиона Табидзе.

Г. Табидзе сыграл выдающуюся роль в становлении и развитии грузинской советской поэзии. Его проникновенная и тонкая поэзия высоко гражданственна и глубоко человечна. Полвека, отданные

поэтом подвижническому служению Поэзии, Родине и Революции, отражены в настоящем сборнике в переводах П. Антокольского, К. Симонова, А. Межирова, Б. Ахмадулиной, Н. Гребнева, В. Леонovichа и других известных русских поэтов.

Вступительную статью и примечания подготовил составитель сборника Г. Маргвелашвили. Редакция стихотворных переводов — Н. Гребнева.

Книга издана в Большой серии «Библиотеки поэта».

На I стр. обложки: репродукция с картины Д. Какабадзе «Имеретия — мать моя».

**КОНТРОЛЬНЫЕ
ЭКЗЕМПЛЯРЫ**

Сдано в набор 17.1.84 г. Подписано к печати 6.11.84 г. Формат 84×108¹/₃₂. Высокая печать. Печ. л. 7,0—усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. УЭ 01414. Тираж 6.050 экз. Заказ 107. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон 99-06-59.

Главный редактор Т. П. БУАЧИДЗЕ.

Редакционная коллегия:

Ч. И. АМИРЭДЖИБИ, Э. Г. АНАНИАШВИЛИ, Р. Н. АСАЕВ, А. Н. БЕСТАВАШВИЛИ, Х. Л. ГАГУА, А. Н. ГОГУА, Э. В. ЕЛИГУЛАШВИЛИ, М. И. ЗЛАТКИН, Н. Г. КАРАШВИЛИ [ответственный секретарь], Г. Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ, В. Г. МАЧАВАРИАНИ, Л. Ш. СТУРУА, Э. А. ФЕЙГИН, Г. В. ХАРАИДЗЕ [заместитель главного редактора], Г. Ш. ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 к

сп. 42/3

ИНДЕКС 76117

06.10.68
113.010033

